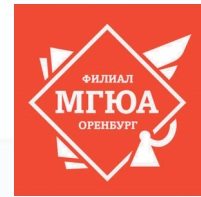

ISSN 2073-8838

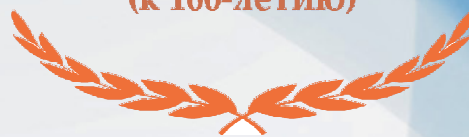

Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА

№ 3 (61) / 2024

Всероссийский научно-практический форум
«Судебная реформа 1864 г.:
вчера, сегодня, завтра...»
(к 160-летию)

Оренбург 2024

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)»
ОРЕНБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)**

**Труды
Оренбургского института
(филиала) МГЮА
№ 3 (61) / 2024**

Тематический выпуск

ОРЕНБУРГ – 2024

УДК 34

ББК 67

Т – 78

Учредитель: Оренбургская областная общественная организация «Попечительский совет Оренбургского института (филиала) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Редакционный совет:

- КОЛОТОВ А.Ф. советник ректора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент, председатель совета (главный редактор)
- ШНИТЕНКОВ А.В. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры уголовного права и криминологии, д.ю.н., доцент (ответственный редактор)
- АФАНАСЬЕВ С.Ф. Саратовская государственная юридическая академия, заведующий кафедрой арбитражного процесса, д.ю.н., профессор
- БАВСУН М.В. Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, заместитель начальника по научной работе, д.ю.н., профессор
- БОЛТИНОВА О.В. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры финансового права, д.ю.н., профессор
- ВАРЛЕН М.В. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), директор института «Аспирантура и докторантура», профессор кафедры конституционного и муниципального права, д.ю.н., доцент
- ВОСКОБИТОВА Л.А. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой уголовно-процессуального права, д.ю.н., профессор
- БУКАЕВ Н.М. д.ю.н., профессор
- ГРОМОШИНА Н.А. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, д.ю.н., профессор
- ЕФИМЦЕВА Т.В. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права, д.ю.н., доцент
- ЖОЛОбОВА Г.А. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой истории государства и права, д.ю.н., доцент
- ИСАЕНКОВА О.В. Саратовская государственная юридическая академия, заведующий кафедрой гражданского процесса, д.ю.н., профессор
- КВАНИНА В.В. Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), д.ю.н., профессор
- КОБЗЕВА С.И. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения, д.ю.н., профессор
- МИЩЕНКО Е.В. Оренбургский государственный университет, декан юридического факультета, д.ю.н., доцент
- ПЛОТНИКОВ А.И. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, д.ю.н., доцент
- САЛИЕВА Р.Н. Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан, заведующий лабораторией правовых проблем недропользования и экологии, д.ю.н., профессор
- СОЛОДКАЯ М.С. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры общегуманитарных, социально-экономических, математических и естественнонаучных дисциплин, д.ф.н., профессор
- СТЕПАНЕНКО Ю.В. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры административного права и процесса, д.ю.н., профессор
- ТИМОФЕЕВ Н.С. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры конституционного и муниципального права, д.ю.н., профессор
- ФЕДОРОВА М.Ю. Советник Конституционного Суда Российской Федерации в Управлении конституционных основ трудового законодательства и социальной защиты, д.ю.н., профессор
- ХАЛДЕЕВА Н.В. Магаданский областной краеведческий музей, главный научный сотрудник, д.ю.н., доцент
- ЩЕПАЧЕВ В.А. секретарь Совета (ассоциации) муниципальных образований Оренбургской области, д.ю.н.
- ЭКИМОВ А.И. заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист РФ

Т 78 Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. № 3 (61). – Оренбург, 2024. – 105 с.

ISSN 2073-8838

«Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА» рекомендуются Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

В научных статьях рассматриваются проблемы, связанные с функционированием государственно-правовой организации общества России и зарубежных стран.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26041 от 18 октября 2006 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникации и охране культурного наследия.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

ББК 67

ISSN 2073-8838

Подписной индекс 41232 в Объединенном каталоге «Пресса России».

Адрес редакции: 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50. Тел. (3532) 319911

E-mail: post@oimsla.edu.ru

<http://www.oimsla.edu.ru/page/nauchnyy-zhurnal>

© Оренбургский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Оглавление

Раздел первый ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА, ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИКИ

КОНОВАЛОВ В.А., НОСЫРЕВА М.А.

Национальная и государственная стратегия противодействия коррупции в англосаксонской правовой семье 5

МИТИНА С.И.

Роль Судебной реформы 1864 г. в развитии техники толкования права (по материалам Новгородских губернских ведомостей) 10

НОБЕЛЬ А.Р.

Реализация принципа вины в законодательстве об административных правонарушениях 14

РУБИН В.А.

Особенности социального развития Оренбургской губернии накануне и в период проведения Судебной реформы 1864 г. 19

Раздел второй ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

НАХОВА Е.А.

Концепция предмета доказывания в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. 25

ЯНЕВА Р.Р.

Роль Великой реформы в эволюции диспозитивного начала гражданского судопроизводства 31

Раздел третий УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

БАГЛАЙ Ю.В.

Роль адвоката как представителя потерпевшего на современном этапе 36

ВОРОШИЛОВА С.В.

Женщины в адвокатуре России: история и современность 39

ЖЕРЕБЯТЬЕВ И.В., КАРИМОВ Р.Г.

Экстрадиция в уголовном судопроизводстве Российской Федерации в условиях современной геополитики 46

ЖОЛОбОВА Г.А., ЯКОВЛЕВ Я.Д.

Формирование профессиональной адвокатуры в России в ходе проведения судебной реформы 1864 г.: организация, статус и особенности работы 50

КОННОВА Г.

Коллизии в уголовно-процессуальном законе России и пути их устранения 57

СИВАЕВ В.С.

Проблемные вопросы стадии окончания уголовного дела на предварительном следствии 59

ТИСЕН О.Н.

Особенности установления и закрепления цифровых следов по делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалют 63

ФИЛЕВ Я.Е.

Проблемные аспекты практической реализации некоторых общих условий судебного разбирательства 70

ЧЕМЕРИНСКАЯ В.В., МУХАРРАМОВА К.А.

Статус обвинителя в уголовном процессе: исторический опыт Судебной реформы 1864 г. 73

ШНИТЕНКОВА В.

Ограничение права на выдачу лицензии на приобретение, экспонирование или коллекционирование оружия гражданам, два или более раза осужденным за совершение преступления 77

Раздел четвёртый
ВОПРОСЫ ТРУДОВОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА
И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

АВЕРИНА А.В.

Обособленный спор в деле о несостоятельности (банкротстве): понятие, виды 83

ГИЛЬМАНОВА В.И.

Применение института оставления искового заявления (заявления) без движения при обращении в арбитражный суд иностранных лиц 89

ЛУКАШИН А.А.

О допустимости использования специальных правовых знаний в доказывании по делам, рассматриваемым в порядке арбитражного судопроизводства 94

ЕФИМЦЕВА Т.В., КУЗНЕЦОВА А.А.

Правовой механизм обеспечения судебной защиты прав и законных интересов участников юридических лиц в рамках их хозяйственной деятельности 100

Раздел первый

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА, ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИКИ

КОНОВАЛОВ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, ул. Комсомольская, 50, 48352.valeriy@mail.ru

НОСЫРЕВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

студентка 3 курса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, ул. Комсомольская, 50, m-nosyreva1701@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬЕ

KONOVALOV VALERY ALEXEYEVICH

PHD in Law, associate professor, head of the Department of administrative and financial law Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow state law university (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, 48352.valeriy@mail.ru

NOSYREVA MARIA ALEXANDROVNA

3rd year student of the Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MGUA), 460000, Komsomolskaya str., 50, m-nosyreva1701@mail.ru

NATIONAL AND STATE ANTI-CORRUPTION STRATEGY IN THE ANGLO-SAXON LEGAL FAMILY

Аннотация. В своей научной статье авторы исследуют развитие зарубежного законодательства в сфере пресечения коррупционных преступлений. Рассмотрены специальные антикоррупционные ведомства и структуры, созданные в различных государствах, развитие системы отбора кадров и принципа ротации. Особое внимание в исследовании уделяется совершенствованию стратегии противодействия коррупции в англосаксонской правовой семье.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, государственная служба, система запретов и ограничений, парламентский контроль, общественный надзор.

Review. In their scientific article, the authors explore the development of foreign legislation in the field of suppression of corruption crimes. Special anti-corruption agencies and structures established in various states, the development of the personnel selection system and the principle of rotation are considered. The study pays special attention to improving the anti-corruption strategy in the Anglo-Saxon legal family.

Keywords: anti-corruption policy, public service, system of prohibitions and restrictions, parliamentary control, public supervision.

Зарубежный опыт антикоррупционного регулирования, его форм, средств и методов является принципиально важным источником в разработке нормативно-правового противодействия коррупции в российском законодательстве. Исследование международного опыта в области административно-правовых

способов предупреждения и пресечения коррупционных явлений способно предупредить многие ошибки в антикоррупционной политике. Более того, сегодня международное сообщество в лице ряда институтов (ООН, Всемирный банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, Ев-

росоюз) стремится к объединению усилий в деле предупреждения и пресечения коррупционных преступлений.

Глобальность и историчность феномена коррупции в публичной сфере находит подтверждение в том, что антикоррупционные законы в сфере государственной и муниципальной службы были хронологически первыми в европейском законодательстве¹.

Зарубежное антикоррупционное законодательство может быть подразделено на несколько групп нормативных правовых актов:

1) базовые документы, определяющие основные направления антикоррупционной работы в стране (например, законы «О государственных служащих», «О федеральных кадрах», «О борьбе с коррупцией» (1997 г.) в Германии);

2) нормативные правовые акты, определяющие формы ответственности за коррупционные правонарушения (например, Законы Великобритании о взяточничестве в публичных организациях 1889 г. и о предупреждении коррупции 1906 и 1916 гг.);

3) этические кодексы государственных служащих (например, инструкция по официальному поведению служащих Австралийского союза, Закон «Об этике государственных служащих» в Японии (2000 г.);

4) иные нормативные правовые акты, включающие законы о порядке прохождения публичной (государственной) службы².

Немаловажным аспектом борьбы с коррупцией во многих зарубежных странах является институционализация борьбы с коррупцией, создание специальных антикоррупционных структур и ведомств, что в 2001 году было внесено в системную стратегию борьбы с коррупцией, разработанную специалистами Всемирного банка. В различных странах эта институционализация проходит в разных формах. Так, федеральный государственный орган сформирован в Китае (Антикоррупционный комитет), Сингапуре (Бюро по расследованию случаев коррупции, *Corrupt Practices Investigation Bureau*), Франции (Центральная служба по борьбе с коррупцией). В Швеции создан независимый институт омбудсмена. В США работает специализированное структурное подразделение федерального государственного органа (Криминальный следственный отдел Министерства юстиции). В ряде стран сформированы рабочие группы из специалистов различного профиля, работающие по конкретным категориям правонарушений.

Среди принципиальных общих мер противодействия коррупции, применяемых в различных странах, необходимо выделить систему отбора кадров на государственные должности, а также принцип рота-

ции кадров в органах власти. Так, в Израиле, где коррупция воспринимается как угроза национальной безопасности, в качестве меры наказания за коррупционные правонарушения выступает лишение всех социальных льгот, в том числе пенсионного содержания и социального обслуживания. В Германии разработана система морально-психологического тестирования служащих. В Китае и Германии проводится постоянная ротация служащих на должностных местах.

Система правовых запретов и ограничений антикоррупционной направленности различается в разных странах, однако можно выделить такие общие черты, как запрет на принятие подарков, занятие некоторыми оплачиваемыми видами деятельности. При этом в ряде стран (Китай, США) запрет на предпринимательскую деятельность касается не только служащих, но членов их семей. Вместе с тем в отдельных странах (Норвегия, Израиль, Германия, Франция), в частности, военнослужащие могут подрабатывать в коммерческих организациях, если это не вызывает конкуренции интересов³.

Далее, важнейшим средством, объединяющим мировой опыт борьбы с коррупцией, является разработка механизма информационной открытости публичной службы, что является мощным средством предупреждения и пресечения коррупционных правонарушений. Так, во Франции создана Комиссия по финансовой гласности политической жизни, в задачи которой входит контроль имущественного состояния депутатов. В Нидерландах любые сведения о коррупционных правонарушениях, не затрагивающие вопросов национальной безопасности, в обязательном порядке публикуются в СМИ.

Национальная и государственная стратегия противодействия коррупции, по наблюдениям А.В. Фадеева, взаимообусловлена с видом правовой системы, принятой в обществе⁴.

Англосаксонская правовая семья (Великобритания, США, Канада и др.) отличается следующими чертами:

- эффективная правоприменительная деятельность;
- направленность антикоррупционного движения на высшие эшелоны власти и лоббирование⁵.

В Великобритании в антикоррупционной государственной политике активное участие принимает парламент, в рамках которого создан ряд специальных комитетов и комиссий: комитеты по бизнесу и предпринимательству, по финансам и службам, по внутренним делам, по государственным расходам и др. в Палате общин; комитеты по управлению и общественным расходам по экономическим вопросам,

¹ Коновалов В.А. Генезис феномена «коррупция» в административно-правовой доктрине Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2012. №7-8. С. 42-57.

² Министерство экономики Кыргызской Республики. Опыт законодательного обеспечения государственного и общественного антикоррупционного контроля некоторых зарубежных стран [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mineconom.kg/Docs/antikor/opyt.pdf>

³ Там же.

⁴ Фадеев А.В. Антикоррупционное законодательство России и зарубежных стран: криминологическое исследование: автореферат дисс. ... канд. юр. наук. М., 2012. С.12.

⁵ Фадеев А.В. Там же.

по привилегиям и др. в Палате лордов. Эти структуры гибко реагируют на веяния времени, следят за правоохранительной деятельностью и в случае необходимости готовят поправки в законодательство антикоррупционной направленности. Так, ответственность за коррупционные правонарушения предусматривается законодательством страны с 1916 года, и за это время количество предусмотренных правонарушений увеличилось⁶. Великобритания стала одной из первых стран мира, которая приняла закон «О предотвращении коррупции».

Общественные структуры, направленные на борьбу с коррупцией, являют собой некоммерческие организации, и их решения и рекомендации (например, рекомендации «Комиссии Вульфа» по коррупционной деятельности концерна ВАЕ) не имеют обязательной силы ни для частных, ни для государственных структур.

В Ирландии законодательную базу противодействия коррупции составляют закон «О противодействии коррупции» (с поправками от 2010), закон «Об омбудсмене» (1980). Со времени принятия первого из ряда законов «О противодействии коррупции» в 1889 г.⁷, ирландское законодательство совершенствуется, в том числе в последние годы идет по пути расширения списка лиц, к которым может быть применена юрисдикция по обвинению в коррупции, а также в направлении совершенствования программы прав защиты свидетелей.

Институт омбудсмена занимается рассмотрением жалоб граждан на действия любых должностных лиц. В обеих палатах парламента функционируют комитеты по служебной этике, имеющие право проводить собственные расследования в отношении парламентариев и сенаторов. Весьма важную роль играют в Ирландии независимые трибуналы (общественные комиссии), состоящий из судей юристов, расследующие конкретные факты превышения служебных полномочий со стороны высших государственных лиц и в делах особой общественной значимости. Собственные расследования деятельности депутатов проводит независимая комиссия по контролю за соблюдением должностными лицами норм служебной этики, которая докладывает результаты в Министерство финансов и парламент.

В США механизм антикоррупционного воздействия основан на том, что антикоррупционный общественный и парламентский контроль интегрирован в институт надзора за правительством, который занимается широким спектром деятельности: контроль за нарушением гражданских прав и любыми нарушениями служебной этики.

В целях предупреждения и пресечения коррупции в стране действует целый ряд нормативных правовых актов, в том числе «Принципы этического поведения правительственных чиновников и служащих» от 17 октября 1990 г., закон «Об этике в правительственных учреждениях» 1978г. В этих актах подчер-

кивается престижность государственной службы и моральная ответственность лиц, стоящих на службе перед обществом.

В частности, служебная этика сенатора США включает следующие положения. Сенатор, а также сотрудники его аппарата не имеют права принимать подарки от физических и юридических лиц, которые могут оказаться заинтересованной стороной в принятии какого-либо правового документа. Стоимость подарков, получаемых сенатором из других источников (за исключением родственников), в течение года не должна быть более 300 долларов; ограничены возможности подарков от частных лиц в виде поездок. Также и сенатор, и члены его семьи не имеют права на поездки за границу более 6 ночей (а по стране – более 2 ночей).

Подобным образом член палаты представителей Конгресса не имеет права получать из одного источника в течение года подарки более 250 долларов (этот лимит раз в три года пересматривается). То же касается и его сотрудников, и их супругов. Любые подарки у них, превышающие 100 долларов, заявляются в налоговой декларации. Если же подарок выше допустимой стоимости получен, служащий обязан в двухмесячный срок сдать его в соответствующий орган. Подарки от иностранных граждан возможны только в качестве сувенира, минимальной стоимости.

В юридической практике США принято считать, что надзор за исполнительной властью, в том числе и в области коррупции, является конституционной прерогативой Конгресса.

Специальный комитет нижней палаты Конгресса по надзору и правительственной реформе наделен полномочиями по расследованию в области злоупотреблений и коррупции в администрации (так, в 2009 г. этот комитет сообщил в докладе о коррупционных правонарушениях в работе Управления минеральными ресурсами, входящего в состав Министерства внутренних дел США). Также Конгресс создает специальные комитеты по разовым поводам, для расследования возможных коррупционных правонарушений в конкретных сферах, и некоторые из таких комитетов действуют практически на постоянной основе (сенатский спецкомитет по этике).

С 1920-х годов, во исполнение закона «О бюджете и отчетности» (1921), при Конгрессе действует независимое агентство для проверки деятельности правительственных учреждений: Управление государственной отчетности под руководством Генерального контролера, в котором действует Отдел специальных расследований. Работающие в нем профессиональные следователи уполномочены расследовать факты любой незаконной деятельности в правительстве. Управление, согласно закону, имеет полный доступ к финансовым документам и отчетам государственных органов.

Парламентский контроль над правительством осу-

⁶ Мусаелян М.Ф., Хатаева М.А. Правовые проблемы противодействия коррупции // Журнал российского права. 2012. № 1. С. 108.

⁷ О мировой практике применение ст. 20 Конвенции ООН по борьбе с коррупцией [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://beyvora.ru/article/25/o-mirovoy-praktike-primeneniya-st-20-konventsii-oon-po-borbe-s-korrupciyey>

ществляется с помощью таких механизмов, как:

– изучение правительственных докладов (ежегодно более 2000 отчетов), в том числе генеральных инспекторов министерств и ведомств; из деятельности регулируется законами «О генеральных инспекторах» (1978) и «О реформировании института генеральных директоров» (2008);

– парламентские слушания с представителями исполнительной власти: отказ от дачи показаний или предоставления документов может стать основанием для преследования в судебном порядке; при этом для ускорения расследования Конгресс вправе обратиться в федеральный суд с просьбой издать предписание, обязывающее лицо свидетельствовать в том числе против себя, с предоставлением судебного иммунитета, то есть в обход пятой поправки к Конституции, в которой говорится: «ни одно лицо <...> не должно принуждаться в каком-либо уголовном деле свидетельствовать против себя»;

– предоставление служащими в Конгресс информации о злоупотреблениях служебным положением на добровольной основе; согласно ст. 7211 раздела 5 Свода законов США публичным служащим не может быть отказано в праве «направлять индивидуальные или коллективные петиции в Конгресс или члену Конгресса, а также предоставлять информацию любой из палат Конгресса, его комитету или члену». При этом согласно разделу 714 Консолидированного бюджетного закона на 2010 г. федеральный служащий, препятствующий другому служащему предоставить информацию в Конгресс, лишается заработной платы.

Важнейшую роль в антикоррупционной политике страны играет общественный надзор. Законодательное воплощение имеют право граждан на получение любой рассекреченной информации государственных структур, а также на разоблачение нарушений этики и законности в правительстве.

Закон «О свободе информации» (1966) не только на федеральном уровне определил виды документов, подлежащих рассекречиванию, но и узаконил право гражданина или организации на запрос такой информации, ответ по которой получается в течение 20 дней. Этот закон является основой для деятельности массы неправительственных организаций антикоррупционной направленности («Judicial Watch», «Project on Government Oversight», «Global Integrity», «Government Accountability Project» и др.). Кроме того, эти организации занимаются проверкой финансовой отчетности политических кампаний и финансовых отчетов политиков.

Отчеты о прибылях и тратах политиков и кандидатов поступают в Федеральную избирательную комиссию; при этом в отчете должны быть названы любые лица и организации, пожертвовавшие политику более 200 долларов, а также спонсоры телерекламы (на выборах федерального уровня); эти документы размещаются в открытом доступе в интернет-

сети. Подобные законы существуют и во многих штатах.

Право сообщения информации о коррупции в государственных структурах защищается законом «О гражданских инициативах» (1989), согласно которому работник федерального органа, сообщивший о предполагаемом коррупционном правонарушении в СМИ, регулирующий органы или общественные организации, не может быть уволен или как-то иначе наказан за проявленную инициативу. Защитой от репрессивных мер в таком случае ведает федеральное Управление Специального юридического советника, также работает программа Министерства труда по защите информаторов. При этом информатор в области коррупции может получать денежное вознаграждение за свою активность: согласно закону «О фальсификации правопритязаний» (1863) гражданин, подающий в суд против коррумпированных подрядчиков или чиновников, получал до 25% присужденного возмещения убытков; эта практика реализуется до сих пор.

В Канаде не существует отдельных органов по борьбе с проявлениями коррупции, но работает комплекс мер, направленных на ее предотвращение и борьбу; в национальном законодательстве существуют такие формулировки, как «подкуп должностных лиц», «злоупотребление доверием», «обман правительства», «торговля влиянием». Важнейшей составляющей национальной антикоррупционной политики здесь является общественное мнение, участие гражданского общества.

Коррупционные нарушения подпадают под юрисдикцию федеральной полиции и Минюста в рамках Уголовного кодекса. В Уголовном кодексе содержится раздел «Коррупция и правонарушения», в котором предусмотрены наказания для публичных служащих муниципального и федерального уровня за дачу и получение взятки, подкуп должностного лица, корыстное использование служебного положения, лоббирование, отмыwanie денежных средств и пр. При признании чиновника виновным в коррупционном правонарушении он не только приговаривается к тюремному заключению, но и лишается права занимать другие должности в области публичной службы. В Уголовном кодексе Канады содержится мера, согласно которой «только за одно согласие получить взятку можно получить наказание в виде лишения свободы до 14 лет»⁸.

Другими законодательными основаниями для проведения антикоррупционной политики государства являются Закон об отчетности (прописывает этические нормы в системе лоббирования, меры по защите лиц-информаторов, контроль со стороны Генерального аудитора в области бюджета), Закон о подоходном налоге (содержит положения о незаконных выплатах чиновникам), Закон об управлении финансами (предписывает порядок финансовой отчетности государственных предприятий), Закон о

⁸ Конаков В.А. Сравнительно-правовой аспект профилактики и борьбы с коррупцией в России // Право и современные государства. 2013. № 2. С. 47.

государственной службе (предписывает проверку законности поступления на службу), Закон о Парламенте Канады (содержит положения по вопросам конфликта интересов в парламенте, о влиянии на других депутатов и о корыстной поддержке законодательной инициативы), Закон об иммиграции (оговорен подкуп чиновничества), Закон о защите частной жизни (обеспечивает канадцам право доступа к их личной информации в федеральных органах), Закон о доступе к информации (оговорен доступ к информации о деятельности государственного аппарата), Закон о противодействии подкупу иностранных чиновников.

Среди институционных мер по борьбе с коррупцией в Канаде назовем создание Комиссии государственной службы, институт Комиссара по этике, независи-

мую Комиссию общественных жалоб. Независимый аудит и мониторинг финансовой деятельности правительства проводит ежегодно офис Генерального аудитора Канады, предоставляя доклад в Парламент.

А.В. Фадеев отмечает, что самый низкий уровень коррупции «фиксируется в государствах романо-германской и англосаксонской правовых семей, что, по всей вероятности, следует отнести на счет правосознания жителей этих стран»⁹. Действительно, антикоррупционная политика в данных странах отличается не только развитой и непротиворечивой законодательной базой, а также формированием соответствующих государственных и общественных структур надзора, но и работой по предотвращению коррупции, по воспитанию правосознания жителей начиная со школьной скамьи.

Библиографический список

1. Конаков В.А. Сравнительно-правовой аспект профилактики и борьбы с коррупцией в России // Право и современные государства. - 2013. - № 2.- С. 47.
2. Коновалов В.А. Генезис феномена «коррупция» в административно-правовой доктрине Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. - 2012. - №7-8. - С. 42-57.
3. Мусаелян М.Ф., Хагаева М.А. Правовые проблемы противодействия коррупции // Журнал российского права - 2012. - № 1. - С. 108.
4. Фадеев А.В. Антикоррупционное законодательство России и зарубежных стран: криминологическое исследование: автореферат дисс. ... канд. юр. наук. - М., 2012. - 34 с.

Рецензент: Михайлова Е.С., доцент кафедры административного и финансового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

---

⁹ Фадеев А.В. Там же. С. 21.

МИТИНА СВЕТЛАНА ИГОРЕВНА

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, 173003, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, Svetlana.Mitina@novsu.ru

РОЛЬ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 Г. В РАЗВИТИИ ТЕХНИКИ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА (ПО МАТЕРИАЛАМ НОВГОРОДСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ)

MITINA SVETLANA IGOREVNA

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of Yaroslav the Wise Novgorod State University 173003, Veliky Novgorod, 41 Bolshaya St. Petersburg str., Svetlana.Mitina@novsu.ru

THE ROLE OF JUDICIAL REFORM IN 1864 IN THE DEVELOPMENT OF THE TECHNIQUE OF INTERPRETATION OF LAW (BASED ON THE MATERIALS OF THE NOVGOROD PROVINCIAL GAZETTE)

Аннотация. В данной статье анализируется роль Судебной реформы 1864 г. в развитии техники толкования права. На примерах опубликованных в Новгородских губернских ведомостях указов Правительствующего Сената автор прослеживает методы интерпретационной практики главного судебного органа страны, отмечает способы разрешения коллизий между актами разных уровней; общего и отраслевого характера. В заключении делается вывод о том, что практика толкования права являлась выражением не только правоприменительной, но и правотворческой функции Сената, непосредственно сказывавшейся на обеспечении единства законности в стране.

Ключевые слова: Судебная реформа 1864 г., Правительствующий Сенат, толкование права, официальная пресса.

Review. This article analyzes the role of the Judicial Reform of 1864 in the development of the technique of interpretation of law. Using the examples of decrees of the Governing Senate published in the Novgorod Provincial Gazette, the author traces the methods of interpretative practice of the main judicial body of the country, notes ways to resolve conflicts between acts of different levels; general and sectoral in nature. In conclusion, it is concluded that the practice of interpreting law was an expression not only of the law enforcement, but also of the law-making function of the Senate, which directly affected ensuring the unity of legality in the country.

Keywords: The judicial reform of 1864, the Governing Senate, the interpretation of law, the official press.

Судебная реформа 1864 г. вошла в историю России как кардинальное преобразование основ судостроительства и судопроизводства, повлекшее за собой переустройство правовой системы страны на основе прогрессивных принципов организации суда и всей правовой практики в целом. Обусловленные реформой новации касались и правоприменительной и правотворческой деятельности. Блок законодательного материала в лице Судебных уставов 1864 г. не просто обновил нормативную основу судебной практики, но и определил новые направления правового регулирования общественных отношений, дав толчок для развития практики обеспечения законности и правопорядка, широкого вовлечения общества в реализацию соответствующих функций государства.

Одновременно столь масштабное изменение «правовой надстройки» не могло не породить множества вопросов правоприменительной практики, обуслов-

ленных сложностью обновления законодательства, имевшего неизбежным следствием обострение проблемы правовых коллизий и пробелов. Рост числа пробелов в правовой регламентации общественных отношений объяснялся не только полным переустройством на новой правовой основе всей судебной системы, но и комплексным характером реформ Александра II, затронувших социальные, сословные устои, военную организацию общества и систему местного самоуправления.

Специфика ситуации состояла в том, что неизбежные при столь масштабных новациях разных сфер общественной жизни недостатки законодательских работ выявлялись прежде всего в ходе осуществления судебной практики. Именно в это время особенно проявилась роль Правительствующего Сената в качестве высшей судебной инстанции и официального интерпретатора законодательства. Именно в практике толкования законодательства, как отмечается в

научной литературе, выражалась исключительная роль Сената в сфере правотворчества¹.

Поскольку все значимые для правоприменительной деятельности акты Сената подлежали обязательной публикации в официальной прессе, то на местах всю важную для судебных органов информацию можно было почерпнуть в губернских ведомостях, находившихся под непосредственным контролем губернских правлений. Из официальной прессы можно было узнать информацию по поводу разъяснения правоприменительной практики в отношении законодательства, вызывающего больше всего вопросов как у должностных лиц, так и у всего населения: о порядке воинской службы и призыва в армию, о наказаниях за порубку государственного леса, о «раскладке» налогов и т. д.

Так, в № 4 за 1871 г. Новгородских губернских ведомостей в разделе «Указы Правительствующего Сената» была размещена информация о том, что 4 декабря 1870 г. Правительствующий Сенат слушал представленное за № 51404 товарищем прокурора Кашинского окружного суда дело «о разномыслии» с Тверским губернским правлением по вопросу предания суду бывшего тверского волостного старшины Самуила Иванова.

Стоит отметить, что определения Сената чаще всего выносились по запросам и обращениям прокуроров. Рабочая нагрузка прокурорских работников в пореформенный период значительно возросла². Одновременно повышалась и профессиональная квалификация, что проявлялось, в частности, в грамотных и актуальных обращениях в Сенат. Так было и в данном случае. Судебным следователем первого участка Бежецкого уезда Тверской губернии товарищу прокурора были представлены результаты следствия о неправильных действиях должностных лиц Трестенского волостного правления при заключении крестьянином Василием Андреевым договора с крестьянином Трофином Петровым о найме вместо себя охотником в рекруты и выдаче ему свидетельства о его возрасте по последней ревизии. По данному делу обвинялись: бывший волостной писарь Петр Бутягин, составивший подложный документ от имени волостного правления (преступление, предусмотренное ст. 92 Общего положения о крестьянах от 19 февраля 1861 г.³ и ст. 362 Уложения о наказаниях⁴), а также волостной старшина Иванов, обвинявшийся в «допущении запрещенного законом способа найма охотника в рекруты» при посредстве третьего постороннего лица, то

есть, в бездействии власти, предусмотренном ст.ст. 339 и 343 Уложения о наказаниях. О данном обвинительном заключении товарищ прокурора согласно ст. 1091 Устава уголовного судопроизводства (от 20 ноября 1864 г.)⁵ сообщил Съезду мировых посредников Бежецкого уезда. Съезд, полностью согласившись с заключением о виновности волостного писаря, в отношении волостного старшины счел возможным ограничиться мерой административного взыскания согласно п. 2 ст. 1066 Устава уголовного судопроизводства. В целях разрешения возникшего между прокурорским надзором и Съездом мировых посредников «разномыслия» об ответственности старшины Иванова дело было «препровождено» товарищем прокурора в Тверское губернское правление, откуда возвратилось с уведомлением, что согласно ст. 1092 того же Устава губернские правления правомочны разрешать разногласия о порядке ответственности лишь тех должностных лиц, которые определяются на должности губернскими или равными им властями, волостной же старшина утверждается в должности мировым посредником, не обладающим властью равной губернским органам. Таким образом, на усмотрение Правительствующего Сената был представлен вопрос о том, какое присутственное место правомочно разрешать «разномыслия» относительно предания суду должностных лиц волостного и сельского управления за должностные преступления.

Выслушав заключение обер-прокурора по данному делу и «соотнеся вопрос с точным смыслом узаконений», Правительствующий Сенат «нашел», что в ст.ст. 1066-1123 Устава уголовного судопроизводства (раздел II о судопроизводстве) нет прямых указаний на то, кем должны разрешаться подобные «разномыслия». Из смысла ст.ст. 1092 и 1089 вытекает лишь, что при разрешении случаев аналогичных выше приведенному решать дело в отношении чинов, определяемых на должность губернскими властями (за исключением губернских правлений), подлежит в соответствующем присутственном месте губернии, а о должностных лицах, назначаемых губернскими правлениями, министерствами и главными управлениями – в первом департаменте Правительствующего Сената. Что касается должностных лиц волостного и сельского управления, то надо учитывать, что они избираются обществами. Затем, волостной старшина утверждается в должности мировым посредником, а в случае чего подлежит суду мирового посредника или мирового съезда (ст.ст. 51, 78, 112, 113, 120, 121 и 129 Общего положения о крестьянах). К учреждениям, разрешающим

¹ Яковлев А.А. Практика публичного толкования законодательства Правительствующим Сенатом во второй половине XIX в. // Миссия права: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Великий Новгород, 21 апреля 2021 г.) и Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Великий Новгород, 15–19 апреля 2022 г.) / под ред. Е. А. Макаровой, Н. А. Синькевича, В. В. Грохотовой; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2022. С. 297.

² Горбачев В. П. Прокурорский надзор за предварительным следствием в Российской империи после судебной реформы 1864 г. // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 4. С. 90.

³ Положение 19-го февраля об освобождении крестьян. Москва: Издательство: Тип. А. Гатцука, 1890. 58 с.

⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1 января 1876 г. / Составлено профессором Санкт-Петербургского университета Н.С. Таганцевым. Изд. 2-е, перераб. и доп. Санкт-Петербург: Типография М. Стасюлевича, 1876. 726 с.

⁵ Судебные уставы 20 ноября 1864 года. С изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственною Канцелярией. Второе дополненное издание. Части I – V. Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1866-1867.

жалобы на мировые съезды и на подчиненные им присутственные места, относятся губернские по крестьянским делам присутствия. Однако следует принимать во внимание, что Судебными уставами 20-го ноября 1864 г. был установлен новый порядок производства дел о предании суду за должностные преступления, определявший лишь две инстанции для разрешения возникавших между прокурорским надзором и административными ведомствами разногласий по этим делам, а именно: губернские правления и первый департамент Правительствующего Сената. На основании изложенного Правительствующий Сенат определил предписать Тверскому губернскому правлению «войти в рассмотрение» возникшего между товарищем прокурора Кашинского окружного суда и Съездом мировых посредников Бежецкого уезда «разномыслий», а для предупреждения возможных недоразумений в других губерниях дать знать о данном определении всем губернским и областным правлениям указами Сената.

Таким образом, Правительствующий Сенат дал системное толкование норм Судебных уставов 1864 г., Общего положения о крестьянах 1861 г. и Уложения о наказаниях 1866 г., предотвратив на будущее возможные последствия коллизий и пробелов правового регулирования подсудности дел и порядка производства по уголовным делам в отношении должностных лиц⁶.

Кроме того, в данном случае обращает на себя внимание функция Сената по толкованию норм, направленных на регулирование вопросов государственной гражданской службы в целом. Как отмечает Т.И. Еремина, указами и решениями Сената восполнялись существенные пробелы в данной сфере законодательства⁷.

Системность публичного освещения в официальной печати толкования Сенатом законодательства в отношении конкретных дел по запросам с мест подчеркивала важность подобной практики для обеспечения грамотного применения законодательства судебными органами. В № 38 Новгородских губернских ведомостей за 1871 г. можно было прочесть о вынесенном Правительствующим Сенатом решении по делу, «начавшемуся по жалобе потомственного почетного гражданина симбирского купца Сусоколова на тамошнее Губернское правление за взыскание с него штрафа за перевод им питейных заведений его в г. Симбирске с одних мест на другие, без разрешения на то Городской думы»⁸. После инициированной Симбирским губернским правлением проверки на-

ходящихся в городе торговых помещений были выявлены факты переноса питейных заведений с одних мест на другие без разрешения Думы, за что виновные получили взыскания в виде штрафов на основании ст.ст. 303, 322, 396 и 424 Устава о питейном сборе (издания 1863 г.)⁹. Однако оштрафованный на 75 рублей купец Иван Сусоколов обжаловал постановление Полицейского управления в Губернское правление, а затем в Правительствующий Сенат, ссылаясь на то, что упомянутые нормы к настоящему делу вовсе не относятся, а перевод питейных заведений произведен им на основании циркуляров Министерства финансов от 15 января 1864 г. за № 502 и от 31 января 1866 г. за № 736, согласно которым не требуется согласия Думы на перевод в другое место такого рода заведений.

Особое внимание Сената к упорядочению регулирования питейной торговли объяснялось потребностью государства в преодолении дефицита государственного бюджета в условиях реформ. Недаром, как говорит Г. А. Жолобова, Александр II возлагал особые надежды на питейную реформу¹⁰. Поэтому дело симбирского торговца «питиями» разбиралось основательно для примера на будущие времена и, если Губернское правление «скоротечно» сочло действия полицейских правильными, то Сенат в Общем собрании «1-х 3-х департаментов» и Департамента герольдии пришел к заключению о необходимости разъяснения двух вопросов: 1) жалобы купца Сусоколова на взыскание с него штрафа за перенесение питейного заведения с одного места на другое без дозволения Городской думы; 2) протеста губернского прокурора, в котором возбуждается общий вопрос о том, имеет ли по закону содержание питейного заведения в городе, получивший разрешение местной Думы на открытие заведения, право перенести таковое с одного места на другое, не испрашивая у Думы особого на то дозволения.

Роль прокурора в данном деле демонстрирует реализацию надзорной функции, значение которой в условиях системных реформ, как считают специалисты, лишь усилилось¹¹.

Сенаторы пришли к выводу, что в статьях Устава о питейном сборе ничего конкретно не говорится о последствиях перенесения заведений на другое место без дозволения Городской думы. Следовательно, Сусоколов не может подлежать взысканию по Уставу о питейном сборе. При разъяснении второго вопроса было отмечено, что в том же Уставе ничего не упоминается о переносе заведений с одного места на другое. Закон не определяет никакого различия между открытием заве-

⁶ Указы Правительствующего Сената // Новгородские губернские ведомости. 1871. № 4. С. 2.

⁷ Еремина Т.И. Роль Сената в формировании правового статуса государственного гражданского служащего Российской империи // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 1 (54). С. 11.

⁸ Указы Правительствующего Сената // Новгородские губернские ведомости. 1871. № 38. С. 1.

⁹ Устав о питейном сборе, (с издания 1863 года), измененный, дополненный и разъясненный правительственными распоряжениями и циркулярами Министерства финансов, последовавшими с 1862 года по 1-е июля 1867 года / Состав. А.Н. Власов, 2-е издание. Тула: Типография Н.И. Соколова, 1868. 318 с.

¹⁰ Жолобова Г. А. Отечественный механизм правового регулирования торговли спиртными напитками в условиях акцизной системы их обложения: к вопросу об эффективности алкогольной политики Александра III // Российский юридический журнал. 2014. № 4 (97). С. 162.

¹¹ Назаренко И.С., Иванова Н.М. Функции прокуратуры после Судебной реформы 1864 года // Юридическая наука: история и современность. 2022, № 4. С. 152-153.

дения вновь и перенесением его из какого-либо другого места. Это различие установлено лишь в циркулярах Министерства финансов по поводу недоразумений, встречающихся при взятии торговцами патентов на право торговли «питиями». Поэтому для разрешения выше поставленного вопроса о том, следует ли испрашивать дозволение Думы на перенесение заведений с одного места на другое, необходимо предварительно определить, в чем именно может заключаться разница между открытием питейного заведения и перенесением его. Если бы лицо, торговавшее напитками по выданному ему на то патенту, прекратило торговлю по этому патенту и открыло другое заведение в другом месте, взяв на это заведение новый патент, то в таком действии, очевидно, не заключалось бы перенесения заведения, а было бы закрытие одного и открытие другого, даже если бы торговец перенес в новое заведение всю движимость и весь товар из прежнего заведения. Отсюда следует, что под понятием «перенесение заведения» можно подразумевать только перевод торговли по одному и тому же патенту с одного места на другое.

Патент на содержание питейного заведения выдается ведомством Министерства финансов, а именно надзирателем акцизного сбора (ст. 301 и 303), на основании предъявляемого просителем разрешения городского начальства. Акцизное управление может делать различие между открытием заведения вновь или перенесением его, смотря по тому, выдается ли новый патент или делается лишь разрешительная надпись на прежнем патенте. Городские думы, не выдающие патентов и не знающие о разрешительных надписях Акцизного управления, не имеют возможнос-

ти самостоятельно проводить различие между открытием заведения и перенесением его. На этом основании Общее собрание департаментов Правительствующего Сената определило освободить купца Сусоколова от взыскания штрафа, наложенного на него симбирским полицейским начальством, а в разрешение возбужденного губернским прокурором общего вопроса дать знать о содержании вынесенного определения прочим губернским правлениям указами.

Правительствующего Сената давала органам, осуществлявшим правоприменительную практику на местах, образцы разрешения коллизий между актами разных уровней, актами материального и процессуального права, имеющими общий, отраслевой и ведомственный характер. Подобная системная деятельность высшего судебного органа страны априори превращала его в правотворческий орган. Такое положение было неизбежным в условиях масштабных новаций правовой системы.

Таким образом, Судебная реформа 1864 г. стимулировала активное развитие практики толкования права, причем по инициативе «снизу», то есть по запросам конкретного правоприменителя. Публичность толкования благодаря реализации посредством публикации в официальной прессе провозглашенного реформой принципа гласности обеспечила оперативность и эффективность толкования как стадии правоприменительного процесса. Очевидно, что подобная практика являла собой проявление прогрессивности Судебной реформы 1864 г. и прямым образом отражалась на обеспечении единства законности в стране.

Библиографический список

1. Горбачев В. П. Прокурорский надзор за предварительным следствием в Российской империи после судебной реформы 1864 г. // Российское право: образование, практика, наука. – 2023. – № 4. – С. 85-95.
2. Еремина Т.И. Роль Сената в формировании правового статуса государственного гражданского служащего Российской империи // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2022. – № 1 (54). – С. 7-12.
3. Жолобова Г. А. Отечественный механизм правового регулирования торговли спиртными напитками в условиях акцизной системы их обложения: к вопросу об эффективности алкогольной политики Александра III // Российский юридический журнал. – 2014. – № 4 (97). – С. 162-171.
4. Назаренко И.С., Иванова Н.М. Функции прокуратуры после Судебной реформы 1864 года // Юридическая наука: история и современность. 2022. – № 4. – С. 150-156.
5. Яковлев А. А. Практика публичного толкования законодательства Правительствующим Сенатом во второй половине XIX в. // Миссия права: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Великий Новгород, 21 апреля 2021 г.) и Всерос. науч. конф. С междунар. участием (Великий Новгород, 15–19 апреля 2022 г.) / под ред. Е. А. Макаровой, Н. А. Синькевича, В. В. Грохотовой; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2022. – С. 296-302.

Рецензент: Жолобова Г.А., заведующий кафедрой истории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент.

НОБЕЛЬ АРТЁМ РОБЕРТОВИЧ

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 610002, Кировская область, г. Киров, ул. Ленина, 99, arnobel@msalkirov.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ВИНЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

NOBEL ARTEM ROBERTOVICH

PHD in Law Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Procedure Volga-Vyatka Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Kirov.

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF GUILT IN THE LEGISLATION ON ADMINISTRATIVE OFFENCES

Аннотация. Предметом исследования является содержание принципа вины в производстве по делам об административных правонарушениях. Проводится анализ материальных и процессуальных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ), в которых реализуются отдельные элементы принципа вины. На основе действующего законодательства и правоприменительной практики автором выделены пробелы и недостатки правового регулирования института вины по делам об административных правонарушениях и предложены пути их решения.

Ключевые слова: принципы; система принципов; понятие принципов; принцип вины; материальные принципы; административный процесс; производство по делам об административных правонарушениях; административная ответственность; административное правонарушение; законодательство об административных правонарушениях.

Review. The subject of the study is the content of the principle of guilt in proceedings on cases on administrative offences. The analysis of substantive and procedural provisions of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences, in which certain elements of the principle of guilt are implemented. On the basis of current legislation and law enforcement practice, the author identifies gaps and shortcomings of legal regulation of the institute of guilt in cases of administrative offences, suggests ways to solve them.

Keywords: principles; system of principles; concept of principles; the principle of the guilt; material principles; administrative process; proceedings on the cases of administrative offenses; administrative responsibility; administrative offense; legislation on administrative offenses.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 14.04.2020 № 17-П вина определена в качестве универсальной категории для всех видов юридической ответственности и для всех субъектов права, включая физических и юридических лиц, представляющей основанные на характеристиках субъекта права пределы, в которых он может нести такую ответственность сообразно конституционным принципам равенства, справедливости и соразмерности¹.

Принцип вины основан на положениях ст. 49 Конституции РФ и закреплен в ч. 1 ст. 1.5 КоАП РФ, а определение вины в качестве базового принципа юридической ответственности неоднократно подчер-

кивалось Конституционным Судом РФ². Его содержанием является требование установления вины в качестве обязательного условия для привлечения к административной ответственности, что входит в доктрину субъективного вменения, запрещающую наказание за мысли, убеждения и намерения.

Согласно ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ вина выступает обязательным признаком административного правонарушения.

Подавляющая часть составов административных правонарушений, предусмотренных Особенной частью КоАП РФ, не содержит указаний на конкретную форму вины физического лица. Умышленная форма вины является обязательным признаком не более 100

---

¹ Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановления Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П, от 25.04.2011 № 6-П, от 27.04.2001 № 7-П, от 18.05.2012 № 12-П, от 14.02.2013 № 4-П, 14.06.2018 № 23-П; Определения Конституционного Суда РФ от 09.04.2003 № 172-О, от 06.07.2010 N 934-О-О, от 07.12.2010 № 1570-О-О. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

составов административных правонарушений³, неосторожная - 13⁴. Таким образом, в зависимости от фактических обстоятельств, практически все административные правонарушения могут быть совершенны как умышленно, так и по неосторожности, поскольку КоАП РФ не содержит нормы, аналогичной ч. 2 ст. 24 УК РФ⁵.

В силу положений ст. 2.2 КоАП РФ умысел и неосторожность закреплены в качестве форм состояния психики физического лица, совершившего противоправное действие (бездействия). Содержание вины образуют интеллектуальный и волевой элементы, взаимодействие и выражение которых позволяет выделить ее различные формы. Интеллектуальный элемент включает осознание лицом противоправного характера своих действий (бездействия) и предвидение возможности наступления вредных последствий. Осознание отражает представление субъекта о юридически значимых обстоятельствах, характеризующих деяние, включая объект посягательства, фактические обстоятельства последнего, а также о значении совершенного им действия (бездействия) как вредоносного для социальных ценностей. Предвидение характеризует представление субъекта о вреде, причиняемом объекту посягательства в результате совершенного им деяния, либо о потенциальной вероятности его наступления. Волевой элемент выражает отношение лица к вредным последствиям в виде желания или сознательного допущения их наступления, либо безразличном отношении к ним. Желание предполагает стремление субъекта к определенному вредному результату, а сознательное допущение означает, что они внутренне принимаются субъектом в качестве необходимого условия для достижения поставленных им целей, при этом не являясь конечной или промежуточной целью правонарушения. Безразличное отношение к вредным последствиям характеризуется отсутствием у лица внутренней рефлексии по поводу вредных последствий совершаемого деяния.

Административные правонарушения, совершаемые физическими лицами умышленно, всегда харак-

теризуются наличием обоих элементов вины, в то время как вина в форме неосторожности может содержать лишь часть интеллектуального элемента в виде предвидения потенциальной возможности наступления вредных последствий в результате действия (бездействия). То есть при не установлении интеллектуального и волевого элемента или интеллектуального элемента соответственно умышленная и неосторожная вина физического лица в совершении административного правонарушения исключается. В этой связи выглядит пробелом отсутствие в КоАП РФ требований, аналогичных положениям ст. 28 УК РФ, устанавливающих правила определения невиновного причинения вреда⁶.

Выделенные элементы вины также исключаются, если физическое лицо не могло осознавать фактический характер и противоправность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики (ст. 2.8 КоАП РФ).

Также следует отметить несовершенство определенных форм вины физического лица, которые ориентированы исключительно на материальные составы административных правонарушений. Так, дефиниция умышленной формы вины содержит указание на интеллектуальный элемент, отражающий отношение лица к вредным последствиям, выражающийся в их предвидении, а также волевой элемент, выражающийся в желании, сознательном допущении, либо безразличном отношении к их наступлению. Содержанием неосторожной формы вины является только интеллектуальный элемент в виде потенциальной возможности предвидения наступления вредных последствий. Вместе с тем большая часть составов административных правонарушений в Особенной части КоАП РФ сконструирована по принципу формальных, наступление вредных последствий в которых не относится к обязательным признакам объективной стороны⁷. В практике производства по делам об административных правонарушениях при установле-

³ ст. 5.14, ч.ч. 2-3 ст. 5.26, ч. 1 ст. 5.36, ст. 5.39, ст. 5.46, ч. 2 ст. 5.58, ст. 5.61.1, ч.ч. 1-3 ст. 5.64, ст. 6.1.1, ч. 1 ст. 6.18, ст. 7.17, ч. 1 ст. 7.31, ст. 7.32.6, ст. 8.5, ч. 3 ст. 8.28, ч.ч. 1-2 ст. 8.28.1, ст. 8.32.2, ч. 2 ст. 8.49, ст. 8.50, ч. 4 ст. 9.1, ст. 9.15, ч. 5, ч. 8 ст. 11.5, ст. 11.6.2, ч. 3 ст. 11.15.1, ч. 3 ст. 11.15.2, ст. 11.30, ч.ч. 3-4 ст. 12.2, ч. 2 ст. 12.5, ч. 3 ст. 12.7, ч. 3 ст. 12.31, ст. 12.33, ч. 2 ст. 12.37, ст. 13.10, ч. 4.1, ч.ч. 9-11 ст. 13.15, ч. 2 ст. 13.18, ст. 13.19.3, ст. 13.19.4, ст. 13.22, ч. 2 ст. 13.33, ч. 14 ст. 14.5, ст. 14.11, ст. 14.12, ч. 2 ст. 14.13, ч. 5, ч. 8 ст. 14.25, ч. 4 ст. 14.35, ст. 15.27.3, ст. 17.6, ст. 17.7, ст. 17.9, ч. 6 ст. 18.9, ст. 19.2, ч. 2 ст. 19.7.1, ст. 19.7.2, ст. 19.7.2.1, ст. 19.7.7, ст. 19.7.8, ч. 1, ч.ч. 1.2-2 ст. 19.7.10, ч. 3 ст. 19.7.9, ст. 19.7.11, ст. 19.8, ст. 19.8.1, ст. 19.8.2, ст. 19.8.3, ст. 19.13, ч.ч. 3-5 ст. 19.15.2, ст. 19.16, ст. 19.18, ст. 19.26, ст. 19.27, ч. 4 ст. 19.30, ч. 9 ст. 20.4, ст. 21.7 КоАП РФ.

⁴ ч. 2 ст. 7.15, ст. 9.10, ч.ч. 1-2 ст. 11.5, ч.ч. 1-2 ст. 11.15.1, ч.ч. 1-2 ст. 11.15.2, ч. 2 ст. 12.30, ч.ч. 1-2 ст. 19.7.9 КоАП РФ.

⁵ Согласно которой деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

⁶ Согласно ст. 28 УК РФ деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть (ч. 1). Деяние признается также совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам (ч. 2).

⁷ Количество материальных составов в КоАП РФ составляет всего 71: ч. 1, ч. 1.1, ч. 4 ст. 5.63, ст. 5.69, ст. 6.1.1, ч. 3 ст. 6.3, ч. 3, ч. 6, ч. 9 и ч. 12 ст. 6.35, ч. 4 ст. 7.13, ч. 2 ст. 7.15, ст. 7.17, ст. 7.26, ч. 5, ч. 7 ст. 7.32, ч. 3, ч. 6 ст. 8.2, ч. 3 ст. 8.2.2, ч. 3, ч. 6 ст. 8.2.3, ч. 4 ст. 8.32, ч. 3 ст. 8.43, ч. 3 ст. 8.52, ч. 2, ч. 3 ст. 9.4, ст. 9.18, ч. 4 ст. 10.6, ч.ч. 1-2 ст. 11.5, ч. 4 и ч. 6 ст. 12.19, ч.ч. 1-2 ст. 12.24, ч.ч. 1-2 ст. 12.30, ч. 2 ст. 12.34, ч. 6 ст. 13.11, ч. 10, ч. 11 и ч. 10.2 ст. 13.15, ч. 4 ст. 13.33, ч. 2 ст. 14.43, ч. 3 ст. 14.44, ч. 2 ст. 14.46, ч. 2 ст. 14.47, ч. 2 ст. 14.55.2, ч.ч. 2-3 ст. 15.15.6, ч. 4 ст. 15.27, ч. 10.1 ст. 15.29, ст. 16.7, ч. 1-2 ст. 18.14, ч. 3 ст. 18.18, ч. 2 ст. 19.4.1, ст. 19.16, ст. 19.36, ч. 3, ч. 4, ч. 6 и ч. 6.1 ст. 20.2, ст. 20.2.2, ч. 6 и ч. 6.1 ст. 20.4, ч. 2 ст. 20.6.1, ч. 4.3 ст. 20.8, ч. 4 ст. 20.12, ст. 20.31, ч. 2 ст. 20.32, ст. 21.7.

нии формы вины при совершении административных правонарушений с формальным составом интеллектуальный элемент вины определяется только в отношении совершенного действия (бездействия)⁸.

В связи с этим предлагаем изложить ст. 2.2 КоАП РФ в следующей редакции:

«1. Административное правонарушение, признаки которого предусматривают обязательное наступление вредных последствий, признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, осознавало противоправный характер своего действия (бездействия), предвидело его вредные последствия и желало наступления таких последствий или сознательно их допускало либо относилось к ним безразлично.

2. Административное правонарушение, признаки которого не предусматривают обязательного наступления вредных последствий, признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, осознавало противоправный характер своего действия (бездействия).

3. Административное правонарушение, признаки которого предусматривают обязательное наступление вредных последствий, признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления вредных последствий своего действия (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение таких последствий либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть.

4. Административное правонарушение, признаки которого не предусматривают обязательное наступление вредных последствий, признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, не предвидело противоправный характер своего действия (бездействия), хотя должно было и могло его предвидеть».

Противоположным понятием в теории права выступает концепция объективного вменения, закрепляющая возможность привлечения к юридической ответственности без вины, то есть только при установлении факта противоправного действия (бездействия) и (или) наступлении последствий в результате их совершения без учета субъективного отношения физического лица к ним.

КоАП РФ в отличие от УК РФ не содержит за-

рета на объективное вменение⁹, а Конституционный Суд РФ в ряде решений также допустил возможность применения указанной доктрины¹⁰.

Анализ положений КоАП РФ свидетельствует о том, что в определенных случаях законодатель отходит от реализации принципа вины в производстве по делам об административных правонарушениях.

Так, в силу ст. 2.6.1 КоАП РФ при фиксации специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме, правонарушений, предусмотренных ч.ч. 3.1-3.4 ст. 8.2, гл. 12 КоАП РФ, а также в области благоустройства территории, установленных законами субъектов Российской Федерации собственники (владельцы) транспортных средств привлекаются к административной ответственности без установления вины¹¹. В рассмотренных случаях субъектам административной юрисдикции для вынесения постановления о назначении административного наказания достаточно установления факта совершения противоправного действия (бездействия).

Отступление от классического принципа вины в данном случае, как нам представляется, является оправданным и направлено, прежде всего, на своевременную оценку органами административной юрисдикции совершенного административного правонарушения. При этом рассматриваемое исключение не является полным, поскольку в ч. 2 ст. 2.6.1, ч. 2 ст. 2.6.2 КоАП РФ предусмотрен специальный механизм освобождения от административной ответственности собственника транспортного средства или объекта недвижимости, по сути, обеспечивающего необходимость установления вины лица, совершившего административное правонарушение. При этом, считаем, что реализация принципа вины физических лиц в производстве по делам об административных правонарушениях должна сопровождаться нормативным закреплением в ст. 1.5 КоАП РФ всех случаев фактического использования в КоАП РФ объективного вменения.

Формы вины, закрепленные в ст. 2.2 КоАП РФ, к юридическим лицам не применяются, поскольку данные субъекты не могут совершить административное правонарушение умышленно или по неосторожности¹². В этой связи следует говорить о единой форме вины юридических лиц, определяемой исключительно по правилам, предусмотренным ч. 2 ст. 2.1 КоАП

⁸ Решение Советского районного суда города Самары от 16.11.2020 N 12-322/2020; Решение Череповецкого районного суда Вологодской области от 22.06.2018 по делу N 12-120/2018; Решение Павловского районного суда Краснодарского края от 21.01.2016 по делу N 12-1/2016(12-100/2015) Решение Октябрьского районного суда города Ставрополя от 12.08.2015 по делу N 12-86/15); Постановление Суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 25.09.2019 по делу N 4А-803/2019. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Согласно ч. 2 ст. 5 УК РФ объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается.

¹⁰ Так, согласно постановлениям Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П, от 25.04.2011 № 6-П, от 27.04.2001 № 7-П, от 18.05.2012 № 12-П, от 14.02.2013 № 4-П, от 08.04.2014 № 10-П исключения из принципа вины могут устанавливаться прямо и недвусмысленно непосредственно в законе.

¹¹ В силу ст. 2.6.2 КоАП РФ по аналогичным правилам привлекаются к административной ответственности собственники (владельцы) объектов недвижимости при совершении административных правонарушений, в области благоустройства территории, предусмотренных законами субъектов РФ об административных правонарушениях.

¹² Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях». Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

РФ. Данный подход в юридической литературе характеризуется как поведенческий, поскольку в соответствии с ним вина юридического лица определяется на основе внешних (объективных) критериев, выражающихся в его действиях и характеризующих организацию деятельности по соблюдению действующего законодательства¹³. Однако на практике вина юридического лица устанавливается субъектами административной юрисдикции на основе оценки таких обстоятельств субъективного характера, как действия, имеющие правовое значение для юридического лица, совершенные его должностными лицами¹⁴. Кроме того, закрепленная в КоАП РФ поведенческая концепция вины юридического лица не согласуется с диспозициями целого ряда составов административных правонарушений, в качестве обязательного признака прямо предусматривающих определенную форму вины¹⁵.

Следует отметить, что в ряде случаев законодатель также отступает от принципа вины юридических лиц в пользу объективного вменения. Так, ст. 2.10 КоАП РФ позволяет привлекать к административной ответственности созданное в результате реорганизации юридическое лицо без учета указанных выше правил определения формы его вины¹⁶.

В силу п. 3 ст. 26.1 КоАП РФ установление виновности в совершении административного правонарушения является обстоятельством, входящим в предмет доказывания по делам об административных правонарушениях, а соответствующее бремя возлагается, по общему правилу, на уполномоченные органы государства и их должностных лиц¹⁷.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ недоказанность вины физического или юридического лица, привлекаемого к административной ответственности, влечет прекращение производства по делу об административном правонарушении.

Следует отметить, что установление вины физического лица в совершении административного правонарушения вызывает определенные сложности на практике, прежде всего, в силу невозможности подвергать непосредственному анализу внутренние психические процессы, инспирирующие действия (бездействие) лица в конкретной ситуации. В этой связи определение формы вины осуществляется на основе

анализа признаков объективной стороны совершенного административного правонарушения¹⁸.

Таким образом, реализация принципа вины в производстве по делам об административных правонарушениях осуществляется в требованиях материального и процессуального характера.

К первым относятся:

- вина, по общему правилу, определяется в качестве обязательного признака административного правонарушения;

- психологическая концепция вины физического лица выражается в двух ее формах. Отсутствие интеллектуального или волевого элементов вины физического лица в отношении совершенного деяния и (или) наступивших последствий, исключает привлечение к административной ответственности;

- поведенческая концепция вины юридического лица, характеризующаяся единой формой и правилами определения.

Требованиями процессуального характера являются:

- установление вины входит в число обстоятельств, образующих предмет доказывания по делам об административных правонарушениях;

- производство по делу об административном правонарушении подлежит прекращению при не установлении вины физического или юридического лица в совершении административного правонарушения.

Образующие содержание принципа вины требования, прежде всего, являются гарантией от привлечения к административной ответственности лица, не причастного к его совершению. Во-вторых, защищают лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении от необоснованного назначения административного наказания без установления вины, а также за убеждения, мысли и намерения, не нашедшие выражения в реальной действительности посредством противоправного действия (бездействия).

Итак, принцип вины в производстве по делам об административных правонарушениях – это субъективно-объективная категория, содержанием которой является совокупность нормативных требований материального и процессуального характера, предъяв-

¹³ Дымченко В.И. Административная ответственность организаций: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск: Свердловский юридический институт. 1983. С. 10; Очердько В.П., Кокорин И.С. От теоретической неопределенности к противоречивости судебной практики при определении вины и административной ответственности юридических лиц // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 267–277.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2020 № 17-П. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Нобель А.Р. О некоторых вопросах установления вины юридического лица в производстве по делам об административных правонарушениях // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2022. № 4 (54). С. 25–26.

¹⁶ Решение Дорогомиловского районного суда города Москвы от 28.02.2019 по делу № 12-161/2019, решение Замоскворецкого районного суда города Москвы от 11.03.2020 по делу № 12-58/2020, решение Всеволожского городского суда Ленинградской области от 07.11.2018 № 12-758/18, решение Вельского районного суда Архангельской области от 09.10.2017 по делу № 12-97/2017, постановление Абдулинского районного суда Оренбургской области от 27.10.2017 по делу № 5/1/195/2017. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ Решение Октябрьского городского суда Республики Башкортостан от 22.01.2021 N 12-1/2021(12-284/2020); Постановление Верховного суда Чувашской Республики от 11.02.2019 по делу N 4-А-37/2019; Решение Белгородского областного суда от 29.03.2021 N 7(1)-103/2021; Решение Рамонского районного суда Воронежской области от 16.03.2022 N 12-30/2022; Решение Перовского районного суда города Москвы от 27.06.2022 N 12-2123/2022. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

ляемых к субъектам административной юрисдикции, направленных на достижение задач производства, выражающих обязательность установления вины физического и юридического лица в предусмотренных законом формах и порядке для привлечения к административной ответственности.

Библиографический список

1. Дымченко В.И. Административная ответственность организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск. 1983. – 17 с.
2. Очерedyкo В.П., Кокорин И.С. От теоретической неопределенности к противоречивости судебной практики при определении вины и административной ответственности юридических лиц // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 4. – С. 267–277.
3. Нобель А.Р. О некоторых вопросах установления вины юридического лица в производстве по делам об административных правонарушениях // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. – 2022. - № 4 (54). – С. 25-26.

Рецензент: Кощеева Е.С., заведующий кафедрой гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

РУБИН ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, Россия, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, rubin0701@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

RUBIN VLADIMIR ALEXANDROVICH

doctor of Cultural Studies, candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of State and Law Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, rubin0701@yandex.ru

FEATURES OF SOCIAL DEVELOPMENT ORENBURG PROVINCE ON THE EVE AND DURING THE PERIOD CARRYING OUT THE JUDICIAL REFORM OF 1864

***Аннотация.** Судебная реформа 1864 года в России, в связи с введением новых принципов судопроизводства и судоустройства, которые не утратили своей актуальности вплоть до настоящего времени, является предметом исследования широкого круга ученых гуманитарного профиля, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Учитывая наличие значительной фактологической картины реализации реформы, настоящая научная статья посвящена различным социальным аспектам второй половины XIX века, которые в совокупности задерживали начало реализации Судебной реформы 1864 года в Оренбургской губернии. В статье проанализированы миграционный, географический, образовательный, конфессиональный, административный факторы, что позволяет глубже осмыслить опыт и противоречия в построении новой судебной системы.*

***Ключевые слова:** судебная реформа 1864 года, «Великие реформы», окружной суд, мировая юстиция, Оренбургская губерния, история государства и права.*

***Review.** The judicial reform of 1864 in Russia, in connection with the introduction of new principles of legal proceedings and judicial organization, which have not lost their relevance to this day, is the subject of research by a wide range of humanitarian scientists, both at the federal and regional levels. Considering the presence of a significant factual picture of the implementation of the reform, this scientific article is devoted to various social aspects of the second half of the XIXth century, which together delayed the beginning of the implementation of the Judicial Reform of 1864 in the Orenburg province. The article analyzes migration, geographic, educational, religious, and administrative factors, which allows for a deeper understanding of the experience and contradictions in building a new judicial system.*

***Keywords:** judicial reform of 1864, “Great Reforms”, district court, justice of the peace, Orenburg province, history of state and law.*

Оренбургский опыт реализации Судебной реформы 1864 года подтверждает, что реформа имела сложную и долгую историю¹. Если фактологическая картина реализации Судебной реформы в общих чертах представлена в трудах А. Чебачева, А.А. Абрамовского, А.М. Юнусова², то специфика ее проведения до сих пор продолжает представлять научный интерес.

Современные исследователи пытаются найти ответ на вопрос, почему инициаторы реформ, а за ними

и власть, не пошли по пути жесткой унификации судебно-правовой системы, а предпочли дифференцированный подход. При этом бралось во внимание многое: социально-экономическое состояние территории, ее этнический и конфессиональный составы, преобладающие социальные группы, правовая культура населения.

Оренбургская губерния фигурирует в работах, авторы которых пытаются вывести свою типологию

---

¹ Временные правила об устройстве мировых судебных установлений в губерниях Оренбургской и Астраханской до введения в них губерниях земских учреждений от 2 мая 1878 г. // СУ. 1878. № 111. Ст. 419; О введении в Уфимской, Оренбургской и Астраханской губерниях мировых судебных установлений отдельно от общих и О временном расписании между судебными палатами губерний Уфимской, Оренбургской и Астраханской, в коих вводятся мировые судебные установления отдельно от общих от 2 мая 1878 г. // ПСЗ. Собр. 2-е. Т. LIII. № 58688; Временные правила об устройстве мировых судебных установлений в губерниях Оренбургской, Астраханской и Уфимской // ПСЗ. Собр. 2-е. Т. LIII. № 58457.

² Абрамовский А.А. Окружные суды Южного Урала 1864 – 1918 гг.: монография / А.А. Абрамовский, А.М. Юнусов. М., 2013; Чебачев А.Н. Судебная реформа 1864 года в Оренбургском крае: выстраданная и свершившаяся / А.Н. Чебачев. Оренбург, 2019.

судебного устройства в ходе реализации Судебных уставов. Так, например, Н.М. Корнева посчитала, что в Оренбургской губернии тип судоустройства совпал с тем, что был характерен для всех внутренних губерний России³. В исследовании К.П. Краковско-го «Урал и Астраханская губерния» уже выделены как регионы, отличавшиеся спецификой, которая выявилась при введении Судебных уставов⁴.

Иркутский историк права В.М. Деревскова под- ходит к типологии территорий, отличавшихся спе- цификой процесса внедрения Судебных уставов, с учетом пространственных и временных параметров⁵. Исследователь считает, что логично расширить хро- нологию реализации судебной реформы – с 1866 по 1917 гг. Это поможет проследить динамику процесса.

Географический фактор не менее важен, как и учет социокультурных параметров (многоэтничности, многоконфессиональности). Необходим учет факто- ра криминогенности, а отсюда и таких групп насе- ления, как отбывающие наказание, спецпереселенцы. Мы добавим от себя и тот переселенческий поток, кото- рый волнами шел по Оренбургскому краю. О значи- тельности притока крестьян из других губерний мож- но судить по тому, что к 1897 году Оренбургское и Уфимское по крестьянским делам присутствия вы- нуждены были контролировать 440 тысяч прибыв- ших из других территорий Российской империи⁶.

В.М. Деревскова, как было уже отмечено, говоря о специфике, упомянула географический фактор (масштаб территории, плотность населения). О про- тяженности территории Оренбургской губернии и о плотности населения можно судить по данным, пред- ставленным в нижеприведенной таблице. На 1883 год картина была следующей.

В частности, данные таблицы № 1 показывают, что плотность населения была невысокой, в губернии преобладало сельское население.

Мусульманское население, его число и низкий уровень знания русского языка, также необходимо рассматривать как фактор, повлиявший на реализацию Судебной реформы. Мы приведем те данные, кото- рыми оперировал оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский.

Также отметим, что Оренбургская губерния от- личалась наличием казачества, которое имело свою собственную внутреннюю организацию и это, несом- ненно, влияло на процесс реформирования.

При рассмотрении специфики внедрения Судеб- ных уставов нельзя игнорировать ту традицию, кото- рая существовала в Оренбургском регионе долгое время, теснейшая связь судебных учреждений с гу-

Таблица 1. Численность населения в отдельных территориях Оренбургской губернии в 1883 году⁷

№ п/п	Уезд	Пло- щадь (кв. верст)	Количество жителей (чело- век)	
			В горо- дах	В уездах
1.	Оренбургский	32 399	42 123	231 926 (из них в Илецке 2500)
2.	Орский	37 791	14 341	135 345
3.	Троицкий	16 424	13 022	97 461
4.	Челябинский	34 364	7 340	287 548
5.	Верхнеуральский	47 076	8 442	124 326
	Итого:	168 054	85 268	876 606

Таблица 2. Конфессиональный состав Оренбург- ской губернии (на период второй половины XIX века)⁸

№ п/п	Вероисповедание	Количество
1.	Православных всех сословий	1 298 525
2.	Христиан неправославных	43 560
3.	Магометан	1 836 638
4.	Евреев	16
5.	Сектантов	16 272
6.	Идолопоклонников	13 227

бернской администрацией и исполнительными орга- нами государственной власти. Эта связь закрепля- лась десятилетиями. Позволим себе сделать неболь- шой исторический экскурс. Еще в первой четверти XIX века российское законодательство наделило су- дебными функциями и военных, и гражданских гу- бернаторов. В частности, у военного губернатора су- ществовало право «требовать к рассмотрению свое- му не только уголовные дела, кои по важности своей или по жалобам на несправедливое решение судеб- ных мест, обратили на себя особое внимание»⁹. Но, как показывает современный исследователь Н.Л. Семенова, у военного губернатора не всегда имелись необходимые знания для правильного исполнения контрольно-надзорных функций и зачастую губер- натор был ответственен за то, что ход судебных дел принимал тупиковый характер¹⁰.

В течение десятилетий, предшествовавших Су- дебной реформе, компетенции оренбургских военных

³ Корнева Н.М. Политика самодержавия в области судоустройства и судопроизводства (1881 – 1905 гг.) / Н.М. Корнева: дис. ...канд. ист. наук. Л., 1980. С. 59 – 60.

⁴ Краковский К.П. Проведение судебной реформы в России (посвящается 150-летию судебной реформы 1864 г.). Ч. 2. / К.П. Краковский // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 4. С. 18 – 30.

⁵ Деревскова В.М. Проблемы реализации Судебной реформы 1864 г. и вопросы типологии судебной системы Российской империи / В.М. Деревскова // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4 (95). С. 20 – 32.

⁶ Тихонов Б.В. Переселение в России во второй половине XIX в. М., 1978. С. 160 – 174.

⁷ Объединенный государственный архив Оренбургской области (далее – ОГАОО). Ф.10. Оп. 1. Д. 10. ЛЛ. 52,53,55,59,61.

⁸ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 8. Д. 772. Л. 5.

⁹ ПСЗ I. Т. 38. № 29610.

¹⁰ Семенова Н.Л. Взаимодействие институтов военного и гражданского губернаторов в управлении Оренбургской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. / Н.Л. Семенова: дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2021. С. 560 – 561.

губернаторов в судебной области все более расширялись: к ним направлялся основной поток дел от уездных судов для утверждения окончательного решения. Таким образом, оренбургский военный губернатор осуществлял функции губернских палат уголовного и гражданского суда¹¹.

Оренбургские военные губернаторы зачастую сами участвовали в законотворчестве. Это свидетельствует о значимости их фигур, в том числе, и в этой сфере. Приведем пример: оренбургский военный губернатор, генерал-адъютант В.А. Перовский вышел в высшие круги с предложением: «...за все роды преступлений, в которые впадут люди военных словесий... казаков Уфимских, Оренбургских, Калмык, Тептярей, башкир и Мещеряков, предавать...военному суду»¹². Предложение оренбургского военного губернатора воплотилось в указе.

Приведем пример, относящийся к началу 60-х годов XIX века, в силу того, что он также связан с законотворчеством, но также показывает значимость фактора криминогенности (который выделен в В.М. Деревсковой).

Согласно официальным данным в 1858 году в Оренбургской губернии с 2,4 млн жителей было зарегистрировано 3004 случаев преступлений. Самыми распространенными были кражи и мошенничества (1061), далее шли грабежи, разбои, убийства. Число последних варьировалось в пределах 40¹³. В среднем в предреформенные годы по Оренбургской губернии совершено одно преступление на 800 жителей¹⁴. Однако для сельского социума бичом являлось конокрадство. Оренбургские власти связывали эту разновидность преступлений с «наклонностью к беспорядкам киргизов, башкир и прочих иноверцев»¹⁵. Размах конокрадства сделал необходимым введение института уездных комиссаров по пресечению конокрадства «с наделением его судебными полномочиями»¹⁶.

В 1862 году оренбургский губернатор, генерал-адъютант А.П. Безак был вынужден обратиться к императору с предложением о предоставлении сельским обществам права приговаривать конокрадов к высылке в Сибирь. Предложение было одобрено. Комиссия по документированию указанных преступлений была создана, приговоры сельских обществ стали достаточными. Результат – высылка в начале

1860-х годов в Сибирь 324 преступников-конокрадов¹⁷.

Губернатор был заинтересован в том, чтобы закон встал на сторону порядка. Это могло хоть как-то противостоять самосудам. Хотя даже в 1870 году оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский писал о том, что в вверенном ему крае действует «закон Линча»¹⁸. Самосуд, отметим, не был чем-то экзотичным, повседневность крестьян принимала этот жестокий вид наказания¹⁹.

Еще одна иллюстрация «проникновения» власти оренбургских губернаторов в судебную сферу связана с системой их взаимоотношений с губернскими прокурорами.

Оренбургские военные губернаторы, как правило, игнорировали статус независимости губернского прокурора. Авторитет последнего напрямую зависел от отношения к нему начальника губернии²⁰. Самый известный пример – конфликт оренбургского военного губернатора Н.Н. Бахметева с губернским прокурором Г.П. Богинским²¹. Пока длился конфликт, губернский прокурор чудом избежал отставки. При следующем губернаторе карьера Г.П. Богинского пошла в гору.

Следующим фактором, который должен браться во внимание при анализе того, как продвигались Судебные уставы в Оренбургской губернии, на наш взгляд, это «переплетение» компетенций судов и полиции. Если обратиться к годам, предшествовавшим Судебной реформе, то уже комиссия о губернских и уездных учреждениях, работавшая в 1859 – 1860 годах под руководством товарища министра внутренних дел Н.А. Милютина, дала рекомендации исключить из обязанностей полиции следственные функции²².

На региональном уровне эта мысль была озвучена чиновником особых поручений Оренбургского губернского правления Масловым в ходе дискуссий о реформе. Маслов выразил мнение, согласно которому следственную часть необходимо обособить; на уезд поставить не два следственных пристава, а более; следствие отделить от дознания; мировых судей не назначать из представителей местных потомственных дворян. Последнее он объяснял, приводя народную мудрость: «свой своему поневоле друг» и это сразу же обнаружится в судебном споре между помещиком и крестьянином²³.

¹¹ Там же.

¹² Байгутлин Р.И. Организационно-правовые основы деятельности полиции Оренбургской губернии в 1775 – 1862 гг. / Р.И. Байгутлин: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 139 – 140.

¹³ Байгутлин Р.И. Указ. соч. С. 140.

¹⁴ Сичинский Е.П. Становление полиции на Южном Урале (последняя четверть XVIII – начало XX вв.) / Е.П. Сичинский: дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. С. 199.

¹⁵ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11950. Л. 115.

¹⁶ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (далее – ЦГИАРБ). Ф.И-2. Оп. 1. Д. 6081. ЛЛ. 23-26.

¹⁷ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13998. ЛЛ. 17,18.

¹⁸ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14142. ЛЛ. 37, 70.

¹⁹ Безгин В.Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа (конец XIX – начало XX вв.) / В.Б. Безгин // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 132 – 133.

²⁰ Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX в. / А.Н. Бикташева. М., 2012. С. 236.

²¹ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 763/14. Л. 3; Д. 4584. Л. 1.

²² Мушкет И.И. Реформа полиции во второй половине XIX – начале XX вв. / И.И. Мушкет // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002) / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 2001. С. 81.

²³ ЦГИАРБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 504. ЛЛ. 1-5.

Отметим, что в июле 1860 года законодательным путем следственная часть была отделена от полиции и учрежден институт судебных следователей²⁴.

Возвращаясь к предложениям, выдвинутым Масловым, остановимся на его мнении о низшем земском суде. Маслов считал, что коллегиальность этому суду не нужна, поскольку сельские заседатели были «балластом» в силу своей почти поголовной неграмотности. Крестьянские (сельские) заседатели не вступали в спор, разбирая тяжбу, а уж с дворянином-исправником тем более. Зачастую сельские заседатели не могли надолго оставить свои хозяйства без присмотра, отдавали свои печати (замена личной подписи) и отбывали по домам. Печати прикладывали к документам без них. Сельских заседателей не раз использовали в качестве истопников, уборщиков, посыльных²⁵.

Мы постарались перечислить только часть специфических особенностей, которые необходимо было учитывать при реализации судебной реформы.

Необходима была большая предварительная работа. Она началась в 1866 году и вылилась в ликвидацию магистратов, ратушей, совестного суда (1866). Далее передача уголовных и гражданских дел в уездные суды, определение числа судебных следователей. В Оренбурге посчитали необходимым наличие двух судебных следователей, в Троицке – одного, в Челябинском уезде – пяти, в Оренбургском – четыре, в Орском и Верхнеуральском по три следователя, в Троицком – двух человек²⁶. На следующем этапе будут добавлены временные следователи. Далее последовало объединение палат уголовного и гражданского суда. Относительно казачьих территорий также произошла реорганизация – после указа от 17 мая 1865 года большая часть дел в отношении казаков перешла под юрисдикцию общегубернских судебных установлений, а образованные станичные суды призваны были разрешать несложные имущественные споры и мелкие уголовные преступления²⁷.

Одновременно с происходившими в губернии новациями происходило взаимодействие губернских властей с Министерством юстиции, которое работало над проектами реализации Судебной реформы для каждого региона Империи с учетом индивидуальных особенностей последних. Оренбургские власти и ответственные лица должны были предоставлять в центр судебно-статистические сведения. Такие сведения были отправлены в конце ноября 1865 года

уфимским прокурором Полежаевым²⁸. Но после разделения губерний эти сведения потеряли свою актуальность. Далее был задействован оренбургский прокурор Логинов. К январю 1867 года Логинову удалось собрать и обобщить судебно-статистические сведения, что дало возможность собрать 10 января того же года расширенное заседание статистического комитета Оренбургской губернии и выработать проект реализации реформы. К тому же генерал-губернатор Н.А. Крыжановский не раз озвучивал свои мнения о реформе и путях ее осуществления в письмах к высоким столичным адресатам²⁹.

Как шаг к осуществлению реформы можно считать согласие правительства после настоятельных просьб губернаторов Южного Урала на создание мировой юстиции. 25 мая 1878 года императорским указом были упразднены уездные суды, часть их дел была передана мировым судьям, а часть Оренбургской палате уголовного и гражданского суда³⁰.

В Оренбургской губернии было выделено пять мировых округов. Округа были поделены на мировые участки. Определены были участковые и почетные мировые судьи. Позволим себе небольшое отступление, которое показывает, что последнее – выборы участковых и почетных мировых судей было ответственной и важной задачей. В качестве примера обратимся к материалам 3-ей очередной сессии Оренбургского уездного земского собрания (1915 г.). На сессии был представлен доклад «О выборе почетных мировых судей на трехлетний срок. 1915 – 1918 гг.». Список кандидатов был представлен оренбургским губернатором и уездным предводителем дворянства. Земской управе необходимо было строго ориентироваться при осуществлении выбора на статьи закона.

В мировые судьи избирали тех граждан из местных жителей, которые: 1) имели не менее двадцати пяти лет от роду, 2) получили образование в высших или средних учебных заведениях или выдержали соответствующее сему испытание, или же прослужили не менее трех лет в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел и, 3) если при том они сами или их родители, или жены, владели пространством земли вдвое против того, которое определено для непосредственного участия в избрании гласных в уездные земские собрания, или другим недвижимым имуществом ценою не ниже «пятнадцати тысяч рублей, а в городах – недвижимой собственностью...»³¹.

²⁴ Мушкет И.И. Указ. соч. С. 87.

²⁵ Журнал Оренбургского Уездного Земского Собрания 3-й очередной сессии. Заседание 5 ноября 1915 года // Журналы и доклады IV и V чрезвычайных сессий. С. 71 – 72.

²⁶ Об образовании из Оренбургской губернии двух губерний: Уфимской и Оренбургской: Положение, утвержденное Императором 17 мая 1865 г. // ЦГИАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 18. ЛЛ. 4-5об. П. 47, 49, 50.

²⁷ О станичном суде в Оренбургском казачьем войске: Положение, утвержденное Императором 17 мая 1865 г. // ЦГИАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 18. ЛЛ. 7-7об.ПП. 1-18.

²⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 63. Д. 4858А. Л. 225, 242.

²⁹ Абрамовский А.А. Указ. соч. С. 74 – 75.

³⁰ Об устройстве мировых судебных установлений в губерниях Оренбургской, Уфимской и Астраханской, впредь до введения в них земских учреждений: временные правила, утвержденные Императором 16 мая 1878г. // История государства и права Башкортостана (в нормативных актах, документах и материалах официального делопроизводства) / отв. ред. Ф.А. Ишкулов. Уфа, 1996. С. 188 – 189.

³¹ В Оренбургское Уездное Земское Собрание. 3-я очередная сессия. 1915. Оренбургская Уездная Земская Управа. Доклад № 92 // Журналы и доклады IV и V чрезвычайных сессий и III очередной сессии. [б.и.], 1915. С. 356 – 361.

После заслушивания доклада начались прения по поводу того, почему к списку не были приложены данные об имущественном и образовательном цензе. В результате согласие было найдено. Список почетных мировых судей был утвержден. В него вошли: действительный статский советник М.М. Эверсман, действительный статский советник Л.И. Шотт, дворянин Д.Н. Соколов, дворянин Д.А. Холодковский, окончивший университет А.Р. Оберлендер, потомственный почетный гражданин И.Т. Соколов, губернский секретарь Е.Н. Николаев, оренбургский купец Н.А. Смочилин, дворянин С.С. Корсаков, потомственные почетные граждане А.П. Деев, С.П. Деев, С.П. Деев, дворянин Г.М. Базилев³². Данный пример показывает высокий социальный, сословный статус граждан, становившихся почетными мировыми судьями. Институт мировой юстиции после Судебной реформы 1864 года претерпит период его отмены и, впоследствии, возрождения. Вместе с тем, главным является тот фактор, что войти в круг судейского сообщества простые люди не могли. В последней четверти XIX века все мировые судьи (при их выборе) зависели от того, даст ли «добро» Временный губернский комитет во главе с губернатором. Далее следовало утверждение в высшей инстанции – у Императора³³.

История развития мирового суда, институтов следователей и приставов, реорганизация прокуратуры требует отдельного исследования. Мы же стремились показать зависимость реализации Судебных уставов на территории Оренбургской губернии от особенностей региона и осветить те объективные причины, которые влияли на процесс реформирования.

Таким образом, реализация Судебной реформы 1864 года в Оренбургской губернии проходила с учетом региональной специфики, и осуществлялась позднее, чем в других субъектах Российской империи. Реализация реформы была растянута во времени (1878 – 1917 гг.) по ряду особенностей. На значительную задержку начала реформы оказал миграционный фактор, суть которого связана с увеличением численности жителей за счет переселенческих про-

цессов в последней трети XIX – начале XX вв. Существенным являлся и географический фактор, а именно невысокая плотность и преобладание сельского населения. Более того, большая часть сельских жителей была безграмотной. На организацию новой судебной системы также оказывал влияние конфессиональный состав региона, который требовал от властей особого подхода. Более половины жителей губернии были мусульманами со слабым знанием русского языка. Кроме того, серьезное сопротивление реформе оказывали представители исполнительной власти, а конкретно губернской администрации. Традиционно губернаторы не только были наделены судебными полномочиями, но и наделяли ими иные управленческие структуры (например, сельские общества, уездные комиссары по пресечению конокрадства). Также, законодательно имелся серьезный имущественный и образовательный цензы. В частности, включение в состав почетных мировых судей было возможным для представителей элиты региона (дворяне, купцы, почетные граждане).

Указанный комплекс социальных особенностей выделяет Оренбургский край среди других регионов Российской империи и объясняет природу задержки в реализации Судебной реформы 1864 года в приграничном регионе. В частности, в Оренбургской губернии с разнородным сословным и национальным составом населения первыми были введены мировые суды (1878 год). Общие судебные места (окружные суды и судебные палаты) открыты в 1894 году, а суд присяжных – только в 1898 году. Вместе с мировыми судами вводились институты следователей и приставов, была реорганизована прокуратура. Вместе с тем, необходимо отметить, что мировая юстиция при Александре III претерпела существенные изменения в связи с новым вектором государственной политики по отношению к крестьянству (в 1889 году мировые суды ликвидировали, их полномочия передали земским начальникам). Однако, мировой суд будет восстановлен, но произойдет это уже при Николае II на короткий пятилетний период (1912 – 1917 годы).

Библиографический список:

1. Абрамовский А.А. Округные суды Южного Урала 1864 – 1918 гг.: монография / А.А. Абрамовский, А.М. Юнусов. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 272 с.
2. Байгутлин Р.И. Организационно-правовые основы деятельности полиции Оренбургской губернии в 1775 – 1862 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 189 с.
3. Безгин В.Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории. – 2005. – № 3. – С. 132 – 133.
4. Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX в. – М.: Новый хронограф, 2012. – 480 с.
5. Деревскова В.М. Проблемы реализации Судебной реформы 1864 г. и вопросы типологии судебной системы Российской империи // Сибирский юридический вестник. – 2021. – № 4 (95). – С. 20 – 32.
6. Корнева Н.М. Политика самодержавия в области судоустройства и судопроизводства (1881 – 1905 гг.): дис. ...канд. ист. наук. – Л., 1980. – 23 с.

³² Журнал Оренбургского Уездного Земского Собрания 3-й очередной сессии. Заседание 5 ноября 1915 г. // Там же. С. 71 – 73.

³³ Черник М.В. Особенности реализации судебной реформы 1864 года в Астраханской губернии / М.В. Черник: дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2015. С. 106.

---

7. Краковский К.П. Проведение судебной реформы в России (посвящается 150-летию судебной реформы 1864 г.). Ч. 2. // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 4. – С. 18 – 30.

8. Мушкет И.И. Реформа полиции во второй половине XIX – начале XX вв // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002) / под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – С. 81 – 87.

9. Семенова Н.Л. Взаимодействие институтов военного и гражданского губернаторов в управлении Оренбургской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв: дис. ... д-ра ист. наук. – Оренбург, 2021. – 700 с.

10. Сичинский Е.П. Становление полиции на Южном Урале (последняя четверть XVIII – начало XX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. – Челябинск, 2006. – 514 с.

11. Тихонов Б.В. Переселение в России во второй половине XIX в. – М.: Наука, 1978. – 212 с.

12. Чебачев А.Н. Судебная реформа 1864 года в Оренбургском крае: выстраданная и свершившаяся. – Оренбург: ООО «Изд-во «Оренбургская книга», 2019. – 318 с.

13. Черник М.В. Особенности реализации судебной реформы 1864 года в Астраханской губернии: дис. ... канд. ист. наук. – Астрахань, 2015. – 180с.

Рецензент: Жолобова Г.А., заведующий кафедрой истории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент.

Раздел второй

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

НАХОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, 197046, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5,
nahova.elena@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ В УСТАВЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА

NAKHOVA ELENA ALEXANDROVNA

PHD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Procedure Law of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 197046, Russia,
St. Petersburg, Alexandrovsky Park, 5, nahova.elena@yandex.ru

THE CONCEPT OF THE SUBJECT OF PROOF IN THE STATUTE OF CIVIL PROCEEDINGS OF 1864

Аннотация. В статье автор исследует концепцию предмета доказывания в Уставе гражданского судопроизводства 1864 года. Анализу концепции предмета доказывания предшествует детальный анализ доказательственного права, начиная с периода древнерусского доказательственного права до периода доказательственного права Устава гражданского судопроизводства 1864 года. По результатам исследования автор приходит к выводу, что анализ процессуальной доктрины того периода позволяет говорить о наличии выработанного определения «предмета доказывания», классификации его фактов по различным основаниям, установлении в законе оснований освобождения от доказывания.

Ключевые слова: предмет доказывания, доказательственное право, источники дореволюционного доказательственного права, Устав гражданского судопроизводства 1864 года.

Review. In the article, the author explores the concept of the subject of proof in the Statute of Civil Proceedings of 1864. The analysis of the concept of the subject of proof is preceded by a detailed analysis of evidentiary law, starting from the period of ancient Russian evidentiary law to the period of evidentiary law of the Charter of Civil Proceedings of 1864. According to the results of the study, the author concludes that the analysis of the procedural doctrine of that period allows us to speak about the existence of a developed definition of the «subject of proof», the classification of its facts on various grounds, the establishment of grounds for exemption from proof in the law.

Keywords: the subject of proof, evidentiary law, sources of pre-revolutionary evidentiary law, the Charter of Civil Proceedings of 1864.

Первоначально представляется правильным проанализировать общие тенденции развития доказательственного права начиная с древнерусского доказательственного права до периода издания Устава гражданского судопроизводства (УГС) в целом. В развитие института доказательственного права дореволюционные теоретики-процессуалисты выделяли два периода. Первый период характеризовался преобладанием начал родового и общинного быта и длил-

ся до начала XV века. Второй период отличался преобладанием начал государственности и начинался с XV века¹. Однако, момент разграничения указанных периодов являлся дискуссионным положением среди русских ученых-процессуалистов. Так, некоторые исследователи с моментом разграничения данных периодов связывали учреждение института губных старост². Другие ученые считали, что отделение гражданского судопроизводства от уголовного судопро-

---

¹ См.: Юшков С. В. История государства и права СССР. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. С. 138.

² См.: Чоглоков П. Об органах судебной власти в России до Уложения Алексея Михайловича// Юридический сборник. Казань: Изданием книгопродавца И. Дубровина, 1855. С. 3.

изводства произошло в период издания уставных и судебных грамот, при этом разграничивали между собой два периода в развитии института доказательственного права³. Представители другой точки зрения полагали, что разграничение уголовного судопроизводства от гражданского судопроизводства произошло в период правления Ивана Грозного и издания Судебников⁴. Представляется правильным при анализе исторического становления института доказательственного права выделить следующие периоды его развития: древнерусское доказательственное право, доказательственное право периода усиления начал государственности; доказательственное право периода реформ Петра Великого; доказательственное право первой половины XIX века; доказательственное право в период судебной реформы 1864 года; доказательственное право в период Октябрьской революции и гражданской войны; советское доказательственное право; современное доказательственное право. Каждый период в развитии института доказательственного права отличается существенными чертами, которые характеризуют сущность данного института.

Источниками древнерусского доказательственного права являлись сборники обычного права: Русская Правда, Псковская Судная грамота, Новгородская Судная грамота. В ранние периоды существования государственности на Руси обычай являлся преобладающим источником права, а затем и законодательства⁵. На правила доказывания, и доказательственное право, в частности, огромное влияние оказывали религиозные воззрения. Гражданский и уголовный процесс были едиными. Форма судопроизводства характеризовалась как единая, состязательная⁴ и обвинительная. В сборниках обычного права были закреплены как нормы материального, так нормы процессуального права.

Доказательственное право характеризовалось отсутствием стройной системы доказательств, небольшим их количеством, не разработанностью правил об условиях достоверности доказательств. Стороны самостоятельно определяли предмет доказывания и доказательства, подтверждающие требования и возражения, являлись как субъектами доказывания, так и субъектами познания. Установление фактических обстоятельств дела возлагались на стороны. Процесс доказывания состоял из комплекса процессуальных действий. Бремя доказывания распределялось в зависимости от категории дела. Была установлена своеобразная санкция в виде неблагоприятного решения за отказ стороны от представления доказательств в установленный срок. Доказательства исследовались перед судьями, существовал определенный порядок фиксации доказательств. Собираание доказательств

осуществлялось сторонами. Суд являлся беспристрастным арбитром, оценивал доказательства и постановлял решения в пределах требований, заявленных сторонами. В последующем роль суда в доказательственной деятельности возрастала. Суд определял, какие доказательства должны быть представлены сторонами. В случае, если суд не мог на основе представленных доказательств разрешить спор, посылал своих людей на место для выяснения обстоятельств дела⁵. Стороны могли доказывать обстоятельства дела следующими средствами доказывания: показаниями свидетелей, присягой (ротой), судебным поединком, нарушениями прав, испытанием железом и водой.

Источниками доказательственного права периода усиления начал государственности являлись Судебники 1497 и 1550 года, Соборное Уложение 1649 года. Доказательственное право этого периода характеризовалось законодательным закреплением новых средств доказывания: повального обыска и письменных доказательств, установлением правил о внутренних и внешних условиях доказательственной силы средств доказывания, исчезновением некоторых средств доказывания, отмиранием примитивных форм доказывания, зарождением системы легальных, формальных доказательств, установлением для судей обязательной классификации письменных доказательств. Расширились по сравнению с древнерусским доказательственным правом полномочия суда по установлению фактических обстоятельств дела. Суд мог заслушивать объяснения сторон, рассматривать доказательства, требовать объяснения какого-либо факта, интересоваться наличием доказательств, предлагать рассмотрение определенного доказательства. С 1497 года законодательно закреплено иное процессуальное положение свидетеля (послуха) по сравнению с древнерусским доказательственным правом, суд стал оценивать показания свидетелей. Стороны должны были доказывать основания своих требований и возражений. Дело разрешалось на основе доказательств, представленных сторонами. Субъектами исследования доказательств являлись суд и стороны. В законе были закреплены следующие средства доказывания: свидетельские показания, письменные доказательства, поле, судебный поединок, присяга, собственное признание.

В период действия Соборного уложения 1649 года доказательственное право отличалось тенденцией по расширению полномочий судьи в доказательственной деятельности: суд мог принять или не принять то или иное доказательство, определял значение и силу доказательств, удостоверял подлинность документов, представляемых сторонами. Система доказательств, применяемая в гражданских делах, включала в себя

³ См.: Михайлов М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 года. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1848. С. 32.

⁴ См.: Историческое развитие судопроизводства в России. СПб.: Тип. Второго Отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1843. С. 43; Он же. История судебных учреждений в России. СПб.: тип. Э. Веймара, 1851. С. 28; Гартунг. История уголовного судопроизводства в Англии, Франции, Германии и России. СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1868. С. 306-307.

⁵ См.: Лаптева Л.Е. Исследование обычного права народов Российской империи // Государство и право. 1997. № 8. С. 101. Цит. по: Фокина М.А. Теория и практика доказывания в гражданском судопроизводстве. Домодедово: Изд-во ВИПК МВД России, 2000. С. 8.

как доказательства, типичные для состязательного процесса, так и доказательства, типичные для следственного процесса. Законодательно были закреплены следующие стадии доказательственного процесса: собирание, представление, исследование, фиксация и оценка доказательств. Истец должен был представить доказательства. После представления доказательств истцом, ответчик объявлял, сошлется ли он на новые доказательства. Для собирания дополнительных доказательств давался новый срок. Такое право было и у истца. Оценка доказательств судом характеризовалась как свободная. В определенных случаях закон указывал, какие доказательства применить при разрешении дела. Соборное Уложение не допускало замену одного доказательства другим по собственной инициативе судом. Доказательства делились на три разряда: 1) свидетельство самих тяжущихся – собственное признание и присяга (крестное целование); 2) показания свидетелей и письменные доказательства; 3) жребий⁶. Наиболее важные были первые два вида доказательств.

Законом была установлена особая форма судебного признания. Юридически значимые обстоятельства практически по всем гражданским делам должны подтверждаться только письменными доказательствами (крепостными). Законом устанавливался запрет на опровержение письменных доказательств. Разрешалось ли доказывать ложность документов, не соблюдение процедуры принятия документов и актов. При оценке свидетельских показаний учитывалось звание свидетеля. Знатные люди могли не являться в суд для допроса, а могли представить письменные показания суду. В Соборном Уложении были установлены основания для отвода свидетеля.

Нормы доказательственного права периода реформ Петра Великого были закреплены в следующих источниках: Указе от 21 февраля 1697 года «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах», Указе «О форме суда» от 05 ноября 1723 года, Воинском Уставе («Кратком изображении воинских процессов»). Нормы, которые регулировали доказательственную деятельность, были основаны на системе формальных доказательств. Сущность этой системы состояла в том, что законом заранее определялась сила каждого вида судебных доказательств, и что при оценке их суд должен был руководствоваться этими определенными, преподанными законодателем, формальными правилами⁷. Была установлена следственная форма процесса при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Собирание доказательств было возложено на суд. Суду было предоставлено право по сбору справок по делу (справки были не тождествен-

ны доказательствам), право дополнения материалов дела сведениями, не указанными сторонами. Пределы сбора доказательств не были определены. Все доказательства собирались до начала судебного разбирательства. Вопрос о допуске доказательств решался судом, в исследовании доказательств участвовал только суд. Законодательно были закреплены нормы о раскрытии доказательств. Ответчик также мог собирать доказательства и заявлять ходатайства о приобщении их к делу. Истцу предоставлялось необходимое время для сбора дополнительных доказательств. Поскольку процесс был письменным, усилилась роль и значение письменных доказательств. Доказательства классифицировались на полные и неполные. Свидетели были подразделены на классы. Это учитывалось при оценке свидетельских показаний. Приоритет отдавался более высокому социальному положению свидетеля, такое доказательство считалось полным. В 1723 году розыскной процесс по гражданским делам был отменен.

Источником доказательственного права первой половины 19 века являлась Часть 2 Тома 10 Свода законов Российской Империи («Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских»). Доказательственное право характеризовалось определяющей ролью суда в доказывании, стороны являлись источником доказательственной информации. Суд устанавливает фактические данные и доказательства, их подтверждающие, назначал экспертизу и осмотр на месте. В отдельных случаях суд обязывал стороны ссылаться на конкретные доказательства. Бремя доказывания лежало на сторонах. При недоказанности требований истца и возражений ответчика суд мог обязать ответчика к присяге. Существовало ограничение возможностей сторон в выборе доказательств. Суду предоставлялось право собирать справки для определения подлинности документа, для пояснения, дополнения документа и установления подлинности показаний сторон. Процесс делился на несколько ступеней: 1) предъявление отводов; 2) изложение требований и заявление о доказательствах. Эта ступень заканчивалась определением обязанности доказывать спорные факты; 3) производство по доказательствам и заключительные заявления сторон; 4) решение⁸. Стороны могли пользоваться письменными доказательствами, показаниями свидетелей, признавать факты.

Доказательственное право периода издания УГС, вошедшего в состав судебных уставов, утвержденных 20 ноября 1864 г., было основано на теории свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судей. В УГС впервые были закреплены такие принципы доказательственного права как обязательность доказывания, допустимость средств доказыва-

⁶ См.: Кавелин К.Д. Основные начала русского судопроизводства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях // Кавелин К.Д. Собр. Соч.: В 4 т. СПб.: Н. Глаголев, 1904. Т. 4. Стлб. 405.

⁷ См.: Васильковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М.: Бр. Башмаковы, 1917. С. 108; Юшков С. В. История государства и права СССР. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. С. 423; Сыромятников Б. И. Очерк истории суда в древней и новой России. Сб. «Судебная реформа» / Под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. М.: Книгоизд-во «Объединение», 1915. С. 177.

⁸ См.: Хрестоматия по гражданскому процессу / Под ред. М. К. Треушников. М.: Городец, 1996. С. 51.

ния, свободная оценка доказательств⁹. Законодательно закреплены стадии доказательственного процесса и детально урегулированы процессуальные действия сторон и суда на каждой стадии. Утверждение о фактах и указания заинтересованных лиц на доказательства как стадия доказательственного процесса реализовывалась через состязательные бумаги (ст. 312, 314, 315 УГС). Субъектами собирания доказательств по УГС являлись стороны. Суд не собирал доказательства, но мог оказывать содействие в сборе доказательств (ст. 367 УГС). Суд не вправе был допрашивать свидетелей по собственной инициативе или принимать во внимание сведения, содержащиеся в других делах. Суд оказывал помощь сторонам в собирании справок (ст. 452-455 УГС); при обеспечении вызова свидетелей в суд (ст. 370 УГС; при использовании показаний свидетелей, не могущих явиться в судебное заседание. УГС предоставил суду некоторую инициативу в определении круга доказательств по конкретному делу. Судья не имел право дополнять дело новыми доказательствами. Суд вправе по собственному усмотрению назначить осмотр на месте и экспертизу, а также истребовать заключение «сведущих людей» (ст. 507, 515 УГС). Изменения, внесенные в УГС, усилили роль суда в собирании доказательств. Судья по собственной инициативе мог приложить «не касающиеся существа дела» справочные сведения, находящиеся в его же делах (ст. 82). В силу ст. 263 и 315 УГС истец обязан представить доказательства своего иска в исковом прошении, а ответчик возражения в ответе. В целях недопущения злоупотреблений правами в доказательственной деятельности устанавливалось, что новые доказательства не могут быть приняты судом во внимание при вынесении решения и не могут служить основанием для возобновления состязания в новом заседании, если они были представлены по окончании состязания или судебного заседания. Суд имел право выносить постановления относительно доказательств только тогда, это представлялось необходимым для дальнейшего производства по делу. Он не должен был требовать представления доказательств относительно фактов, которые не вызывают спора между сторонами «возбуждать от себя сомнения и возражения, вместо ответчика¹⁰». Стороны не были ограничены в представлении доказательств в апелляционном производстве. Право предоставления новых доказательств принадлежало обеим сторонам, независимо от оценки его судом первой степени. Любые доказательства, которые могли быть представлены, но не были представлены по каким – либо причинам при первоначальном рассмотрении дела, допускались к рассмотрению во второй степени суда. Закон предусматривает право сторон представлять доказательства относительно обстоятельств, возникших после первого рассмотрения дела. По отношению к доводам и доказательствам права сторон были ничем не ограничены: они могли

приводить новые, не указанные в состязательных бумагах доводы и доказательства, вплоть до прекращения председателем прений (ст. 331 УГС). Последующие изменения в УГС предоставили суду право «потребовать представления тяжущимися доказательствами, на которые они указывали в своих объяснениях, хотя бы на эти доказательства не было сделано прямой ссылки» (ст. 81 (1)). Кроме того, суд был наделен правом принимать во внимание доказательства, представленными явившимися соучастниками, в пользу не явившихся, даже если последние на них не ссылались (ст. 15(3)). В законе были закреплены нормы, регулирующие порядок раскрытия доказательств. Совместными действиями суда и сторон проводится исследование доказательств. УГС предоставил суду определенную инициативу в доказательственной деятельности. Председатель суда руководил устным состязанием сторон. От усмотрения суда зависело предлагать или не предлагать вопросы тяжущимся. Во время устного состязания сторон председательствующий и с его разрешения члены присутствия имели право предлагать сторонам вопросы с целью разъяснения их требований, доводов и возражений, если они были выражены не ясно (ст. 335 УГС). По смыслу закона при ясности и определенности заявлений стороны ни председательствующий, ни члены суда не вправе были задавать вопросы. За председателем сохранялось право отклонить вопросы, предлагаемые стороной, если найдет, что они не относятся к делу или обстоятельства дела установлены, при этом стороны имели право на равное количество выступлений (ст. 338 УГС). Суд мог по просьбе сторон или по собственной инициативе производить проверку представленных сторонами доказательств, по которым объявлен спор. Предоставлено суду право «расспроса» свидетелей (ст. 400 УГС). Председатель суда, с его разрешения члены суда и стороны, могли предлагать свидетелю вопросы не только по тем обстоятельствам, для подтверждения которых он вызван «но и вообще по всем предметам, которые каждая из них признает нужным выяснить» (с. 400 УГС). Несмотря на то, что суд по собственной инициативе мог назначить осмотр на месте, стороны имели право присутствовать при нем и делать указания и замечания (ст. 510 УГС). Статья 719 (1) УГС: «От суда зависит потребовать явки истца лично или через поверенного, если по обстоятельствам дела окажется необходимость в его словесных объяснениях». Существовали следующие способы доказывания: 1) личное восприятие судом вещественных доказательств, в частности, осмотр на месте, 2) присяга одной из сторон, 3) признание, 4) допрос свидетелей, 5) дознание через окольных людей, 6) ознакомление с содержанием документов, 7) экспертиза. Как виды доказательств выделялись свидетельские показания, письменные документы, дознание через окольных людей, присяга (признание), осмотр на месте, экс-

⁹ О принципах доказательственного права см. подробнее: Фокина М.А. Теория и практика доказывания в состязательном гражданском судопроизводстве. Домодедово: Изд-во ВИПК МВД России, 2000. С.158-159.

¹⁰ См.: Малышев К. Курс гражданского судопроизводства: В 3 т. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1874. Т.1. С. 353-354.

пертиза. Суд мог заслушать мнение сведущих людей – помощников суда, т. е. специалистов. Суд основывал свое решение на том, что установлено в процессе. Суд должен был руководствоваться тем, что доказано сторонами. Суд не должен выходить за пределы просьб, заявленных сторонами¹¹. Суду предоставлялось право принимать в основании решения доводы, которые хотя и не были приведены тяжущимися, но следовали из представленных сторонами доказательств и документов¹². Оценка доказательств проводилась судом на основе принципа свободной оценки доказательств. Принцип свободной оценки доказательств в общем виде в УГС не был сформулирован, в отличие от ст. 766 Устава уголовного судопроизводства 1864 года. Но из постановлений по вопросу об оценке судом отдельных доказательств (ст. ст. ст. 102, 411, 437, 533, 711 и др. УГС) и из многочисленных комментариев к ст. 411 УГС видно, что в гражданском процессе судьям предоставлено было оценивать доказательства по внутреннему убеждению. Свободная оценка судом доказательств по внутреннему убеждению судей должна была сопровождаться мотивировкой, т. е. указанием оснований, по которым суд дал предпочтение одному доказательству перед другим. Принцип свободной оценки доказательств не был проведен в пореформенном гражданском процессе. В некоторых случаях для суда были обязательны вступившие в законную силу решения и приговоры других судов и постановления административных учреждений. Законом были установлены доказательственные предположения (презумпции), не допускавшие вообще оспаривания или подлежащие применению, если они не были опровергнуты стороной. Нормы материального гражданского права устанавливали определенную форму для тех или иных гражданско-правовых сделок (письменную, нотариальную форму), которая связывала свободную оценку судей. В случае желания сторон окончить свой

спор присягой, факты, подтвержденные присягой, считались окончательно установленными, так же, как и факты, заявленные одной стороной и признанные противником¹³.

Именно в период принятия и действия УГС гражданский процесс получил то состязательное наполнение, которое характеризует его в настоящее время.

Русские дореволюционные учёные проводили исследования в соответствующих направлениях. Акцентируя внимание на концепции предмета доказывания, следует отметить некоторые положения процессуальной доктрины того периода. Так, под предметом доказывания понимались спорные юридические факты, имеющие существенное значение для предъявляемых сторонами притязаний¹⁴. Некоторые исследователи для обозначения предмета доказывания использовали термин «объект доказывания», состоящий из существенных для дела и определённых фактов, обосновывающих требования сторон и не констатированных ещё какими-либо другими способами¹⁵. Заслуживает внимания также следующее определение предмета доказывания как совокупности фактов: фактических обстоятельств дела, из которых истец выводит своё требование; юридических норм, под которые эти обстоятельства подходят; положений эмпирического характера (эмпирические, опытные), которые являются соединительным логическим звеном между нормами и обстоятельствами дела¹⁶. Уже существовала классификация фактов предмета доказывания на правопорождающие, правопрекращающие, правопрепятствующие факты¹⁷.

Таким образом, по результатам исследования автор приходит к выводу, что анализ процессуальной доктрины того периода позволяет говорить о наличии выработанного определения «предмета доказывания», классификации его фактов по различным основаниям, установлении в законе оснований освобождения от доказывания.

Библиографический список

1. Васьяковский Е. В. Учебник гражданского процесса. – М.: Бр. Башмаковы, 1914. – 594 с.
2. Васьяковский Е. В. Учебник гражданского процесса. – М.: Бр. Башмаковы, 1917. – 429 с.
3. Гамбаров Ю. С. Курс лекций по гражданскому процессу. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1894-1895. – 778 с.
4. Гартунг. История уголовного судопроизводства в Англии, Франции, Германии и России. – СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1868. – 206 с.
5. Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. – СПб.: ип. М. Меркушева, 1913. – 411 с.
6. Гордон В. М. Устав гражданского судопроизводства с комментариями. – СПб.: Н. К. Мартынов, 1914. – 1024 с.

¹¹ См.: Нефедьев Е.А. Основные начала гражданского судопроизводства// Годичный акт в Императорском Казанском университете 05 ноября 1895 г. Казань: Типолитогр. Имп. ун-та, 1895. С. 28-29; Мальшев К. Курс гражданского судопроизводства: В 3 т. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1874. Т.1.С. 352-355.

¹² См.: Решение гражданского кассационного департамента. 1871. № 692 // Решение гражданского кассационного департамента. 1871. № 692 // Судебные уставы императора Александра II с разъяснениями кассационных департаментов Правительствующего Сената. 10-е изд., перераб., испр. и доп. СПб.: Изд-во С.Г. Щегловитова, 1910. С. 162.

¹³ См.: Васьяковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М.: Бр. Башмаковы, 1917. С. 108-110.

¹⁴ См.: Мальшев К. Курс гражданского судопроизводства. 2-е изд. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1876. Т.1. С. 272; Гамбаров Ю. С. Курс лекций по гражданскому процессу. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1894-1895. С. 759.

¹⁵ См.: Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. СПб.: ип. М. Меркушева, 1913. С. 169-170.

¹⁶ См.: Васьяковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М.: Бр. Башмаковы, 1914. С. 322-324.

¹⁷ См.: Гордон В. М. Устав гражданского судопроизводства с комментариями. СПб.: Н. К. Мартынов, 1914. С. 368; Яблочков Т. М. Учебник русского гражданского судопроизводства. Ярославль: Книгоизд-во И.К. Гассанова, 1912. С. 87.

-
7. Кавелин К.Д. Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях // Кавелин К.Д. Собр. Соч.: В 4 т. – СПб.: Н. Глаголев, 1904. Т. 4. – XX с., – 1256 стб.
  8. Калачев Н. Об уголовном праве по судебнику Ивана IV. Юридические записки. – М.: Университет. тип., 1842, Т. 2. – С. 306-408.
  9. Лаптева Л.Е. Исследование обычного права народов Российской империи // Государство и право. – 1997. – № 8. – С. 101-109.
  10. Малышев К. Курс гражданского судопроизводства: В 3 т. – СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1874. – Т.1. – 437 с.
  11. Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. – 2-е изд. – СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1876. – Т.1. – 355 с.
  12. Михайлов М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 года. – СПб.: Тип. Карла Крайя, 1848. – 134 с.
  13. Нефедьев Е.А. Основные начала гражданского судопроизводства // Годичный акт в Императорском Казанском университете 05 ноября 1895 г. – Казань: Типолитогр. Имп. ун-та, 1895. – 50 с.
  14. Сыромятников Б. И. Очерк истории суда в древней и новой России. Сб. «Судебная реформа» / Под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. – М.: Книгоизд-во «Объединение», 1915. – С. 16-180.
  15. Троицкий К. Историческое развитие судопроизводства в России. – СПб.: Тип. Второго Отд-ния Собств. е.и.вел. канцелярии, 1843. – 161 с.
  16. Троицкий К. История судебных учреждений в России. – СПб.: тип. Э. Веймара, 1851. – 388 с.
  17. Фокина М. А. Теория и практика доказывания в состязательном гражданском судопроизводстве. – Домодедово: Изд-во ВИПК МВД России, 2000. – 222 с.
  18. Чоглоков П. Об органах судебной власти в России до Уложения Алексея Михайловича // Юридический сборник. – Казань: Изданием книгопродавца И. Дубровина, 1855. – С. 1-104.
  19. Юшков С. В. История государства и права СССР. 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – 767 с.
  20. Яблочков Т. М. Учебник русского гражданского судопроизводства. – Ярославль: Книгоизд-во И.К. Гассанова, 1912. – 336 с.

Рецензент: Томина А.П., заведующий кафедрой гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

ЯНЕВА РИММА РУСТАМОВНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, oRRYaneva@msal.ru

РОЛЬ ВЕЛИКОЙ РЕФОРМЫ В ЭВОЛЮЦИИ ДИСПОЗИТИВНОГО НАЧАЛА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

YANEVA RIMMA RUSTAMOVNA

candidate of legal sciences, associate professor of the Department of civil law and procedure of Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, oRRYaneva@msal.ru

THE ROLE OF THE GREAT REFORM IN THE EVOLUTION OF THE DISPOSITIVE BEGINNING OF CIVIL PROCEEDINGS

Аннотация. Диспозитивность сегодня является основополагающим началом гражданского судопроизводства. Однако, несмотря на его формирование задолго до Великой судебной реформы, нам, современникам, еще неоднократно предстоит его исследовать и научиться эффективно применять. Для лучшего понимания диспозитивного начала необходимо проанализировать как оно развивалось в историческом разрезе в российском гражданском процессуальном праве. В настоящей научной работе автором изучается влияние Великой реформы на становление и развитие принципа диспозитивности гражданского судопроизводства. На основе изученных доктринальных источников осуществляется ретроспективный анализ теоретических подходов к сущности и содержанию принципа диспозитивности после принятия Устава гражданского судопроизводства 1864 года. Отдельное внимание уделено исследованию изменений соотношения диспозитивного и состязательного начал в гражданском процессе.

Ключевые слова – судебная реформа, принцип диспозитивности, гражданское судопроизводство.

Annotation. The dispositivity is today the fundamental principle of civil proceedings. However, despite its formation long before the Great Judicial Reform, we, contemporaries, have yet to repeatedly explore it and learn how to effectively apply it. For a better understanding of the dispositive principle, it is necessary to understand how it has developed historically in Russian civil procedure law. In this scientific work, the author examines the influence of the Great Reform on the formation and development of the principle of dispositivity of civil proceedings. On the basis of the studied doctrinal sources, a retrospective analysis of theoretical approaches to the essence and content of the principle of dispositivity after the adoption of the Statute of Civil Procedure in 1864 is carried out. Special attention is paid to the study of changes in the ratio of dispositive and adversarial principles in civil proceedings.

Keywords – judicial reform, the principle of dispositivity, civil proceedings.

Судебная реформа 1864 года небезосновательно и совершенно справедливо получила название Великой, поскольку является ярчайшим примером развития юридической мысли, а ее результат - знаменательным достижением правовой науки. Масштабы данной реформы настолько велики, что до наших дней дошли и законы, ставшие историческими правовыми памятниками, и идеи разработчиков, касающиеся содержания уставов, которые представляют собой особую ценность для совершенствования современного цивилистического процесса¹.

Александр II в марте 1864 года в своем Указе заявил о необходимости «водворить в России суд скорый, правый, милостливый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить

в народе нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего».

В настоящем году все юридическое сообщество празднует 160 – летие Великой реформы, положившей начало масштабному реформированию судостроительства и судопроизводства в Российской Федерации и в ходе которой были утверждены такие принципы, как независимость суда, гласность, состязательность судопроизводства, а также диспозитивность. Принятый в 1864 г. Устав гражданского судопроизводства (далее – Устав) заслуживает внимания не только историков права, но и законодателей, в том числе - в части закрепления и обеспечения реализации принципов гражданского судопроизводства².

---

¹ См.: Жукова Ю.А. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе: Монография. М.: Зерцало-М, 2022// СПС «Консультант Плюс».

² Бардин Л.Н. Процессуальные реформы и принципы гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. N 11. С. 3 - 7.

В дореформенном судопроизводстве отмечалось «отсутствие единых процессуальных принципов, четкого разделения стадий и процессуальных подсудностей, механизмов апелляционного и кассационного обжалования, рассмотрения дел в порядке надзора»³, тогда как в результате Великой реформы диспозитивность процесса стала одной из основополагающих правовых идей гражданского судопроизводства, поскольку заняла центральное положение в системе его принципов наряду с состязательностью. Тем не менее, отдельные проявления диспозитивного начала можно наблюдать в судопроизводстве Древней Руси: состязательный процесс возникал после предъявления истцом своего требования, а ответчик, в свою очередь, имел право признать его. В Псковской судной грамоте предусматривалось примирение сторон на любой стадии судебного разбирательства.

К дореформенному времени относят теоретические исследования в области гражданского процессуального законодательства, выполненные, как правило, в ретроспективе: особый интерес вызывают труды К.Д. Кавелина «Основные начала русского судопроизводства и гражданского судопроизводства в период от Уложения до Учреждения о губерниях» и Ф.М. Дмитриева «История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения в губерниях». Детальное изучение доктрины по вопросу о содержании и значении принципа диспозитивности в гражданском процессе свидетельствует о существовании различных позиций. В частности, можно наблюдать наличие разных подходов как к пониманию сущности диспозитивного начала судопроизводства, так и его значимости для российской судебной системы. Однако основные положения, определяющие содержание принципа диспозитивности, согласно которым начало процесса происходит по инициативе истца, самостоятельно определяющим предмет требования, и стороны вправе закончить дело мировым соглашением, уже вполне сформировались задолго до принятия Устава гражданского судопроизводства 1864 года⁴.

Например, И. Лапинский отмечал, что ни одно гражданское дело «не начинается без прошения, жалобы или объявления, поданного в надлежащее присутственное место - и ни одно присутственное место не вправе, само собой, без прошения или жалобы, входить в разбирательство и суждение частного гражданского дела...»⁵.

Н. Калачев обращал внимание на то, что в случае смерти сторон мирового прошения суд не должен прекращать производство по делу, при этом не допускается и допрашивать их правопреемников, по-

скольку последние должны выразить свою волю в новом мировом прошении⁶.

Однако новый и важный этап в эволюции принципа диспозитивности связан именно с принятием Устава. В научной литературе справедливо отмечается, что в этот период появилось и само понятие «принцип диспозитивности»⁷.

Действие принципа диспозитивности в современном его понимании проявлялось в содержании различных норм Устава. В частности, в силу статьи 4 «судебные установления могут приступать к производству гражданских дел не иначе, как вследствие просьбы о том лиц, до коих те дела касаются, и разрешать их не иначе, как по выслушивании объяснения противной стороны или по истечении назначенного для представления оного срока».

В положениях статьи 3 было закреплено, что правительственные места или лица не имели права разрешать дела, подведомственные суду, но могли «объявлять просителю, что он может обратиться с иском, по установленному порядку, в надлежащий суд».

В силу статьи 256 Устава «суд приступает к производству дела не иначе, как по исковому прошению, которое пишется по форме, при сем приложенной». В содержании искового заявления необходимо было, по общему правилу, указывать цену иска и требования истца. Несоблюдение указанных требований являлось основанием для возвращения прошения.

Порядок судебного разбирательства предполагал выступление истца и ответчика с изложением их требований, обстоятельств и доводов, на которых они основаны. При этом истец мог уменьшить свои требования, но не был наделен правом увеличивать их, изменять по существу или предъявлять новые, если они не следовали из ранее заявленных в иском прошении.

Согласно статье 337 Устава суд применял меры к «примирению» тяжущихся, которое имело силу судебного решения, но не подлежало обжалованию. Мировое соглашение в силу статей 1357 – 1358 Устава допускалось заключать во всяком положении дела. Однако примирение сторон не допускалось в делах казенных управлений.

Ответчик был наделен правом предъявления встречного иска (статья 340 Устава). Истец мог «отречься от иска», что являлось основанием для вынесения решения об отказе в иске. В случае признания иска ответчиком суд выносил решение об удовлетворении требований истца.

Суд, в силу статьи 706 Устава, не был вправе выйти за пределы заявленных тяжущимися требований, а также применять последствия пропуска срока ис-

³ См.: Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. / Научный консультант проекта Е.А. Скрипилев. Т. III: От Свода законов к судебной реформе 1864 г. / Отв. ред. А.В. Наумов. М.: Мысль, 2003. С. 179.

⁴ Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов: В 2 т. Т. 1: Устав гражданского судопроизводства / Под ред. Е.А. Борисовой. М.: Юстицинформ, 2014. С. 122 - 133.

⁵ См.: Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. / Научный консультант проекта Е.А. Скрипилев. Т. III: От свода законов к судебной реформе 1864 г. / Отв. ред. А.В. Наумов. С. 247.

⁶ Там же. С. 236.

⁷ См.: Воронов А.Ф. Гражданский процесс: эволюция диспозитивности. М.: Статут, 2007. 149 с.// СПС «Консультант Плюс».

ковой давности, если об этом стороны не заявляли. По этому поводу в литературе отмечается, что ограничение права суда на выход за пределы заявленных требований сторон стало важной чертой состязательного процесса, и это является свидетельством нормативного закрепления их полномочия самостоятельно выбирать способ защиты своих интересов, а также распоряжаться правами и обязанностями⁸. Данное положение, равно как и вышеперечисленные другие, во многом нашли отражение и в ныне действующих процессуальных кодексах.

Также нормами Устава закреплялось право заинтересованных лиц обжаловать решения суда в порядке апелляции, кассации, пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам.

Опираясь на вышеперечисленные нормативные положения, ученые формулировали понятие и содержание принципа диспозитивности, однако, рассматривали его в качестве части состязательного начала гражданского судопроизводства. В частности, такой позиции придерживались Ю.С. Гамбаров, А.Х. Гольмстен, Е.А. Нефедьев, К.И. Малышев и другие.

Например, раскрывая состязательное начало, К.И. Малышев отмечал, что «разные действия суда в процессе зависят от требований сторон, от их инициативы, и спорные правоотношения сторон обсуждаются по тем только фактам, которые сообщены суду тяжущимися»⁹.

Также Ю.С. Гамбаров указывал, что «состязательное начало состоит в том, что установление, продолжение и прекращение процесса ставится, по общему правилу в зависимость от воли сторон, которая ограничивается судом лишь в редких и исключительных случаях»¹⁰.

И.Е. Энгельман, исследуя содержание принципа состязательности, писал, что оно заключается в правиле «Нет истца, нет и суда». Ученый отмечал, что суд вправе разбирать дело лишь по требованию истца, а в случае, когда он «перестает ходатайствовать», разбирательство прекращается¹¹.

Другие ученые, такие как Е.В. Васьковский, Т.М. Яблочков, наоборот, разграничивали принципы диспозитивности и состязательности, однако истоки первого видели в гражданском праве.

Е.В. Васьковский отмечал, что «последствия частноправовой автономии сводятся к праву распоряжения сторон, во – первых, объектом процесса, т.е. теми требованиями, которые заявлены относитель-

но данного права» ... «и, во-вторых, процессуальными средствами защиты или нападения» ... «Это право распоряжения сторон в процессе носит название принципа диспозитивности»¹². В определенной степени ученый противопоставлял начала диспозитивности и состязательности принципу «судейского руководства процессом», а также выделял принцип «почина сторон», согласно которому движение процесса зависело, прежде всего, от воли тяжущихся¹³. Е.В. Васьковский отмечал, что указанные принципы часто объединяются вместе под общим названием состязательности, однако самостоятельность сторон проявляется в них неодинаково: каждый имеет самостоятельное значение и может существовать без других. Так, принцип диспозитивности безусловен и должен быть проводим в гражданском процессе всегда, даже при господстве принципов следственности и судейского почина¹⁴.

Т.М. Яблочков, также выводил принцип диспозитивности из сущности гражданского права. Ученый не только различал начала диспозитивности и состязательности, но и критиковал последний принцип, поскольку считал, что он есть проявление бессилия суда, неспособности самостоятельного установления всей правды по делу. При этом Т.М. Яблочков отмечал, что традиционная теория, ставящая состязательность во взаимную связь с диспозитивностью, приходит в конечном выводе к результату, что сущности гражданских прав соответствует исключительно состязательный строй процесса, причем всякое вмешательство судьи в интересах выяснения материальной истины есть посягательство на свободу тяжущихся в деле защиты ими их частных прав¹⁵.

Известный ученый – автор идеи единства трех процессов В.А. Рязановский полагал, что начало диспозитивности присуще не только гражданскому, но уголовному и административному судопроизводству. Интересным и важным положением является вывод ученого о том, что частная автономия тяжущихся в процессе не может иметь широкого применения, а распоряжение объектом процесса и средствами процессуальной борьбы должны быть ограничены в интересах материальной истины и самого государства. Таким образом, В.А. Рязановский обращал внимание на недопустимость понимания диспозитивности процесса как безусловного и непреложного начала¹⁶.

Таким образом, благодаря Великой реформе, результатом которой стало принятие Устава, содержа-

⁸ См.: Решетникова И.В. Конкуренция принципов в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2013. N 5. С. 10 - 20.

⁹ Гражданский процесс. Хрестоматия. Учебное пособие. Второе издание. перераб. и. доп.// Под ред. проф. М. К. Треушникова. М.: ОАО «Издательский Дом «Городец», 2005. С. 207.

¹⁰ Там же. С. 221.

¹¹ См.: Там же. С. 224.

¹² Гражданский процесс. Хрестоматия. Учебное пособие. Второе издание. перераб. и. доп.// Под ред. проф. М. К. Треушникова. М.: ОАО «Издательский Дом «Городец», 2005. С. 188.

¹³ См.: Воронов А.Ф. Гражданский процесс: эволюция диспозитивности. М.: Статут, 2007. 149 с.// СПС «Консультант Плюс».

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: Гражданский процесс. Хрестоматия. Учебное пособие. Второе издание. перераб. и. доп.// Под ред. проф. М. К. Треушникова. М.: ОАО «Издательский Дом «Городец», 2005. С. 191.

¹⁶ См.: Гражданский процесс. Хрестоматия. Учебное пособие. Второе издание. перераб. и. доп.// Под ред. проф. М. К. Треушникова. М.: ОАО «Издательский Дом «Городец», 2005. С. 200 – 201.

ние принципа диспозитивности было существенно детализировано, а сфера его применения - расширена. В свою очередь, это стало катализатором для активизации доктринальных исследований данного начала судопроизводства. Несмотря на то, что ученые не всегда выделяли положения диспозитивного начала из содержания принципа состязательности, а если оно позиционировалось как самостоятельное, то связывалось, прежде всего, с распоряжением субъективным материальным правом¹⁷, все же такое внимание к нему представляется большим достижением процессуального законодательства и науки. Положения научных исследований, проводимых в дореволюционный период, стали отправной точкой для дальнейших исследований диспозитивного начала в работах таких ученых как С.Н. Абрамов, А.Т. Боннер, Р.Е. Гукасян, М.А. Гурвич, Н.Б. Зейдер, А.Ф. Клейнман, К.С. Юдельсон и многих других. Большинство ученых рассматривали принцип диспозитивности в качестве самостоятельного начала гражданского судопроизводства¹⁸.

Так, М.А. Гурвич указывал, что в целях отличия от состязательности в понятие диспозитивности был внесен признак её служебного назначения – возбуждение движения процесса как в его начале, так и в его дальнейшем развитии. Принцип диспозитивности был разъяснен как имеющий движущее значение в гражданском процессе, а состязательность связывалась с представлением суду фактического и доказательного материала, отстаиванием сторонами в суде своих прав и интересов. И то и другое начала включали при этом активность и инициативу суда, прокуратуры и других органов и лиц¹⁹.

В начале XX века в нашем государстве произошел глобальный переворот в экономике, политике, культуре, в государственном устройстве, в законодательстве. Произошедшие изменения не могли не отразиться на принципах гражданского процесса, и диспозитивность стала одним из тех начал, которые подверглись коренному пересмотру²⁰. Декретом о суде ВЦИК (март 1918 года) было закреплено, что судопроизводство «происходит по правилам судебных уставов 1864 года постольку, поскольку таковые не отменены декретами» ЦИКа и «не противоречат правосознанию трудящихся классов». Дореволюционный принцип диспозитивности подвергся существенной корректировке, а после принятия в 1923 г. ГПК РСФСР, и вовсе в процессуальной доктрине утвердился принцип процессуальной активности суда.

Позже, в 1964 г. было принято новое гражданское процессуальное законодательство, в котором введен

жесткий контроль за распорядительными действиями сторон. Начало диспозитивности было провозглашено лишь формально. Однако само судопроизводство по существу было следственным, так как в его принципах была реализована идея сильного государства, которое вмешивалось в частноправовые отношения, связанные с осуществлением субъективных прав, брало на себя функции следствия, что отвечало потребностям развития того периода, системе государственного устройства, социально-экономическим реалиям²¹.

В 90-х годах прошлого века в России произошли коренные преобразования в социально-экономической сфере, что повлекло за собой соответствующие изменения как материального, так и процессуального законодательства. Началом становления судебной власти в современной России стала одобренная Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. Концепция судебной реформы, при подготовке которой использовались достижения мировой правовой мысли и, конечно, российской дореволюционной правовой науки. В последующем положения Концепции составили законодательную основу формирования и функционирования судебной власти, состязательность и равноправие определены как основа судопроизводства. После принятия Конституции Российской Федерации 1993 г. было существенно обновлено процессуальное законодательство, в ГПК РСФСР неоднократно вносились изменения и дополнения: последовательно были проведены конституционные принципы: право на судебную защиту и ее доступность, равноправие и состязательность, расширено действие принципа диспозитивности. В частности, процессуальным законодательством было закреплено, что отказ истца от иска обязателен для суда и влечет прекращение производства по делу; признание иска ответчиком и мировое соглашение суд контролирует только с тем, чтобы эти действия не противоречили закону и не нарушали права других лиц.

Как справедливо отмечает В.М. Жуйков, таким образом было допущено чрезмерное расширение действия принципа диспозитивности, что было исправлено в новом Гражданском процессуальном кодексе РФ 2002 г. (далее по тексту – ГПК РФ): отказ истца от иска стал контролироваться судом, так же как признание иска ответчиком и утверждение мирового соглашения²². Однако в новом ГПК РФ основные идеи, заложенные Законами от 30 ноября 1995 г. и от 7 августа 2000 г., не претерпели особых изменений: возникновение процесса, его завершение, обжалова-

¹⁷ Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов: В 2 т. Т. 1: Устав гражданского судопроизводства / Под ред. Е.А. Борисовой. М.: Юстицинформ, 2014. С. 142.

¹⁸ Там же. С. 145.

¹⁹ Гурвич М.А. Принципы советского гражданского процессуального права (Система и содержание) // Советское государство и право. 1974. № 12. С. 20 – 27.

²⁰ См.: Воронов А.Ф. Гражданский процесс: эволюция диспозитивности. М.: Статут, 2007. 149 с.

²¹ См.: Шамшуринов Л.Л. Принципы гражданского (арбитражного) процессуального права: проблемы понятия, классификации, значение в совершенствовании законодательства и отправлении правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 8. С. 2 - 4.

²² См.: Жуйков В.М. Судебная реформа в России конца XX - начала XXI века // Вестник гражданского процесса. 2021. № 5. С. 191 - 221.

ние решения поставлены в зависимость от волеизъявления сторон²³.

Таким образом, принятие Устава гражданского судопроизводства 1864 года стало мощным стимулом для развития российской процессуальной науки. Сам Устав явился символом удавшейся Великой реформы, введения системы демократического и гласного судопроизводства, реальной и эффективной состязательности и диспозитивности в гражданском процессе²⁴. Его принятие явилось существенным шагом вперед по сравнению с дореформенным судопроизводством и судопроизводством: был утвержден строй, основанный на проведении принципа диспозитивности. Несмотря на разнообразие подходов к пониманию сущности диспозитивного начала, многие ученые дореволюционного периода отстаивали необходимость построения российского гражданского процесса именно на указанном принципе. Посте-

нное расширение действия принципа диспозитивности привело к изменению его соотношения с принципами состязательности, активной роли суда и объективной истины.

Сегодня содержание принципа диспозитивности раскрывается через конкретные нормы процессуального права, в которых зафиксированы действия участников процесса, направленные на его возникновение, движение, изменение и прекращение. Вместе с тем, сущность и назначение данного начала заключается не только в обеспечении движения процесса, но и в утверждении реальности, гибкости и полноты судебной защиты прав заинтересованных лиц. Достижение цели и эффективность выполнения задач гражданского судопроизводства находятся в прямой зависимости от правильного применения судами в деле принципа диспозитивности, для чего необходимо понимать его смысл, место и значение в системе права.

Библиографический список

1. Бардин Л.Н. Процессуальные реформы и принципы гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. - 2019. - № 11. - С. 3 - 7.
2. Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов: В 2 т. Т. 1: Устав гражданского судопроизводства / Под ред. Е.А. Борисовой. - М.: Юстицинформ, 2014. - 544 с.
3. Воронов А.Ф. Гражданский процесс: эволюция диспозитивности. М.: Статут, 2007. 149 с. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».
4. Глазкова М.Е. Пределы активности суда в состязательном процессе // Журнал российского права. - 2008. - № 2.
5. Гурвич М.А. Принципы советского гражданского процессуального права (Система и содержание) // Советское государство и право. - 1974. - № 12. - С.20 – 27.
6. Гражданский процесс. Хрестоматия. Учебное пособие. Второе издание. Перераб. и доп. // Под ред. проф. М. К. Треушниковой. - М.: ОАО «Издательский Дом «Городец», 2005.
7. Жуйков В.М. Судебная реформа в России конца XX - начала XXI века // Вестник гражданского процесса. - 2021. - № 5. - С. 191 - 221.
8. Жукова Ю.А. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе: Монография. - М.: Зерцало-М, 2022.
9. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. / Научный консультант проекта Е.А. Скрипилев. Т. III: От Свода законов к судебной реформе 1864 г. / Отв. ред. А.В. Наумов. - М.: Мысль, 2003. - 830 с.
10. Решетникова И.В. Конкуренция принципов в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. - 2013. - № 5. - С. 10 - 20.
11. Шамшуринов Л.Л. Принципы гражданского (арбитражного) процессуального права: проблемы понятия, классификации, значение в совершенствовании законодательства и отправлении правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. - 2010. - № 8. - С. 2 - 4.

Рецензент: Томина А.П., заведующий кафедрой гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

²³ См.: Шамшуринов Л.Л. Принципы гражданского (арбитражного) процессуального права: проблемы понятия, классификации, значение в совершенствовании законодательства и отправлении правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. N 8. С. 2 - 4.

²⁴ См.: Боннер А.Т. Избранные труды: в 7 т. Т. I. История гражданского процессуального права. Специфика гражданских процессуальных отношений. М.: «Проспект», 2017// СПС «Гарант».

Раздел третий

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

БАГЛАЙ ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права
Оренбургского государственного университета, председатель Приволжской
коллегии адвокатов по Оренбургской области (460000, г. Оренбург,
ул. 9 Января, 57, baglai@list.ru)

РОЛЬ АДВОКАТА КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

BAGLAY YULIA VLADIMIROVNA

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of
Criminal Law of Orenburg State University, Chairman of the Volga Bar Association in
the Orenburg region (460000, Orenburg, ul. January 9, 57, baglai@list.ru)

THE ROLE OF A LAWYER AS A REPRESENTATIVE OF THE VICTIM IN THE CRIMINAL PROCESS AT THE PRESENT STAGE

Аннотация. Одним из участников уголовного судопроизводства выступает потерпевший – физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Потерпевший в уголовном процессе вправе иметь представителя. В настоящей статье автором обосновывается точка зрения, что потерпевший также, как подозреваемый, обвиняемый и подсудимый вправе иметь защитника.

Ключевые слова: уголовный процесс, потерпевший, представитель, защитник, уголовно-процессуальный кодекс, адвокат, предварительное расследование, суд, права, законные интересы.

Review. One of the participants in criminal proceedings is the victim - an individual who has suffered physical, property, moral damage by a crime, as well as a legal entity in the event of damage to his property and business reputation by a crime. The victim has the right to have a representative in the criminal process. In this article, the author substantiates the point of view that the victim, as well as the suspect, the accused and the defendant, has the right to have a defender.

Keywords: criminal procedure, victim, representative, defender, code of criminal procedure, lawyer, preliminary investigation, court, rights, legitimate interests.

Роль адвокатуры нельзя недооценивать на всем протяжении цивилизованного судопроизводства. Это является актуальным и в настоящее время.

Согласно части 1 статьи 2 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатом является лицо, получившее в установленном настоящим Федеральным законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность. Адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам.

Согласно части 1 статьи 1 данного закона адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профес-

сиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, физическим и юридическим лицам (далее – доверители) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию¹.

В данной статье я хочу отразить не все аспекты деятельности адвоката, а исключительно те, которые связаны с защитой интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

Как правило, многие юристы считают потерпевшего участником уголовного процесса, который изначально защищен законодательством РФ, так как на его стороне выступают лица, осуществляющие уго-

---

¹ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Российская газета. 2002. № 100.

ловное преследование, государственные обвинители. Однако на практике ситуация выглядит не так однозначно. Как справедливо подмечают ученые-процессуалисты, участие потерпевших в уголовном процессе характеризуется рядом системных проблем, ключевой из которых является обеспечение их прав и законных интересов².

Часть 1 статьи 42 УПК РФ определяет: потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

Пункт 8 части 2 данной статьи закрепляет право потерпевшего иметь представителя.

Согласно части 1 статьи 45 УПК РФ представителями потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя могут быть адвокаты (но допускаются и иные лица).

Если же мы говорим о подозреваемом и обвиняемом, подсудимом (статьи 46, 47, 247 УПК РФ), то последние вправе иметь защитника.

Согласно статье 49 УПК РФ защитник – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. В качестве защитников участвуют адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката.

В словаре русского языка С.И. Ожегова защитник определяется как тот, кто защищает, охраняет, оберегает кого-то-нибудь⁴.

Представитель, согласно этому же источнику – лицо, которое представляет чьи-то интересы, выражает чьи-то взгляды⁵.

Таким образом, сравнивая указанные понятия, мы констатируем тот факт, что того, кто совершил преступление, государство охраняет и оберегает, а потерпевшего от противоправных действий – нет, просто выражают его взгляды и интересы. Насколько это справедливо? Лицо, совершившее преступление, пользуется профессиональной квалифицированной защитой, потерпевший – не всегда.

Анализ практики по уголовным делам, в которых я участвовала непосредственно сама как представитель потерпевшего, показывает несовершенство как законодательного, так и правоприменительного подхода к потерпевшему, как участнику уголовного процесса.

По факту потерпевшего, его законные права и интересы также необходимо защищать. Не всегда его позиция относительно обстоятельств и квалифика-

ции преступления по уголовному делу совпадает с позицией следствия и государственного обвинения.

И вот здесь возникает определенный диссонанс. Сторона обвинения – это следователь, государственный обвинитель и другие должностные лица, а также, в том числе, потерпевший, представитель потерпевшего. То есть их позиция должна быть единой, соответствовать друг другу. Однако на практике это не всегда так.

Несовершенство предварительного расследования подталкивает сторону обвинения в лице государственных органов к определенному паритету, а именно привлечь из нескольких обвиняемых одного как свидетеля. К сожалению, принцип «лучше один хороший свидетель, чем два плохих обвиняемых» до сих пор находит свое применение.

Так, по уголовному делу по обвинению двух лиц в совершении разбойного нападения и убийства потерпевшей В. одно лицо было осуждено только за разбой, второе скрылось после совершения преступления. По истечении трех лет приговор в отношении первого был отменен по процессуальным основаниям, второй был задержан. Дело по обвинению в совершении разбойного нападения было возвращено в суд первой инстанции для устранения недостатков, в отношении второго преступника возобновилось предварительное следствие по обвинению в разбое и убийстве.

В целях объективного расследования и рассмотрения данного уголовного дела, а также для привлечения к уголовной ответственности первого фигуранта за убийство, мной, как представителем потерпевшего, в суде было заявлено ходатайство о возвращении уголовного дела прокурору для решения вопроса о соединении уголовных дел в отношении обоих лиц.

Государственное обвинение не поддержало данное ходатайство, ссылаясь на разумность сроков уголовного судопроизводства. Но можем ли мы здесь говорить о разумности таких сроков, если потерпевший не согласен с тем, что за убийство к уголовной ответственности привлекается только одно лицо, хотя в убийстве участвовали оба. Почему мы должны соблюдать права только обвиняемых? В этой ситуации был очевиден факт неравенства прав обвиняемых и потерпевшего.

О таком неравенстве писали многие ученые. Например, П.А. Скобликов: «...тем самым нарушается краеугольный процессуальный принцип состязательности и равноправия сторон, закрепленный в Конституции РФ»⁶. В.М. Быков обосновывал необходимость внесения в УПК РФ изменений, касающихся вручения обвинительного заключения помимо обвиняемого и потерпевшему⁷.

В обозначенном выше случае суд встал на сторону потерпевшего, вернул уголовное дело прокурору для

² Ватутина О.Ю. Использование специальных знаний для защиты прав потерпевшего в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2020. №6. С. 35-39.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2003. С. 291.

⁵ Там же. С. 750.

⁶ Скобликов П.А. У обвиняемого адвокат, у потерпевшего... // Мир безопасности. 2002. № 1. С. 26.

⁷ Быков В.М. Права потерпевшего по УПК РФ 2001 г. // Следователь. 2002. № 10. С. 2-5.

производства предварительного расследования по фактам совершения разбоя и убийства в отношении обоих лиц. И результат, хоть и очень непросто, был достигнут. Оба виновных были осуждены по обеим статьям и получили заслуженное наказание⁸.

Таким образом, можно констатировать факт, что только вмешательство адвоката как представителя потерпевшего привело к вынесению законного, правосудного решения, при котором были соблюдены права всех сторон уголовного судопроизводства. Однако, и в данном случае адвокат выступал как представитель, и не обладал всеми полномочиями как защитник, что осложняло обеспечение прав и свобод потерпевшего.

Вместе с тем адвокат, реализуя свои полномочия, выступил в защиту интересов потерпевшего. То есть не только как представитель его взглядов, но именно как защитник его прав и интересов.

Второй пример также наглядно показывает ситуацию, что права потерпевших надо именно защищать. В производство Сакмарского районного суда Оренбургской области поступило уголовное дело по обвинению П. в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 105 УК РФ – простое убийство, совершенное на почве личной неприязни. Однако по обстоятельствам дела явно усматривалось участие в убийстве двух лиц. На стадии предварительного расследования я, как представитель потерпевшего, доказывала необходимость привлечения

второго фигуранта и вменения ч. 2 ст. 105 УК РФ, но поддержки не получила. В суде вновь поставила вопрос о возвращении дела прокурору для устранения недостатков, а именно – изменения квалификации и привлечения в качестве обвиняемого еще одного субъекта. В последующем и государственное обвинение пришло к выводу о необходимости возвращения уголовного дела прокурору для решения вопроса о вменении более тяжкого обвинения⁹.

Проведенный анализ законодательства и практики его применения позволяет констатировать определенные несоответствия относительно объема полномочий адвоката как представителя потерпевшего и защитника лица, совершившего преступление.

Итак, все вышеизложенное свидетельствует о необходимости изменения уголовно-процессуального законодательства РФ в части закрепления в нем (а именно – в новом пункте 12.1 статьи 5 УПК РФ) понятия «защитник потерпевшего». Представляется правильным следующее определение: «защитник потерпевшего – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и законных интересов потерпевших и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу». Такой подход позволит поставить участников уголовного судопроизводства, а именно обвиняемого и потерпевшего в равные условия, а адвокату реализовывать свои права в интересах потерпевшего в более широком формате.

Библиографический список

1. Быков В.М. Права потерпевшего по УПК РФ 2001 г. // Следователь. - 2002. - № 10. - С. 2-5.
2. Ватутина О.Ю. Использование специальных знаний для защиты прав потерпевшего в уголовном процессе // Адвокатская практика. - 2020. - № 6. - С. 35-39.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М., 2003. – 1199 с.
4. Скобликов П.А. У обвиняемого адвокат, у потерпевшего... // Мир безопасности. - 2002. - № 1. - С. 24-28.

Рецензент: Саюшкина Е.В., доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики к.ю.н, доцент.

⁸ Уголовное дело № 1-3/2014 по обвинению З. и С. в совершении преступлений, предусмотренных пп. «б, в» ч.4 ст. 162, п. «ж,з» ч.2 ст. 105 УК РФ // Архив Оренбургского областного суда, 2014.

⁹ Из личного архива автора, 2024 год.

ВОРОШИЛОВА СВЕТЛАНА ВЯЧЕСЛАВОВНА

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» 410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., 104. voroshilova-s-v@mail.ru

ЖЕНЩИНЫ В АДВОКАТУРЕ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

VOROSHILOVA SVETLANA VYACHESLAVOVNA

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of History of State and Law, Saratov State Law Academy, 410056, Saratov, N.G. Chernyshevsky str., 104. voroshilova-s-v@mail.ru

WOMEN IN THE RUSSIAN BAR: HISTORY AND MODERNITY

Аннотация. В статье представлена история развития дореволюционного законодательства, регулирующего участие женщин в судебном процессе, характеризуется обсуждение вопроса о допусчении женщин в адвокатуру на заседаниях Государственной думы и Государственного совета, определяется позиция министерства юстиции по данной проблеме. Специальное внимание уделяется проблемам, с которыми сталкивались женщины-адвокаты в Советском государстве.

Ключевые слова: женщины, адвокатура, историография, присяжный поверенный, частный поверенный, коллегия защитников, судебный процесс.

Review. The article presents the history of the development of pre-revolutionary legislation regulating the participation of women in the judicial process, characterizes the discussion of the admission of women to the bar at meetings of the State Duma and the State Council, defines the position of the Ministry of Justice on this issue. Special attention is paid to the problems faced by women lawyers in the Soviet state.

Keywords: women, advocacy, historiography, sworn attorney, private attorney, board of defenders, trial.

Современная адвокатура, насчитывающая по сведениям Федеральной палаты адвокатов РФ за 2022 г. более 83 тысяч человек, на 41,5 % состоит из женщин, многие из которых успешно совмещают адвокатскую практику с организационной, экспертной, или педагогической деятельностью, а также занимают ответственные посты в органах корпоративного самоуправления. В 30 адвокатских палатах субъектов Российской Федерации президентами являются женщины, что составляет 33,7% от общего их числа¹. Вместе с тем борьба женщин за предоставление им равных прав с мужчинами в сфере осуществления своей профессиональной юридической деятельности имеет давнюю и драматичную историю.

Историография проблемы женской адвокатуры представлена трудами современников реализации Судебных уставов 1864 г., среди которых А.Ф. Кони, В.Д. Набоков, И. В. Гессен, А.С. Тагер, П.И. Люблинский, Е.А. Флейшиц и др.² В своих работах предста-

вители юридического сообщества отвечали на вопрос, может ли женщина быть присяжным и частным поверенным, приводя аргументы в поддержку женской адвокатуры, анализировали действующее законодательство, критиковали консервативно настроенное правительство, препятствовавшее допусчению женщин к адвокатской профессии.

В советский период интерес к проблеме участия женщин в суде в качестве защитника, или судебного представителя значительно снижается. В немногочисленных работах, посвященных участию женщин в суде в качестве адвоката, давалась критика дореволюционного буржуазного правительства³, подчеркивалось преимущество социалистической судебной системы⁴.

Современные исследователи, среди которых историки, социологи, культурологи, правоведы, анализируют развитие дореволюционного законодательства и участие научного сообщества и практикующих юристов в решении проблемы женской адвокатуры⁵,

¹ Федеральная палата адвокатов РФ // <https://fparf.ru> (дата обращения 10.04.2024).

² Кони А. Ф. О допусчении женщин в адвокатуру // Собр. Соч. в 8-т., т. 4. М., 1967; Набоков В. Д. Может ли женщина вести защиту перед уголовным судом // Право. 1909. № 46. С. 2473–2481; Гессен И. В. Адвокатура, общество и государство // История русской адвокатуры. Т.1. М.1914; Тагер А.С. Надзор за органами сословного самоуправления присяжных поверенных // История русской адвокатуры. Т. 3. Сословная организация адвокатуры. 1864–1914. М.1916; Люблинский П.И. Борьба с женской адвокатурой и уроки законности // Право. 1915. № 21. С. 1529–1547. Флейшиц Е.А. О женской адвокатуре // Право. 1910. № 3. С. 143–151.

³ См., напр.: Розенблюм Л. Женщина в советской адвокатуре // Социалистическая законность. М., 1938. № 3 (март). С. 92–99; Казанцев С. М. Русская адвокатура и женщины // Правоведение. 1985. № 6. С. 72–77.

⁴ Ривлин Э.С. Советская адвокатура. М., 1926.

⁵ См., напр.: Ворошилова С. В. Становление женской адвокатуры в России // Новая правовая мысль. 2007. № 1. С. 54–58; Галиев Ф.Х., Крижановская Г.Н., Сальников М.В. Законодательство и общественная мысль Российской империи на рубеже XIX–XX веков о праве судебного представительства // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 2. С. 63–70; Решетников Г.Л. К вопросу о «женской адвокатуре» в дореволюционной России // Российский юридический журнал. 2012. № 1(82). С. 179–186.

характеризуют попытки участия первых женщин, получивших адвокатские свидетельства в судебных заседаниях⁶, рассматривают особенности профессиональной деятельности современных женщин-адвокатов и их проблемы⁷, исследуют зарубежный опыт участия женщин в адвокатской практике⁸. Вместе с тем, фокус внимания ученых, в большей степени, сосредоточен на дореволюционном периоде.

Адвокатура в России, совмещающая в себе функции защиты и судебного представительства, была создана в ходе судебной реформы Александра II и включала в себя институт присяжных поверенных, находящийся под надзором особого совета, избираемого в каждом округе судебной палаты. Установление в качестве требований к присяжным поверенным наличие высшего юридического образования и пятилетнего стажа работы в судебном ведомстве⁹ закрывали женщинам возможность получения данного звания, так как Высочайшим повелением от 14 января 1871 г. женщины устранились от «канцелярских и других должностей во всех правительственных и общественных учреждениях, где места предоставлялись по назначению от начальства и по выборам»¹⁰. Кроме того, до открытия юридического факультета на Высших Женских (Бестужевских) курсах в 1906 г. они могли обучаться юридической профессии только за рубежом.

Следует отметить, что развитие юридического образования в России в XIX веке шло достаточно медленно. С 1840 по 1863 г. выпускниками юридических факультетов стали 3 650 человек¹¹. Нехватка адвокатов, особенно в провинциальных городах, способствовала принятию 25 мая 1874 г. Высочайше утвержденных Правил о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам, в соответствии с которыми создавался институт частных поверенных. Для получения свидетельства частного поверенного необходимо было подать соответствующее прошение в съезд мировых судей, окружной суд, или судебную палату, сдать экзамен в соответствующем судебном месте и оплатить денежный сбор¹². Отсутствие в Пра-

вилах прямого запрета для лиц женского пола позволило некоторым из них получить адвокатские свидетельства. Так, например, выпускница Вятской гимназии Е.Ф. Козьмина, успешно сдав экзамен в Нижегородском суде, в феврале 1875 г. получила свидетельство частного поверенного и даже выиграла спор о наследстве¹³. На ее жалобу в Сенат 6 сентября 1875 г. в связи с решением московской судебной палаты отказать ей в допуске до экзаменов, было получено предписание Сената отменить данное решение. С такой позицией был несогласен министр юстиции К.И. Пален, издавший 30 апреля 1875 г. циркуляр за № 4953, запретивший выдавать адвокатские свидетельства женщинам. 2 февраля 1876 г. был дан высочайший указ Правительствующему Сенату «О нераспространении на лиц женского пола правил 25 мая 1874 г. о частных поверенных», где говорилось, что п.5. Высочайшего повеления от 14 января 1871 г. распространяется и на звание частного поверенного¹⁴. В соответствии с этим указом Положение о частных поверенных Учреждения судебных установлений было дополнено ст. 406¹⁵, гласившей, что «женщины не могут получать звание частного поверенного по судебным делам...»¹⁵. Интересным является тот факт, что до издания данного указа, в таких городах, как Нижний Новгород, Казань, Томск, Иркутск частные поверенные из числа женщин вполне успешно осуществляли адвокатскую практику¹⁶.

Е.А. Крестьянников, посвятивший специальное исследование женщинам Сибири, принимавшим участие в судебных заседаниях в качестве поверенных, отмечает особый вклад сибирячек (М.П. Аршауловой и В.Л. Кичеевой) в развитие российской женской адвокатуры, что по мнению автора объяснялось «независимостью и живостью», свойственным жительницам данного региона¹⁷.

Комиссия по пересмотру Судебных уставов, работавшая в 1894–1900 гг. под председательством Н.В. Муравьева, среди прочих вопросов обсуждала и проблему допущения женщин в состав частных поверенных. Большая часть комиссии, в том числе и

⁶ Крестьянников Е.А. Женская адвокатура в дореволюционной России: Сибирский «след» // Вестник Томского университета. История. 2020. № 63. С. 38–46; Грязнова Д. С. Роль Е.А. Флейшиц в появлении женщин на юридической арене // Мир политики и социологии. 2019. № 8. С. 85–87; Исакович А.С. Первая женщина-адвокат в России Екатерина Абрамовна Флейшиц // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 2. С. 171–175; Гаврилов С.Н. Прекрасная половина адвокатуры: история появления (к 100-летию допуска женщин к адвокатской профессии в России) // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 12(40). С. 164–149.

⁷ Женщины в адвокатуре: к 100-летию допуска женщин к адвокатской профессии в России: сборник очерков / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. М. 2017; Рогозянова А.С. Дискриминация женщин-адвокатов в сфере социального обеспечения // Аллея науки. 2018. № 5(21). С. 877–880.

⁸ Гайдошова М. Первые женщины в адвокатуре Словакии: культурологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016. Серия 17. Вып. 3. С. 83–89.

⁹ Судебные уставы Александра II. Ч. III. СПб., Ст. 355–357.

¹⁰ О допущении женщин на службу в общественные и правительственные учреждения // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб. 1876, Т. 46 (1871): Ч. 1. № 49137. С. 36

¹¹ Шутило О.В. Мировая юстиция в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Саратов, 2009. С. 51.

¹² Высочайше утвержденные Правила о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1876. Т. 49. отд. 1. № 53573. С. 832–834.

¹³ Ариян П.Н. Справка по вопросу о женской адвокатуре и юридическом образовании / Первый женский календарь на 1899 год. СПб., 1899. С. 138.

¹⁴ Свод законоположений о присяжной и частной адвокатуре. Пг., 1916. С. 274.

¹⁵ Свод законоположений о присяжной и частной адвокатуре. Пг., 1916. С. 273.

¹⁶ Флейшиц Е.А. О женской адвокатуре // Право. 1910. № 3. С. 146.

¹⁷ Крестьянников Е.А. Указ. Соч. С. 39.

такие прогрессивные юристы, как А.Ф. Кони и Н.С. Таганцев, выступили против занятия женщинами мест в адвокатуре. Три члена комиссии – Н.Н. Мясоедов, А.Л. Боровиковский и В.Д. Спасович поддержали идею допущения женщин в частные поверенные при условии разрешения данного вопроса в каждом отдельном случае соответствующими судебными установлениями. Объясняя свою позицию, А.Ф. Кони писал в последствии: «Мы боялись допущения в число частных поверенных юридически необразованных, практически неподготовленных и неразвитых женщин... мы хотели, чтобы женщины достойно... вошли в число присяжных поверенных»¹⁸.

В начале XX века, не имея возможности получить свидетельство частного поверенного, женщины с высшим юридическим образованием начинают осуществлять, по выражению И.В. Гессена, «настойчивые домогательства»¹⁹ о принятии их в число помощников присяжных поверенных. Следует отметить, что советы присяжных поверенных крупных городов, таких как, Москва, Петроград, Одесса, Саратов, Казань и др., благосклонно отнеслись к идее допущения женщин в адвокатуру, но их решения неизменно отменялись судебными палатами с одной и той же мотивировкой, что «помощники присяжного поверенного, должны выступать в суде в качестве защитников по уголовным делам и в качестве поверенных по гражданским делам... но ст. 565 Устава уголовного судопроизводства допускает к ведению чужих дел только тех лиц женского пола, которые находятся в близком родстве с тяжущимися»²⁰.

Многочисленные жалобы женщин в Сенат на недопущение их к адвокатской профессии, вызвали принятие 30 сентября 1910 г. определения по делу № 557 о том, что «лица женского пола, хотя бы они окончили курс юридических наук в императорских российских университетах или других высших учебных заведениях или выдержали экзамены в испытательных юридических комиссиях по всем предметам юридического факультета, не имеют по закону права на вступление в сословие присяжных поверенных и принятие звания присяжного поверенного»²¹.

С марта по июнь 1912 г. проблема «желательности законодательного предположения» о допущении женщин в адвокатуру обсуждалась на заседаниях Государственной думы и вновь встречала сопротивление со стороны министерства юстиции, в лице товарища министра А.Н. Веревкина, заявившего о нежелательности и несвоевременности «возбужденного вопроса», а также о невозможности женщинами осуществлять обязанности адвоката «в силу присущей им женской стыдливости» так как «гражданские, и

уголовные в особенности, дела развертывают подчас такие ужасные, уродливые, грязные картины жизни человеческой, людских пороков и разврата, что ни одна женщина ... не может и не должна к ним добровольно прикасаться»²². Подобную точку зрения разделяли многие депутаты, отмечавшие, что принятие закона о допущении женщин к адвокатской профессии приведет к нравственному падению русских женщин, которые «подобно английским суфражисткам пойдут бить стекла», а также «перестанут работать и скажут: мы пойдем в адвокаты»²³.

Вместе с тем, после бурного обсуждения, Государственная дума принимает решение о желательности данного законодательного предположения и разработке соответствующего законопроекта в комиссии по судебным реформам²⁴.

Проект закона «О допущении лиц женского пола в число присяжных поверенных и частных поверенных» обсуждался в Государственном совете 23 и 24 января 1913 г. Министр юстиции И.Г. Щегловитов, последовательно отстаивая позицию своего ведомства по данному вопросу, назвал обсуждаемый законопроект «совершенно недопустимым», по двум основаниям: несовершенство самого проекта, который на практике приведет к «осложнениям и недоумениям, с которыми и в порядке толкования справиться окажется не возможным», а также «стыдливость женщин», которая, по мнению министра, станет причиной введения особой цензуры прений, что «пагубно скажется на правосудии». Завершая свое выступление, И.Г. Щегловитов отметил, что «женская адвокатура противоречит народному правосознанию, не сильна для женщин и положительно вредна для интересов правосудия»²⁵.

Справедливости ради, следует отметить, что данную точку зрения разделяли не все члены Государственного совета. Н.С. Таганцев, Д.Д. Grimm, Д.И. Богалей, В.П. Энгельгардт, А.Ф. Кони и др. выступили в поддержку права женщин заниматься юриспруденцией. Так, Д.Д. Grimm, преподававший на юридическом факультете Санкт-Петербургских женских высших курсов, отметил, что «женский ум не только не уступает мужскому, но и в смысле добросовестного отношения к делу, в смысле идеализма и преданности ему, он, в общем превосходит своих мужских собратьев... Юриспруденция не только не чужда женщине, но сугубо близка ей, потому что туда влекут ее самые глубокие инстинкты женского естества»²⁶.

Вместе с тем, в ходе голосования по данному законопроекту, из 150 членов Государственного совета против проголосовало большинство – 84²⁷. Но уже Первая мировая война, сопровождавшаяся мобили-

¹⁸ Кони А.Ф. О допущении женщин в адвокатуру / Собр. Соч. в 8-т., т. 4. М., 1967. С. 427.

¹⁹ Гессен И.В. Адвокатура, общество и государство / История русской адвокатуры. Т.1. М., 1914. С.469.

²⁰ Исторический очерк деятельности Совета Присяжных поверенных округа Саратовской Судебной Палаты в п-д. 1905–1914 гг. Саратов., 1914. С. 125.

²¹ Свод законоположений о присяжной и частной адвокатуре. Пг., 1916. С. 19.

²² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Ч.III. СПб.,1912., ст.1028.

²³ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Ч.III. СПб.,1912., ст. 2330–2331.

²⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Ч.III. СПб.,1912., ст. 2465.

²⁵ Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия VIII. СПб, 1913. ст. 819–837.

²⁶ Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия VIII. СПб, 1913. ст. 876–877.

²⁷ Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия VIII. СПб, 1913. ст. 1040.

зацией мужчин, заставила российскую общественность вновь вернуться к обсуждению вопроса о допуске женщин в адвокатуру. Благодаря открытию юридических отделений при высших женских курсах число женщин с высшим профессиональным образованием неуклонно росло и к 1915 г. около 400 дипломированных юристок заявили о желании применить свои знания на практике²⁸.

Значительную роль в борьбе за расширение прав женщин, сыграло общество женщин-юристов, образованное в 1913 г. в Санкт-Петербурге и включавшее таких замечательных представительниц юридической профессии, как Е.А. Флейшиц, Е.Н. Щепкина, А.И. Бахтерева, Е.И. Кац, С.Е. Рынкевич, Л.Т. Куликовская и др.²⁹. По результатам анкеты, составленной данным обществом, к 1916 г. более половины женщин с высшим юридическим образованием были заняты в сфере юриспруденции, работая во всевозможных учреждениях, занимая места мужчин, ушедших на фронт. Несмотря на то, что показатель занятости женщин-юристов, по сравнению с 1914 г., вырос в 5 раз, число мужчин-юристов отрицательно относящихся к вовлечению женщин в юридическую профессию оставалось высоким (31%), что, по мнению авторов анкеты, объяснялось нежеланием мужчин видеть в женщинах опасных конкуренток³⁰.

В ходе Февральской революции 1917 г. министерство юстиции, возглавляемое присяжным поверенным А.Ф. Керенским, провозглашает предоставление женщинам широких прав, в том числе и в сфере юриспруденции. Выступая в Москве перед служащими прокуратуры, суда и присяжными поверенными он предложил «немедленно начать принимать в сословие женщин-юристок»³¹. 25 марта 1917 г. Указом Временного правительства учреждается «Комиссия для восстановления основных положений Судебных Уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве», в которой была создана специальная подкомиссия, объединившая корифеев отечественной адвокатуры. Н.К. Муравьев, Н.П. Карабчевский, А.С. Зарудный, М.М. Винавер, П.Н. Малянтович и др. принимают решение о том, что «присяжными поверенными могут быть лица обоего пола»³². Первыми женщинами, зачисленными в сословие адвокатов помощниками присяжного поверенного, стали К.Я. Коссовская, Б.Ф. Фридберг, С.А. Нечаева и С.М. Боим. Всего же было подано 33 прошения от женщин о зачислении их в число помощников присяжных поверенных³³.

1 июня 1917 г. Временное правительство принимает постановление «О допуске женщин к ведению чужих дел в судебных установлениях», предоставившее женщинам право «а) вступать в число присяжных поверенных и присяжных стряпчих, б) получать свидетельства на право ходатайствовать по чужим делам в качестве частных поверенных и в) заниматься судебною практикою под руководством присяжных поверенных, в качестве их помощников»³⁴.

Создание Советского государства сопровождалось трансформацией всей прежней судебной системы. Институты присяжных и частных поверенных были упразднены. Согласно Декрету СНК от 24 ноября 1917 г. О суде № 1 «неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами», могли выступать обвинителями и защитниками по уголовным делам, а также поверенными по гражданским делам³⁵. Декрет О суде № 2 от 15 февраля 1918 г. учреждал коллегии правозащитников (ст.24) при Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на которую возлагались функции как защиты, так и обвинения³⁶. Положением ВЦИК «О народном суде РСФСР» от 30 ноября 1918 г. коллегия правозащитников была переименована в коллегия защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе. Статьей 47 Положения в качестве представителей сторон и защитников, кроме членов Коллегии, допускались а) близкие родственники тяжущихся: родители, дети, супруги, братья и сестры; б) юрисконсульты Советских учреждений³⁷.

Вместе с тем, существовавшие ранее стереотипы о неспособности женщин полноценно осуществлять профессиональную юридическую деятельность сохранялись и в советских судах, в которых женщины даже с высшим юридическим образованием могли получить место секретаря, курьера, машинистки, стенографистки и других канцелярских работников³⁸.

Несмотря на закрепление в Конституции РСФСР 1918 г. принципа равноправия граждан не зависимо от пола и активному вовлечению женщин в общественную и политическую жизнь страны, в первое десятилетие Советской России участие женщин в органах юстиции было незначительным. К 1 июля 1929 г. женщины в составе народных судей было всего 14,6 %, народных следователей – 4,9%, а в автономных республиках и областях данный процент был еще более низким, что нарушало положения постановления ВЦИК и СНК от 28 января 1928 г. о необходимости «довести число трудящихся женщин в составе

²⁸ Бахтерева А. Результаты второй анкеты о положении женщин-юристов в России (1916 г.) // Женский вестник. 1917. № 2. С. 18.

²⁹ Отчет по Обществу Петроградских женщин-юристов за 1915 год. Пг.: тип. Родник, 1916. С. 3.

³⁰ Бахтерева А. Результаты второй анкеты о положении женщин-юристов в России (1916 г.) // Женский вестник. 1917. № 2. С. 22.

³¹ Вестник права 1917. № 10–11. С. 251.

³² Вестник права 1917. № 24–25. С.515.

³³ Вестник права. 1917. № 16. С. 332.

³⁴ О допуске женщин к ведению чужих дел в судебных установлениях // Сборник Указов и постановлений Временного правительства. Ч. 1. Вып. 2. 5 мая – 24 июля 1917 г. Пг., 1918. С.554.

³⁵ Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 125.

³⁶ Декрет о суде № 2 от 15 февраля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 472.

³⁷ О народном суде РСФСР (Положение). Утверждено ВЦИК 30.11.1918. М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. С. 45.

³⁸ Саратовский губернский отдел юстиции. Анкеты кандидатов по выборам в народные суды за 1918 г. по Саратовскому судебному округу // ГАСО. Ф. 546. Оп. 1. Д. 25 а. С. 12, 19, 60.

органов юстиции до нормы не менее 10% от общего числа судебных работников»³⁹.

Член Московской коллегии защитников Л. Розенблум отмечал в 1938 г. что при организации советской адвокатуры в 1922 г., в составе Московской коллегии защитников насчитывалось всего лишь 7 женщин, которые, хотя и имели высшее юридическое образование, не принимали активного участия в качестве профессиональных защитников, так как «никогда ранее не занимались и не могли заниматься практической деятельностью адвоката»⁴⁰. И это при том, что по свидетельству отчета президиума Московской губернской коллегии защитников за первое полугодие ее существования, к апрелю 1923 г. в коллегию входило 440 человек⁴¹. Причиной охлаждения желаний женщин идти в адвокатуру, вероятно, являлось изменение статуса адвоката, по сравнению с дореволюционным периодом. Советским адвокатам, являвшимся представителями свободной профессии, было запрещено вступать в профсоюзы, не предоставлялась бесплатная медицинская помощь, они были исключены из системы социального страхования и платили высокие налоги⁴².

Вместе с тем, в 1920-х гг. женщины начинают активно привлекаться к работе в юридических консультациях, оказывая правовую поддержку населению по проблемам пенсионного обеспечения и алиментным обязательствам, улучшения жилищных условий, охраны материнства и детства. 16 января 1923 г. в Москве была создана юридическая консультация по оказанию помощи несовершеннолетним (детская консультация), для работы в которой были направлены женщины-юристы – члены Московской коллегии защитников.

Другим направлением деятельности женщин-адвокатов стало выступление с докладами на различных собраниях, проводимых на предприятиях и в организациях, с разъяснением изменений, внесенных в действующее законодательство и выявлением пробелов и дефектов, нарушавших права женщин и детей. Так, инициатива «детской консультации» о необходимости внесения изменений в ст. 25 ГПК РСФСР о предъявлении иска о взыскании алиментов с отца по месту жительства ответчика, во-многом, стала причиной издания Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 3 марта 1924 г., разрешавшего истце-матери предъявлять иск об алиментах по месту ее жительства⁴³.

Следует отметить, что в первое десятилетие Со-

ветского государства сохранялось недоверие к женщинам со стороны клиентов, неохотно соглашавшихся поручать свои дела женщинам-адвокатам. Только в 1923 г., женщина-адвокат смогла впервые выступить в Верховном суде в качестве защитника, что было широко представлено в газетах, освещавших дело торгового представительства Туркестанской республики⁴⁴.

В 1930-х гг. число женщин в адвокатуре резко возрастает и к 1937 г. в Московской коллегии защитников насчитывалось уже 112 женщин, а в Ленинградской – 91 женщина из 360 членов коллегии-мужчин⁴⁵. Женщины начинают активно принимать участие в судебном процессе, выступая как в качестве защитников по уголовным делам, так и представителей в гражданском процессе. Особое доверие судей, по мнению члена коллегии защитников Д.В. Горвиц, вызывали женщины-адвокаты, принимавшие участие в делах «особой специфики», таких как установление отцовства, споры о детях, защита несовершеннолетних. Выступая за «начало немедленной подготовки специализированной защиты по делам несовершеннолетних», Д.В. Горвиц подчеркивала, что в этом деле необходимо не только знание действующего права и процесса, техники ведения дел, но и «основ современных учений о подростковом возрасте, а также знакомство с сетью подростковых воспитательных и исправительных учреждений»⁴⁶.

В связи с мобилизацией мужчин в годы Великой отечественной войны женщины начинают активно привлекаться к руководству адвокатскими коллегиями. Так, например, в 1941 г. исполнение обязанностей Председателя Президиума МОКА возлагается на А.П. Сурнакову, которая, по мнению А.В. Никифорова, смогла спасти коллегию от развала⁴⁷.

Следует отметить, что женщины-адвокаты в СССР не боялись принимать участие в громких политических процессах, защищая правозащитников, диссидентов и «инакомыслящих»⁴⁸. Так, например в 1968 г. С.В. Калистратова и Д.И. Каминская стали защитниками по громкому делу протестующих на Красной площади против ввода войск в Чехословакию и, не смотря на давление со стороны руководства Московской городской коллегии адвокатов, которую они представляли, выступали вместе со своими коллегами-мужчинами, настаивая на необходимости оправдания своих подзащитных⁴⁹.

В современной адвокатуре женщины чувствуют себя равноправными партнерами своим коллегам

³⁹ Политика органов юстиции по вопросу улучшения личного состава // Еженедельник советской юстиции 1929 г. № 46 (от 28 ноября). С. 1078.

⁴⁰ Розенблум Л. Женщина в советской адвокатуре // Социалистическая законность. М., 1938. № 3 (март). С. 92.

⁴¹ Отчет Президиума Московской губернской коллегии защитников за первое полугодие (с 8 октября 1922 года по 1 апреля 1923 года). М., 1923. С. 5–12.

⁴² Хаски Ю. Российские адвокаты и советское государство. М., 1993. С. 98.

⁴³ Розенблум Л. Женщина в советской адвокатуре // Социалистическая законность. 1938. № 3. С.97.

⁴⁴ Дело торгового представительства Туркестанской республики // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 4–5; Известия. 1923. № 9 от 14 января.

⁴⁵ Розенблум Л. Указ. Соч. С. 98.

⁴⁶ Горвиц Д.В. Задачи защиты по делам несовершеннолетних // За социалистическую законность. Орган прокуратуры СССР. 1935. № 8. С. 17–18.

⁴⁷ Никифоров А.В. Время не должно стереть имена выдающихся адвокатов // Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов РФ. 2022. Вып. № 20 (373).

⁴⁸ Стецовский Ю.И. Исторический очерк формирования адвокатуры в России. М., 2001. С. 116.

⁴⁹ Калистратова С.В. Такое тяжелое было время // Московские новости. 1989. № 32. 6 августа.

мужчинам. С 15 декабря 2022 г. президентом Федеральной палаты адвокатов РФ, являющейся органом адвокатского самоуправления, большинством голов была избрана С.И. Володина⁵⁰. Женщины, составляющие почти половину адвокатской корпорации, пользуются сегодня не только доверием, но и уважением своих коллег-мужчин, которые отмечают высокий профессионализм и особое отношение женщин к своим доверителям. Так, например, в начале 2024 г. адвокатская палата Приморского края, президент которой А. Илькун убежден, что «женщина-адвокат – это как адвокат-мужчина, умноженный на 18» запустила специальный проект, посвященный женщинам-адвокатам⁵¹.

При широком участии женщин-адвокатов Федеральный союз адвокатов России реализует проект «Женское право» на базе школ материнства при женских консультациях в регионах РФ, в ходе которого узкопрофильные (семейные) адвокаты безвозмездно оказывают юридическую помощь женщинам и их родственникам по вопросам нарушения прав семьи,

женщин и детей⁵².

Таким образом, путь женщин России в адвокатуру был долог, труден и тернист. Если в дореволюционный период женщины активно боролись за допуск в состав присяжных и частных поверенных и право применять полученные юридические знания участвуя в судебном процессе, то в первое десятилетие Советской России, имея юридическую возможность заниматься адвокатской практикой, женщины не стремились поступать в коллегии защитников и не значительно были представлены в других юридических профессиях. Сохранившееся недоверие к женщинам-адвокатам со стороны клиентов и нежелание мужчин видеть в них равноправных партнеров создавало трудности в сфере реализации женщинами своих профессиональных обязанностей. Вместе с тем, преодолевая возникавшие проблемы, женщины в адвокатуре достойно выполняли и продолжают выполнять свой профессиональный долг, составляя по свидетельству своих коллег-мужчин, лучшую ее часть и – несомненно – прекрасную!

Библиографический список

1. Ариян П.Н. Справка по вопросу о женской адвокатуре и юридическом образовании / Первый женский календарь на 1899 год. – СПб.: паровая скоропеч. «Труд», 1899. – 168 с.
2. Бахтерева А. Результаты второй анкеты о положении женщин-юристов в России (1916 г.) // Женский вестник. – 1917. – № 2. – С. 17–22.
3. Вестник права: еженедельный журнал, издаваемый в Москве / орган адвокатуры, нотариата, суда. – М.: б.и., 1917. – № 10–11; 16. – 24–25.
4. Ворошилова С. В. Становление женской адвокатуры в России // Новая правовая мысль. – 2007. – № 1. – С. 54–58.
5. Гаврилов С. Н. Прекрасная половина адвокатуры: история появления (к 100-летию допуска женщин к адвокатской профессии в России) // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 12(40). – С. 164–149.
6. Галиев Ф.Х., Крижановская Г.Н., Сальников М.В. Законодательство и общественная мысль Российской империи на рубеже XIX–XX веков о праве судебного представительства // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 2. – С. 63–70.
7. Гайдошова М. Первые женщины в адвокатуре Словакии: культурологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2016. – Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. Вып. 3. С. 83–89.
8. Гессен И.В. Адвокатура, общество и государство / История русской адвокатуры. Т.1. – М.: Советы присяжных поверенных, 1914–1916. – 623с.
9. Горвиц Д.В. Задачи защиты по делам несовершеннолетних // За социалистическую законность. Орган прокуратуры СССР. – 1935. – № 8. – С. 17–18.
10. Грязнова Д. С. Роль Е.А. Флейшиц в появлении женщин на юридической арене // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 85–87.
11. Декреты Советской власти. Т. I. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. – 625 с.
12. Женщины в адвокатуре: к 100-летию допуска женщин к адвокатской профессии в России: сборник очерков / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – М.: Федеральная палата адвокатов РФ, 2017. – 207с.
13. Исакович А.С. Первая женщина-адвокат в России Екатерина Абрамовна Флейшиц // Юридическая наука: история и современность. - 2018. - № 2. - С. 171–175.
14. Исторический очерк деятельности Совета Присяжных поверенных округа Саратовской Судебной Палаты в п-д. 1905–1914 гг. – Саратов. 1914. – 159 с.
15. Казанцев С. М. Русская адвокатура и женщины // Правоведение. – 1985. – № 6. – С. 72–77.

⁵⁰ Федеральная палата адвокатов Российской Федерации // <https://fparf.ru/fpa-rf/president/> (дата обращения 10.04 2024).

⁵¹ Илькун А. Женщина в адвокатском сообществе – это как адвокат-мужчина, умноженный на 18 // <https://fparf.ru/polemic/opinions/zhenshchina-v-advokatskom-soobshchestve-eto-kak-advokat-muzhchina-umnozhenny-na-18/> (дата обращения 10.04 2024).

⁵² Проект Федерального союза адвокатов России «Женское право» // <https://fparf.ru/for-citizens/education/the-project-of-the-federal-union-of-lawyers-of-russia-women-s-right/> (дата обращения 10.04 2024).

-
16. Калистратова С.В. Такое тяжелое было время // Московские новости. – 1989. – № 32. – 6 августа.
  17. Кони А. Ф. О допущении женщин в адвокатуру / Собр. соч. в 8-т., т. 4. – М.: Юрид. лит., 1967. – 543 с.
  18. Набоков В. Д. Может ли женщина вести защиту перед уголовным судом // Право. – 1909. – № 46. – С. 2473–2481.
  19. Никифоров А.В. Время не должно стереть имена выдающихся адвокатов // Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов РФ. -2022. - Вып. – № 20 (373).
  20. Отчет по Обществу Петроградских женщин-юристов за 1915 год. – Пг.: тип. Родник, 1916. – 20 с.
  21. Отчет Президиума Московской губернской коллегии защитников за первое полугодие (с 8 октября 1922 года по 1 апреля 1923 года). – М.: Б. и., 1923. – 120 с.
  22. Политика органов юстиции по вопросу улучшения личного состава // Еженедельник советской юстиции. – 1929. – № 46. – Ст. 1075–1078.
  23. Решетников Г.Л. К вопросу о «женской адвокатуре» в дореволюционной России // Российский юридический журнал. –2012. – № 1(82). – С. 179–186.
  24. Рогозянова А.С. Дискриминация женщин-адвокатов в сфере социального обеспечения // Аллея науки. – 2018. – № 5(21). – С. 877–880.
  25. Розенблюм Л. Женщина в советской адвокатуре // Социалистическая законность. –1938. – № 3. – С. 92–99.
  26. Ривлин Э.С. Советская адвокатура. – М.: Правовая защита, 1926. – 111 с.
  27. Стецовский Ю.И. Исторический очерк формирования адвокатуры в России. – М.: Российская академия адвокатуры, 2001. –184 с.
  28. Тагер А.С. Надзор за органами сословного самоуправления присяжных поверенных // История русской адвокатуры. Т. 3. Сословная организация адвокатуры. 1864–1914. – М.: Советы присяжных поверенных, 1916. – 456 с.
  29. Шутило О.В. Мировая юстиция в России (вторая половина XIX – начало XX в.). – Саратов: изд. центр «Наука», 2009. – 229 с.
  30. Флейшиц Е.А. О женской адвокатуре // Право. – 1910. – № 3. – С. 143–151.
  31. Хаски Ю. Российские адвокаты и советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры 1917–1939. – М.: ИПАН, 1993. – 183 с.

Рецензент: Жолобова Г.А., заведующий кафедрой истории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент.

ЖЕРЕБЯТЬЕВ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), мировой судья судебного участка № 1 Ленинского района г. Оренбурга (в отставке), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, д. 50, igoriviv@mail.ru

КАРИМОВ РОМАН ГАЗИЗОВИЧ

студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, д. 50, karimoffroma@yandex.ru

ЭКСТРАДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

ZHEREBYATYEV IGOR VLADIMIROVICH

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Orenburg Institute (branch) Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Justice of the Peace of the judicial precinct № 1 of the Leninsky district of Orenburg (retired) (460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50, igoriviv@mail.ru)

KARIMOV ROMAN GAZIZOVICH

Student of group 501 of the Orenburg Institute (branch) Kutafin Moscow State Law University (MSAL), (460000, Orenburg, Komsomolskaya st., 50, karimoffroma@yandex.ru)

EXTRADITION IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF MODERN GEOPOLITICS

Аннотация. Экстрадиция является формой международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью и заключается в аресте и передаче одним государством другому (по запросу последнего) лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, либо осужденного. В этой связи в статье рассматриваются актуальные вопросы практической реализации данного уголовно-процессуального института в условиях современного геополитического мироустройства. Анализируются перспективы дальнейшего развития экстрадиции в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Приводится авторская периодизация историко-политических этапов экстрадиции.

Ключевые слова: экстрадиция, международное сотрудничество, борьба с преступностью, выдача лиц, периодизация этапов экстрадиции, геополитическая ситуация, конфронтация интересов.

Annotation. Extradition is a form of international cooperation between States in the fight against crime and consists in the arrest and transfer by one State to another (at the request of the latter) of a person suspected or accused of committing a crime, or convicted. In this regard, the article discusses topical issues of practical implementation of this criminal procedure institution in the context of the modern geopolitical world order. The prospects of further development of extradition in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are analyzed. The author's periodization of the historical and political stages of extradition is given.

Keywords: extradition, international cooperation, combating crime, extradition of persons, periodization of extradition stages, geopolitical situation, confrontation of interests.

Экстрадиция в уголовном судопроизводстве Российской Федерации играет значимую роль в международном сотрудничестве по борьбе с преступностью. Этот процесс представляет собой передачу лица, обвиняемого или осужденного за совершение преступления, из одной страны в другую для судебного раз-

бирательства или отбывания наказания. В современных условиях геополитических противоречий, которые приводят к появлению «правового недоверия» на межгосударственном уровне, экстрадиция может стать сложным и многосторонним процессом, который будет оставаться надежным связующим звеном

между государствами.

Современная геополитика оказывает существенное влияние на процесс экстрадиции как в России, так и других странах. Политические отношения между странами могут затруднить или, наоборот, ускорить процесс передачи лиц. Примерами могут служить случаи запросов на экстрадицию политических деятелей или бизнесменов, что подчеркивает важность учета не только юридических, но и политических аспектов в данном процессе. А это значит, что экстрадиция требует к себе более пристального внимания и России необходимо укреплять свою правовую позицию в данном направлении.

В Российской Федерации процедура экстрадиции регулируется уголовно-процессуальным законодательством (часть пятая, главы 53, 43, 55, раздел XVIII УПК РФ). Основания для предоставления экстрадиции включают наличие двойного уголовного правонарушения, соблюдение принципов взаимности, а также отсутствие политических мотивов в запросе на экстрадицию. Важно отметить, что экстрадиция не может быть предоставлена в случаях, когда лицо может быть подвергнуто пыткам или жестокому обращению. За долгое время наша страна не запятнала себя данными инцидентами, а это доказывает, что Россия – правовое государство, то есть государство, которое должно укреплять «правовое доверие» с дружественными странами. К сожалению, именно здесь и возникает основная проблема, а именно – межгосударственное соперничество и влияние геополитики. Поэтому, чтобы глубже изучить проблему, считаем возможным разделить опыт экстрадиции современной России на несколько важных историко-политических этапов: первый этап «Становление» (до 2014 года), второй этап «Переломный» (с 2014 по 2022 годы), третий этап «Настоящее время» (с 2022 года).

Этап «Становления» можно охарактеризовать моментом, когда Российская Федерация сделала свои первые шаги на пути к сближению с мировым сообществом. Экстрадиция в нашей стране в данный период претерпевала значительные изменения и вызвала множество споров и дискуссий. В 90-е годы XX столетия Советский Союз распался, и в России начался переходный период, сопровождающийся политическими и правовыми изменениями. Отсутствие четкой законодательной базы и структуры правоохранительных органов существенно усложняло процесс экстрадиции. В этот период Россия столкнулась с высоким уровнем коррупции и несовершенством органов правопорядка, что затрудняло сотрудничество с другими странами в рамках экстрадиции. Наглядный пример критики экстрадиции в 90-х – начале 2000 годов – случай Бориса Березовского. В начале 2000-х годов в Великобританию из России бежал бизнесмен Борис Березовский, обвиняемый в хищении государственных средств. Российские вла-

сти пытались экстрадировать его обратно, однако сложности были связаны с недостатками в законодательстве и проблемами в правоохранительной системе. Но далее, с развитием демократических институтов и совершенствованием законодательства в РФ процесс экстрадиции стал более структурированным и прозрачным. Страна начала активнее сотрудничать с другими государствами в рамках экстрадиционного пространства и привлечения лиц к ответственности. Примером уже успешной экстрадиции служит «дело Аксенова и Парфенюк». В 2013 году Россия успешно экстрадировала бывших офицеров украинской спецслужбы Александра Аксенова и Евгения Парфенюка, обвиняемых в причастности к террористическим актам на территории России. Экстрадиция этих лиц была осуществлена по международным соглашениям, что свидетельствует о прогрессе в области сотрудничества с другими странами.

«Переломный» этап. В 2014 году глобальная геополитическая ситуация вновь кардинально изменилась. После присоединения Крыма к России большая часть так называемых «цивилизованных» государств весьма негативно отреагировала на данное событие. Последовали различного рода санкции в отношении как нашего государства, так и различного рода юридических, должностных и даже физических лиц. В конечном итоге эти события затронули и институт выдачи лиц нашему государству. Многие страны после присоединения Крыма стали считать нашу страну узурпатором, а людей, уезжающих из нашей страны, объявили «безвинными мучениками режима». Все это очень сильно сказалось на государственном авторитете, а также ослабило позиции России на международном уровне.

В частности отметим, что только за 2019 год в Генеральную прокуратуру России поступило 1060 запросов компетентных органов иностранных государств о выдаче лиц из Российской Федерации. Приняты решения о выдаче 795 лиц, из них в страны СНГ – в отношении 776 лиц, в страны дальнего зарубежья – в отношении 19 лиц. В свою очередь в компетентные органы иностранных государств направлены 447 запросов о выдаче лиц для уголовного преследования и исполнения приговора суда. В результате их исполнения в Россию выданы 185 человек, 72 из них – государствами дальнего зарубежья (для сравнения, в 2017 году в Россию были выданы 159 разыскиваемых, из них примерно половина – из стран дальнего зарубежья) – это договорная экстрадиция¹.

Но, вопреки международному давлению, Российская Федерация планомерно продолжала развивать институт экстрадиции сообразно текущему времени. Так, 24.02.2015 года в Страсбурге был подписан Четвертый дополнительный протокол к Европейской конвенции о выдаче² (ратифицирован Федеральным законом от 07.03.2017 года № 23-ФЗ³). Упомянутый

¹ Доклад Генерального прокурора РФ Игоря Краснова. URL: <https://tass.ru/> (дата обращения: 28.08.2022).

² Заключена в Париже 13.12.1957 года (с изменениями от 20.09.2012 года) // Справочно-правовая система «Гарант».

³ Федеральный закон от 07.03.2017 года № 23-ФЗ «О ратификации Четвертого дополнительного протокола к Европейской конвенции о выдаче» // Справочно-правовая система «Гарант».

Протокол направлен на дальнейшее упрощение процедур по выдаче и на адаптацию к современным условиям и изменениям международного и европейского права.

В 2019 году весь мир потрясла также и другая проблема – эпидемия. Тяжелым испытанием в тех условиях явилось планетарное распространение пандемии «Covid-19». В связи с этим были введены определенные меры по борьбе с заболеванием. В их числе были и ограничения, а где-то и полная отмена транспортного сообщения между государствами. С того самого момента государства не могли грамотно получить положительный ответ на запрос об экстрадиции.

Вместе с тем отметим, что экстрадиция в тот период полностью не прекратилась, наоборот, у России открылся новый вектор сотрудничества – на Восток. Ряд азиатских государств, таких Китай, Япония, Сингапур, Лаос, Мьянма, Южная Корея и прочие, в исключительных случаях начали осуществлять экстрадицию со своей территории. Но не все так гладко, например, Бутан и вовсе не имеет с Россией дипломатических отношений, а это исключает экстрадицию как таковую. Если говорить про Ближний Восток, то ярким противником экстрадиции по отношению к России выступали Объединенные Арабские Эмираты. Хотя это не помешало нашему государству активизировать экстрадицию лиц в другие государства Востока.

«Настоящее время» (с 2022 года) ознаменовало кардинальные изменения в законотворчестве России, а также в обычной жизни граждан. Перед Россией встало много вопросов, в частности, подавляющее большинство стран в реалиях сегодняшнего времени не желают взаимодействовать с российской Генпрокуратурой. К примеру, страны Европы стали отказывать нам в решениях по вопросам экстрадиции обвиняемых. Поток лиц, подлежащих передаче нашему государству, практически прекратился с начала спецоперации на Украине. С того момента, как Россия начала специальную военную операцию на Украине, ей 43 раза отказывали в экстрадиции обвиняемых в различных преступлениях. Это в три раза больше, чем за тот же период 2021 года, заявил генеральный прокурор И. Краснов на заседании Координационного совета Генеральных прокуроров СНГ.

Третий отказов исходит от Германии – ФРГ не выдала России 13 человек. В их числе – Михаил Голиков, которому в 2016 году вынесли приговор за убийства и разбойный нападения (ст. 105, ст. 162 УК РФ). В 2021 году не отбытую часть наказания ему заменили на принудительные работы, после чего осужденный сбежал за границу. В декабре того же года Окружной суд Дюссельдорфа принял решение об экстрадиции Голикова, но в феврале МИД Германии признал, что это невозможно.

В то же время правительство Австрии не готово выдать Светлану Титову, которую обвиняют в орга-

низации проституции (ст. 241, ст. 240 УК), а также совладельца донских заводов «Актис» и «Эскорт» Владимира Базияна, который обвиняется в России в преднамеренном банкротстве (ст. 196 УК) своих компаний. Ко всему прочему, он обвиняется и в хищении (ч. 4 ст. 159 УК РФ) 300 млн. руб. кредитных средств у Чешского экспортного банка. Правительство Австрии уверено, что в России права обвиняемых соблюдать не будут. Отметим, что и Пражский городской суд отказался экстрадировать обвиняемого в краже (ч. 4 ст. 158 УК РФ) гражданина России Сергеева, мотивировав это «изменившимися обстоятельствами после вторжения России на Украину». Прокуратуры таких европейских держав как Бельгия, Словакия и Словения полностью приостановили сотрудничество с российскими коллегами, не смотря на то, что, к примеру, Генеральный прокурор Словении подписал договор о развитии сотрудничества с Россией на ближайшие два года только в январе 2022 года⁴.

Таким образом, на институт экстрадиции в России в настоящее время ложится все больше проблем. Значительное количество государств отказывают нашей стране в выдаче обвиняемых в совершении преступления или осужденных. Вероятные причины кроются в двух аспектах. Во-первых, во внутреннем законодательстве этих государств. Это значит, что государства могут не признавать совершенные деяния за преступления. Во-вторых, неучастие государств в международных многосторонних и двусторонних соглашениях и договорах о выдаче и о взаимной помощи по уголовным делам⁵. Эти проблемы появились не так давно, в 2014 году (с момента присоединения Крыма к России). Именно тогда соперничество государств по геополитическим вопросам, конфронтация политических интересов и целей окончательно вошли в сферу уголовного судопроизводства. Среди таких государств по отношению к России можно выделить: США, страны Евросоюза, Канаду, Великобританию, Японию, Австралию. В свою очередь они всевозможными путями стараются отказать в экстрадиции, при этом выдвигая за главную причину преследование граждан в России по политическим мотивам, а также нечеловеческие условия содержания заключенных.

Из 188 стран мира обвиняемых в совершении преступления или осужденных в Россию возвращают далеко не все. Со своей стороны РФ возвращает беглецов в 65 государств. С каждым годом соотношение полученных и отправленных обвиняемых в совершении преступления или осужденных становится все больше в пользу последних. В первую очередь, подобная ситуация обусловлена не желанием стран помогать и развивать международные отношения с Россией, а только потом отсутствием двухстороннего соглашения об экстрадиции.

За последнее время дипломатические отношения

⁴ России отказали в выдаче 43 обвиняемых с начала спецоперации. URL: <https://pravo.ru/news/241861/> (дата обращения: 28.08.2022).

⁵ Синицина Н.С. Проблемы экстрадиции в современном мире. URL: <https://scilead.ru/article/1652-problemi-ekstraditsii-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 28.08.2022).

у нашей страны ухудшились с Грузией, Арменией, а также целым рядом иных государств. Даже, казалось бы, дружественная Беларусь предпочитает сама разбираться с обвиняемыми в совершении преступления или осужденными, но не экстрадировать их. Республика Казахстан все реже возвращает таких лиц, обуславливая это тем, что Россией не могут быть предложены надлежащие гарантии их безопасности. Южная Корея полностью отказалась от данной возможности.

Но не смотря на все обозначенные сложности, а иногда и полную невозможность экстрадиции, МВД России все же расширило в 2023 году географию выдачи лиц, совершивших противоправные деяния. «Нам удалось добиться передачи в Россию ряда лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений из США, Испании, Тайланда, Черногории, Румынии, Греции, Египта, Вьетнама, и других государств. Более того, география по линии выдачи преступников в Российскую Федерацию расширилась. Так, в минувшем году впервые состоялись экстрадиции из Парагвая, Колумбии, а в текущем году – из Танзании», - заявил на заседании коллегии МВД России министр внутренних дел Владимир Колокольцев.

Так же министр МВД сообщил, что в 2023 году 51

сотрудник МВД России принял участие в миссиях ООН и ОБСЕ. «С правоохранительными органами других государств состоялось около 500 совместных мероприятий, что в 2 раза больше, чем в 2022 году»⁶, - отметил В. Колокольцев.

В заключение отметим, что экстрадиция является мощным инструментом международного сотрудничества в борьбе с преступностью, к сожалению, не совсем эффективным. Среди поданных Россией запросов на выдачу лиц крайне низок процент удовлетворенных. Иногда и оказание политического давления не всегда приводит к желаемому результату. Связано это с тем, что процедура экстрадиции в уголовном судопроизводстве Российской Федерации тесно переплетена с геополитическими процессами и требует внимательного анализа и учета различных факторов для принятия обоснованных решений. Для улучшения результативности института выдачи лиц России следует искать иные пути взаимодействия как с дружественными, так и недружественными иностранными государствами. Важно не просто оказывать на них политическое давление, но и расширять правовую базу сотрудничества и всеми силами стараться выработать компромиссы по политическим вопросам, даже если это кажется практически невозможным.

Библиографический список

1. Сеницина Н.С. Проблемы экстрадиции в современном мире // Научный лидер. - 2022. - № 5 - (50).

Рецензент: Шамардин А.А., доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

⁶ RG.RU: МВД России расширило географию экстрадиции преступников. URL: <https://rg.ru/2024/04/02/mvd-rossii-rasshirilo-geografiu-ekstradiicii-prestupnikov.html> (дата обращения: 28.08.2024).

ЖОЛОБОВА ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА

заведующий кафедрой истории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, post@oimsla.edu.ru

ЯКОВЛЕВ ЯРОСЛАВ ДМИТРИЕВИЧ

обучающийся Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, orenburg@msal.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДВОКАТУРЫ
В РОССИИ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 Г.:
ОРГАНИЗАЦИЯ, СТАТУС И ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ**

ZHOLOBOVA GALINA ALEKSEEVNA

Doctor of legal sciences, head of the Department of history of state and law Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, post@oimsla.edu.ru

YAKOVLEV YAROSLAV DMITRIEVICH

Undergraduate student of Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, orenburg@msal.ru

**FORMATION OF THE PROFESSIONAL BAR IN RUSSIA DURING
THE JUDICIAL REFORM OF 1864: ORGANIZATION, STATUS
AND PECULIARITIES OF WORK**

Аннотация. В статье исследуется процесс формирования профессиональной адвокатуры в России. Авторы анализируют исторические, правовые и социокультурные аспекты адвокатской деятельности в Российской Империи во 2-й половине XIX в. Особое внимание уделяется законодательным и структурным изменениям, которые способствовали укреплению статуса адвокатов, их профессиональной защите и независимости. Освещены вопросы нормативного регулирования юридического образования и профессиональной этики, выявляются вызовы и перспективы, стоящие перед адвокатским сообществом.

Ключевые слова: адвокатура, государственная адвокатура, юридические услуги, государственная защита, защита гражданских прав, законодательство, состязательный процесс, государственное обвинение, прокуратура, правовая структура, интересы клиента.

Review. This article examines the process of formation of professional advocacy in Russia. The authors analyze the historical, legal and socio-cultural aspects of the development of the legal advocacy activities in the second half of the 19th century in Russian Empire. Special attention is paid to legislative and structural changes that contribute to strengthening the status of lawyers, their professional protection and independence. The issues of legal education, regulatory regulation and professional ethics are highlighted, as well as the challenges and prospects facing the legal community in the country are identified.

Keywords: advocacy, public advocacy, legal services, public protection, protection of civil rights, legislation, adversarial process, public prosecution, prosecutor's office, legal structure, interests of the client.

Уверенность каждого гражданина в своём благополучии зависит, в первую очередь, от того, насколько его права и свободы законодательно организованы и защищены. Важным правовым институтом государства выступает адвокатура – негосударственное, некоммерческое, профессиональное объединение специалистов-юристов (адвокатов).

На протяжении всего исторического периода ста-

новления и развития России как правового государства существовал и совершенствовался институт правозащитников, в чьи обязанности входило оказание квалифицированной юридической помощи гражданам в рассмотрении и разрешении судами уголовных, административных, гражданских и иных дел.

Известно, что Древней Руси еще не существовало

такого формального института как «защитник» в современном понимании этого слова. Однако и тогда были люди, которые оказывали «юридическую» помощь и представляли интересы сторон в некоторых правовых процессах. В то время княжеские и общинные суды занимались рассмотрением дел и разбирательством споров. Стороны в этих процессах могли представляться народными предводителями – «ведунами», которые имели определенные знания и навыки в правовых вопросах и выступали в роли защитников и консультантов.

Важно отметить, что доказательства в древнерусском правосудии основывались на свидетельских показаниях («послухов») и показаниях очевидцев («видоков»). Однако следует отметить, что формы правовой помощи и представительства в Древней Руси не были регламентированы. Многое зависело от личности и авторитета конкретного «ведуна» и его способности убедить суд в правильности аргументов и свидетельских показаний.

В начале XX века И. Я. Фойницкий обратил внимание, что в судебном заседании Древней Руси защитник находился в равноправном положении с обвинителем, участие его при рассмотрении дела в суде носило устный характер. В целях подробного и объективного выяснения обстоятельств дела и защиты интересов доверителя он наделялся правом допрашивать свидетелей, представлять суду новые доказательства, участвовать в судебных прениях¹.

По мере утверждения и развития инквизиционных начал судопроизводства на Руси значение защитников в процессе падало.

Сам термин «адвокат» впервые был употреблен в России в 1716 году в Воинском уставе Петра I, однако на практике в то время он использовался крайне редко. Одна из глав в нем именовалась «Об адвокатах и полномочных» и определяла их полномочия и задачи². Петр I, однако, недооценивал значимость адвокатов, считая «ходатаев» товарищами воров и душегубцев. По мнению царя, адвокат своими странностями ходатайствами больше утруждает судью и запутывает дело и затягивает процесс, чем ведет его к скорейшему разрешению.

Начало формированию профессиональной российской адвокатуры положила Судебная реформа Александра II (именно с этого времени начинает рассматривать свою деятельность и Федеральная палата адвокатов)³.

В соответствии с Судебными Уставами 1864 г., кандидат в присяжные поверенные должен был иметь высшее юридическое образование и пятилетний стаж работы по юридической специальности, быть русским подданным и иметь безупречную с точки зре-

ния соблюдения законов репутацию (быть несудимым).

С тех самых пор присяжные поверенные не были государственными служащими, они рассматривались как установленные в государственных интересах лица свободной профессии. Положительным аспектом здесь была именно независимость адвоката от любой ветви государственной власти⁴.

Однако, стоит помнить, что эта свобода в условиях полицейского монархического государства, при сохранении абсолютной монархии, была все же весьма относительной. Административный ресурс старался оказать в своих интересах всяческое давление на адвокатов, а порой уличить их в недобросовестности, в покровительстве преступникам, а иногда даже и в соучастии в преступлениях. Представителям государственного аппарата первоначально сложно было принять представителей негосударственной структуры, которые, по их мнению, создавали различные препятствия в расследовании, в установлении истины по делу. Однако радикальные изменения, последовавшие после введения в действие положений судебной реформы 1864 г. в России, открыли широкие перспективы для формирования судебного представительства и правозаступничества новой социальной группы адвокатов, статус которой отвечал всем требованиям классической западноевропейской профессии⁵.

Кандидаты на получение статуса адвоката проходили специальную подготовку, характер которой соответствовал будущей сфере деятельности: служба по судебному ведомству, занятие кандидатом должности непосредственно в суде, а также самостоятельное занятие судебной практикой под надзором присяжных поверенных. Продолжительность подготовки кандидата по каждому из трех направлений не должна была быть менее 5 лет.

Несомненно, одной из центральных идей положения о присяжных поверенных являлась регламентация адвокатской деятельности как альтернативы государственной службе. Исключение из системы чиновничества предполагало эмансипацию адвокатской корпорации не только на институциональном, но и на социальном уровне: юристы, занятые адвокатской практикой, и юристы, включенные в бюрократическую систему, уже не могли быть объединены в одну социальную категорию и тем более не могли сформировать одну социальную группу.

Прохождение пятилетней практической подготовки для поступления в присяжные поверенные допускалось и в рамках профессиональной корпорации посредством занятия судебной практикой в качестве помощника присяжного поверенного (ст. 354 Учреж-

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Сенатская типография, 1910. Т. 2. С. 68.

² Беньяминова З. Я. Адвокатура как институт гражданского общества: историко-правовой экскурс // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 4. С. 72.

³ Вехи истории // Федеральная палата адвокатов РФ: офиц. сайт. URL: <http://fparf.ru/corporation/community/history/> (дата обращения 03.07.2023).

⁴ Мухаметшин Ф. Б. Институт обвинения и защиты в рамках судебной реформы 1864 года // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3. С. 155.

⁵ Краковский К. П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 30.

дения судебных установлений 1864 г.)⁶. Помощникам не предоставлялось право самостоятельно ходатайствовать по чужим делам. Их деятельность, предположительно, должна была ограничиваться секретарскими функциями при «патронах».

Прием в профессиональную корпорацию на основании критериев теоретических знаний и практического стажа должен был осуществляться органами корпоративного самоуправления – советами, ежегодно избираемыми на общих собраниях присяжных поверенных (ст. 364 Учреждения судебных установлений 1864 г.). Передавая в ведение корпорации вопрос о приеме и исключении, правительство, тем не менее, оставляло за судебными местами (судебными палатами и окружными судами) административную функцию «приписки к сословию присяжных поверенных» и приведение последних к присяге (ст. 381 Учреждения судебных установлений 1864 г.)⁷.

Почему поверенных называли присяжными? Именно потому, что они приносили присягу, которая звучала так: *«Обещаюся и клянусь Всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием и Животворящим Крестом Господним, хранить верность Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссийскому, исполнять в точности и по крайнему моему разумению законы Империи, не писать и не говорить на суде ничего, что могло бы клониться к ослаблению православной церкви, государства, общества, семейства и доброй нравственности, но честно и добросовестно исполнять обязанности принимаемого мною на себя звания, не нарушать уважения к судам и властям и охранять интересы моих доверителей или лиц, дела которых, будут на меня возложены, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ пред законом и пред Богом на страшном суде Его. В удостоверение сего целую слова и крест Спасителя моего. Аминь»*⁸.

Судебная реформа 1864 г. создала такую русскую адвокатуру, которая привлекла в свои ряды целую плеяду талантливых работников, поднявших судебное слово на большую высоту, деятельность которых стала возможной только в новых условиях уголовного и гражданского процессов⁹.

Адвокатура, организованная на основе Судебных уставов, явилась абсолютно новым учреждением, объединившим профессиональных юристов в самоуправляющиеся организации. До 1864 г. адвокатура существовала в нескольких формах, и ее деление на присяжную и частную было весьма условным. Судебными уставами 1864 г. была введена присяжная адвокатура как высшая форма организации адвокатуры.

Законодательство того времени к присяжным поверенным предъявляло ряд требований. Так, присяж-

ными поверенными могли быть лица, имеющие высшее юридическое образование и пятилетний стаж работы по судебному ведомству, при исполнении обязанностей по которому они могли приобрести «практические сведения в производстве судебных дел», или не менее девяти лет состоявшие кандидатами на должности по судебному ведомству (ст. 407 Учреждения судебных установлений), таковыми также могли быть лица, занимавшиеся судебной практикой под руководством присяжных поверенных в качестве их помощников (ст. 354 Учреждения судебных установлений).

Присяжные поверенные не имели права совмещать свою деятельность с государственной или военной службой. Исключение составляли почетные и общественные должности, за которые не полагалось жалование (ст. 355 Учреждения судебных установлений)¹⁰.

В самом начале реформы, в условиях огромного дефицита квалифицированных кадров, Положение «О введении в действие Судебных уставов» от 20 ноября 1864 г. (гл. V) позволяло включать в число присяжных поверенных лиц, не вполне соответствующих вышеперечисленным требованиям, если они отвечали следующим условиям: хотя и не имели диплома о юридическом образовании, но окончили курс юридических наук в высших учебных заведениях, при этом прослужили в судебном ведомстве не менее четырех или пяти лет и вели дела в качестве поверенных; лица, окончившие курс в высших учебных заведениях не по юридическому факультету или не получившие воспитания в высших учебных заведениях, но прослужившие по судебному ведомству не менее пяти лет и в течение этого времени занимавшие не менее одного года должность секретаря Сена-та или прочие должности.

Такие вынужденные меры были обусловлены, в первую очередь тем, что число поверенных было небольшим, а подсудимый должен был иметь возможность избрать в качестве защитника то лицо, которому он доверяет, а также получил право иметь не одного, а несколько защитников.

Первоначальный набор в «сословие» присяжных поверенных осуществлялся согласно Временным правилам в главе II раздела IX «Учреждения Судебных Установлений» 1864 года, по которым при Судебных палатах создавалась комиссия из председателей и товарищей (заместителей) председателей палат с возложением на них обязанностей рассмотрения прошений о принятии в число присяжных поверенных. Затем отобранные кандидатуры утверждались в Министерстве юстиции. В дальнейшем прием и исключение из присяжных поверенных должны были осуществлять Советы присяжных поверенных.

⁶ Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе (ПСЗ – II). Т. XXXIX. Ч. 2. № 41475. С. 209.

⁷ Немыгина М. В. Российское самодержавие и судебная реформа 1864 г. // Государство и право. 2015. № 5. С. 92-98.

⁸ Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. Приложение II. Формы присяги. Приложение к ст. 381 // ПСЗ – II. Т. XXXIX. Ч. 3: Штаты и табели. № 41475. С. 444.

⁹ Судебная реформа / Под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. ?олянского. М., 1915. С. 351.

¹⁰ Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // ПСЗ – II. Т. XXXIX. Ч. 2. № 41475. С. 209.

Изначально присяжные поверенные приписывались к Судебным палатам и образовывали при них особую коллегия, а при наличии в такой коллегии не менее чем двух десятков человек они могли, согласно Судебным уставам, сформировать свой орган самоуправления – Совет присяжных поверенных (по правилу: если в округе судебной палаты более 20 присяжных поверенных, то ими учреждается Совет, в который входили от 5 до 15 человек). Совет ежегодно должен был отчитываться о работе перед общим собранием присяжных поверенных (высшим органом адвокатского самоуправления).

Наличие данных требований Судебной реформы 1864 г. позволяет сделать вывод о качественном развитии законодательства об адвокатуре по сравнению с дореформенным периодом.

А. Ф. Кони вспоминал: «Старая проторенная дорожка с заднего крыльца должна была «порастить травой забвенья», и двери суда широко раскрывались лишь пред адвокатом новой формации. В эти двери вошли немедленно люди ума и знаний, и не только с честным, но иногда и с завидным прошлым. В них вошли и молодые обер-секретари Сената, и профессора, и лучшие представители эмбриональной адвокатуры, состоявшей уже при коммерческих судах, и почтенные деятели крестьянского освобождения...»¹¹.

В условиях состязательности процесса начала постепенно формироваться отечественная школа судебного красноречия. Общество, не избалованное дореформенными односложными выступлениями, жадно внимало всякому горячему слову таких ярких ораторов-высоких профессионалов адвокатского дела как Владимир Данилович Спасович (1829–1906), Дмитрий Васильевич Стасов (1828–1918), Петр Акимович Александров (1836–1893), Федор Никифорович Плевако (1842–1909), Александр Иванович Урусов (1843–1900), Николай Платонович Карабчевский (1851–1925). Нечто веское, значительное и живое слышалось в каждом их доводе.

Согласно Уставу судебных установлений, предусматривалась «добровольная» и «обязательная» защита. Защита по уголовному делу предоставлялась: по избранию и поручению лиц, обратившихся к поверенному за юридической помощью; по назначению Советом присяжных или председателем суда.

Защитник «по назначению» определялся председателем суда из лиц, являющихся присяжными поверенными или кандидатами на судебные должности, известных своей благонадежностью и не обремененных другими обязательствами (ст. 416 Устава судебных установлений, ст. 566 Устава уголовного судопроизводства).

«Добровольная» защита осуществлялась при на-

личии просьбы подсудимого о предоставлении ему защитника. Добровольная защита действовала только в мировых судах. Такую защиту могло осуществлять любое лицо, которому законом не воспрещалось ходатайствовать по чужим делам (ст. 44, 565 Устава уголовного судопроизводства).

Суд был обязан уведомить подсудимого в течение семи дней с момента получения копии обвинительного акта и списка лиц, вызываемых в суд, о его праве избрать защитника или просить о его назначении суд (ст. 558, 561, 563 Устава уголовного судопроизводства)¹².

Защитник обязательно участвовал в следующих случаях: если подсудимый был несовершеннолетним, имел физические недостатки или психические заболевания. Особенностью защиты было то, что адвокат допускался к участию в деле на стадии предъявления обвинительного акта перед передачей дела в суд. В суде действовало право обвиняемого на защиту, а также право его последнего слова как по существу дела, так и по каждому спорному предмету.

Вместе с тем, в Судебных Уставах 20 ноября 1864 года упоминания о полномочиях по сбору и оценке доказательств в производстве по уголовным делам вообще не существует¹³.

Процессуальный статус защитника определялся наличием следующих прав и обязанностей: независимо от вида представительства защитник принимал на себя «хождение по делу», мог присутствовать при получении судом на этапе досудебного следствия объяснения от подсудимого, мог иметь свидания наедине с подсудимым, содержащимся под стражей, мог знакомиться в любое время в канцелярии суда с материалами дела и выписывать из него все нужные сведения, участвовать в исследовании доказательств и представлять их, заявлять ходатайства, отводы, составлять жалобы (ст. 383, 562, 569, 570, 630 Устава уголовного судопроизводства).

Основной обязанностью защитника было исполнение возложенной функции защиты. При этом на защитника возлагался ряд обязанностей: воздерживаться от недозволенных средств защиты, соблюдать порядок судебного разбирательства, подчиняться распоряжениям председательствующего в судебном заседании, что отражено в тексте его присяги. Правила поведения в судебном заседании предоставляли защитнику (присяжному поверенному) определенную свободу речи, которая, однако, была ограничена некоторыми запретами. Так, запрещались высказывания о фактах, не имеющих значение для рассматриваемого дела, проявление неуважения к религии, закону, властям, оскорбления других лиц. За оскорбления присяжный поверенный мог быть привлечен к

¹¹ Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 томах. Том 4. Правовые воззрения А.Ф.Кони [Электронный ресурс] // Литмир – Электронная библиотека. Кони Анатолий Федорович > Собрание сочинений в 8 томах. Том 4. Правовые воззрения А.Ф. Кони. С. 62.

¹² Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // ПСЗ – II. Т. XXXIX. Ч. 2. № 41476. С. 254–255.

¹³ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года. Ч. 2. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1866; Судебные Уставы 20 ноября 1864 года. Ч. 3. Учреждение судебных установлений. СПб., 1867; Личная библиотека доцента юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.И. Трусова // СПС Консультант Плюс; Адвокатура: учебник для бакалавров / Отв. ред. Ю.С. Пилипенко. М., Проспект, 2014. С. 149.

уголовной ответственности по заявлению оскорбленного лица¹⁴.

Данные законодательные положения, сформулированные в результате судебной реформы 1864 г., были весьма прогрессивными для исторической действительности XIX века, особенно в части оказания квалифицированной юридической помощи. Некоторые положения этих реформ (но уже в более расширенном виде) нашли отражение в современном уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 53 УПК РФ).

Формализованного кодекса этики присяжных поверенных не было, однако были правила деятельности, установленные Судебными уставами и постепенно формирующимися традициями «адвокатского сословия». Ст. 400–406 Учреждения судебных установлений установили запрет: на покупку и другие способы приобретения прав своих доверителей по их тяжбам; на действия на суде (в качестве поверенного) против своих близких родственников; на одновременное или поочередное представление интересов обеих спорящих сторон; на разглашение тайны своего доверителя, причем не только во время производства, но и после окончания дела¹⁵.

Моральную ответственность, впервые возложенную на адвокатов в процессе, гуманистическую этику их работы образно и ярко представил известный русский адвокат, уроженец г. Троицка Оренбургской губернии Федор Никифорович Плевако: «За прокурором стоит молчаливый, холодный, незыблемый закон, а за спинами защитника – живые люди. Они полагаются на своих защитников, взбираются к ним на плечи, и... страшно поскользнуться с такой ношей!»¹⁶.

Законодательно устанавливались виды ответственности присяжных поверенных: дисциплинарная (по линии Совета), гражданская (за совершение действий, сопряженных с нанесением доверителю материального ущерба, вызванного «небрежным исполнением своих обязанностей», таких, например, как пропуск процессуальных сроков и т.п.) и уголовная (за совершение умышленных действий во вред своим доверителям, например вступление в сношения или сделки с противниками своего доверителя во вред ему и т.п. В таком случае Совет, помимо исключения присяжного поверенного из профессии, мог передать материалы на рассмотрение в суд).

Кроме того, каждый Совет присяжных поверенных регулировал все текущие вопросы деятельности адвокатского сословия, фактически составляя собственные этические стандарты, нормы и правила поведения членов корпорации (сословия). Например, московский Совет своим решением запретил начавшие появляться в газетах рекламные объявления, которые давали присяжные поверенные для продвижения своих услуг, а петербургский Совет высказался против уличных вывесок...

Совет присяжных поверенных мог создать при географически близком окружном суде свое отделение, это делалось в тех случаях, когда в том населенном пункте работало более 10 присяжных поверенных (например, в Новочеркасске изначально было отделение харьковского Совета, позже – лишь в 1904 г. – преобразованное в самостоятельный совет). Дело в том, что уже в 1874 г. вышел сенатский указ о «временном» приостановлении учреждения новых советов присяжных поверенных (чуть позже – и их отделений тоже), так что не имевшие своего совета защитники фактически полностью включались в судебную систему – их работу контролировали не независимые органы самоуправления, как в Петербурге, Москве и Харькове, а судебные власти... Впрочем, одновременно создавались «суррогатные» органы адвокатского самоуправления, например, Распорядительный комитет консултации присяжных поверенных при Киевском окружном суде, который фактически вел такую же работу, как и Совет, но был лишь консультативным органом – дисциплинарную практику вершил суд, хотя и учитывая мнение Комитета.

Важно отметить, что куцая географическая распространенность присяжной адвокатуры была соизмерима и с распространением самих новых судов. Фактически суды нового типа после реформы 1864 г. появились только в «европейской части России», а за Уралом, в Сибири и т.д. они заработали только ближе к концу XIX – началу XX в.

Таким образом, та административная и дисциплинарная власть, которой Судебные уставы 1864 г. наделяли советы, представляла собой выражение идеи о необходимости контроля не только над формальной стороной адвокатской практики, ее соответствием текущему состоянию правовой науки и законодательной базы, но и над этической оценкой действий присяжных поверенных.

В 1866 г. следует отметить непосредственный запуск новой судебной системы и начало работы присяжных поверенных. С этого момента началось создание Советов присяжных поверенных как органов самоуправления адвокатского сословия. Однако за последующие 40 лет было создано лишь три таких Совета: в Москве, Санкт-Петербурге и Харькове. Образование адвокатских Советов в иных губерниях искусственно тормозилось и блокировалось государством административными методами (сенатский запрет 1874 г.), так как адвокаты оказались выведенными из под контроля и зачастую оппозиционно настроенными по отношению к самодержавному режиму. Кроме того, регулярно предпринимались различные попытки реформирования института защитников, предполагавшие в основном ограничение их прав. Такую государственную политику можно назвать если не попытками полного уничтожения российской адвокатуры, то, по крайней мере, совершенно точными ограничениями ее независимого развития.

¹⁴ Грудцына Л. Ю. Адвокатское право: учебно-практ. пособие. М.: Деловой двор, 2009. С. 142.

¹⁵ Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // ПСЗ – II. Т. XXXIX. Ч. 2. № 41475. С. 214.

¹⁶ Плевако Ф.Н. Избранные речи. М.: Юрид. лит., 1993. С. 279.

Также в 1874 г. появился институт частных поверенных, требования к которым (цены, прежде всего, образовательный) были значительно ниже, чем к присяжным поверенным. Первоначально предполагалось, что частные поверенные будут работать только по гражданским делам и в мировых судах, но фактически (в связи с нехваткой высококвалифицированных адвокатов – присяжных поверенных) они работали на всех позициях, в том числе и по уголовным разбирательствам.

Следующие рубежные годы – 1904–1906. После издания в 1905 г. октябрьского Манифеста Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка» и последовавшего за ним законодательства, включая Основные государственные законы от 23 апреля 1906 г., даровавшие подданным Российской империи некоторые гражданские права и свободы, началась общая либерализация режима, выразившаяся в том числе в снятии административных препон к созданию новых Советов присяжных поверенных (хотя новые Советы по высочайшему разрешению начали организовываться даже немного раньше – с 1904 г.).

Наконец, фактически последней хронологической отметкой в истории русской присяжной адвокатуры является 1917 г., когда после Октябрьской революции большевики одним махом отменили как старую судебную систему в целом, так и присяжную адвокатуру. Впрочем, в том или ином виде старые судебные институты и присяжная адвокатура просуществовали на обломках Российской империи примерно до конца 1919 г.¹⁷

В советские времена общее руководство адвокатурой в РСФСР осуществлялось Министерством юстиции РСФСР. Несмотря на то, что коллегии адвокатов имели систему самоуправления, в целом государство осуществляло за деятельностью адвокатуры жесткий контроль. Коллегии адвокатов рассматривались как общественные организации, но могли быть образованы только с одобрения местных государственных органов и республиканского министерства юстиции.

После свержения монархии, в результате революции и установления в России диктатуры пролетариата, традиционная российская адвокатура была упразднена и фактически перестала существовать, произошла резкая смена в направлении развития исследуемого института. На смену коллегиям присяжных поверенных пришли коллегии защитников, видевшие своей основной целью укрепление революционной законности и в какой-то степени «подыгрывание» стороне обвинения в судебном процессе, что шло наперекор с самой природой адвокатуры. Адвокатская деятельность приобрела коллективный характер. Сам термин «адвокат» исчез из лексикона советского юриста той эпохи¹⁸.

Лишь после 40-ых годов XX века гражданское звание «адвокат» вновь было введено в оборот. И хотя во время правления Н. С. Хрущёва и произошло некое усиление роли профессиональных и образованных юристов, получивших более широкие права, фактически вплоть до конца существования СССР адвокатура не могла в полной мере реализовать основной принцип своей деятельности – независимость, так как она имела государственный, а не общественный статус.

В настоящее время адвокатская деятельность регулируется Федеральным законом от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». В соответствии с п. 1 статьи 1 указанного закона адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в установленном законом порядке физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию¹⁹.

Заметим, что в соответствии с частью 1 статьи 45 Конституции РФ в Российской Федерации гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина. То есть в лице своих органов государство обязано защищать права как потерпевшего от преступления человека, так и подозреваемого, обвиняемого, подсудимого лица. И если в первом случае, поддерживая государственное обвинение, государство защищает права пострадавшей стороны, то во втором случае такую защиту осуществляет негосударственная саморегулируемая организация, именуемая адвокатурой, которая находится на самофинансировании, не получая от государства достойной оплаты своих профессиональных юридических услуг²⁰.

Наконец, адвокат, являясь представителем так называемой свободной профессии, членом негосударственной саморегулируемой организации, все возможное делает для того, чтобы получить с клиента как можно больше материальной выгоды за свою работу, в результате обеспеченные клиенты ставятся в неравное положение с клиентами необеспеченными. Данное обстоятельство порой вступает в противоречие с ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, которая каждому гарантирует право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе бесплатной.

Потому все громче звучат голоса о необходимости придания адвокатуре статуса федерального органа исполнительной власти и наделения адвокатов статусом государственного служащего, который по аналогии с прокурором, поддерживающим государственное обвинение, будет поддерживать государственную защиту. При этом не исключается и возможность существования частных адвокатских орга-

¹⁷ Гаврилов С. О. К вопросу о создании советской адвокатуры // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 62-69.

¹⁸ Зайцева А. А., Мустафаева Н. Н. Возникновение и развитие адвокатуры в России // Ученые записки ТОГУ. Том 4. 2013. № 4.

¹⁹ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. Ст. 6, 7, 8, 18. С. 6, 7, 9, 10, 21, 22.

²⁰ Николаева Е. В. Правовые основы адвокатской деятельности // Вопросы науки и образования. 2022. № 1. С. 1-7.

низаций (наряду с деятельностью государственной адвокатуры). Тогда уголовный процесс приобретет долгожданный и такой необходимый для правового государства состязательный характер²¹.

Подводя итоги, можно сказать, что в период проведения судебной реформы 1864 года в России была осуществлена значительная работа по формированию профессиональной адвокатуры, осуществлявшей представительство и защиту интересов клиентов в суде. Присяжные поверенные обладали правом свободного выбора своих клиентов и осуществляли защиту в суде как публичные защитники. Адвокаты обязаны были соблюдать принципы профессиональной этики и действовать в интересах своих клиентов, обеспечивая правовую защиту и соблюдение законности. Институт профессиональной адвокатуры

был одним из наиболее необходимых и прогрессивных для своего времени, поскольку являлся важнейшим механизмом судебной защиты и служил базой для полноценного обеспечения процессуальных прав обвиняемого, основанных на принципах состязательности процесса, чего дореформенная Россия не имела. Особенностью присяжных поверенных была их, хоть и неполная, но законодательно определенная независимость от государственной власти. Данное нововведение, безусловно, способствовало повышению эффективности и объективности правосудия. Судебная реформа 1864 г., несмотря на все последующие кардинальные изменения, заложила фундамент для формирования профессиональной адвокатуры и внесла свою лепту в совершенствование российской судебной системы.

Библиографический список

1. Беньяминова З. Я. Адвокатура как институт гражданского общества: историко-правовой экскурс // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2014. – № 4. – С. 72-78.
2. Бойков А. Д. Независимость адвокатуры // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – №6. – С. 100 - 112.
3. Гаврилов С. О. К вопросу о создании советской адвокатуры // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 4. – С. 62-69.
4. Зайцева А. А., Мустафаева Н. Н. Возникновение и развитие адвокатуры в России // Ученые записки ТОГУ. – Том 4. – 2013. – №4. – С. 45-49.
5. Кони А. Ф. Собрание сочинений в 8 томах. Том 4. Правовые воззрения А. Ф. Кони [Электронный ресурс] // Литмир – Электронная библиотека.
6. Краковский К. П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки // Журнал российского права. – 2014. – № 12. – С. 30–34.
7. Мухаметшин Ф. Б. Институт обвинения и защиты в рамках судебной реформы 1864 года // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3. – С. 155 - 161.
8. Немытина М. В. Российское самодержавие и судебная реформа 1864 г. // Государство и право. – 2015. – № 5. – С. 92-98.
9. Николаева Е. В. Правовые основы адвокатской деятельности // Вопросы науки и образования. – 2022. – № 1. – С. 1-7.
10. Панько Н. Н. Деятельность адвоката-защитника по обеспечению состязательности. – Воронеж, 2000. – 180 с.
11. Плевако Ф. Н. Избранные речи. – М.: Юрид. лит., 1993. – 544 с.
12. Судебная реформа / Под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. ?олянского. – М., 1915. – 254 с.
13. Трошин К. А. О практике реализации органами юстиции контрольных полномочий в сфере адвокатуры // Вестник ХГАЭП. – 2014. – № 6. – С. 60-69.

Рецензент: Бурлуцкая Е.В., проректор Оренбургского государственного педагогического университета по научной работе, д. ист. н., профессор.

²¹ Там же.

КОННОВ АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

судья Ленинского районного суда г. Оренбурга (в отставке), 460000, г. Оренбург,
ул. Пушкинская д, 31, akonnov@list.ru

КОЛЛИЗИИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНЕ РОССИИ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

ALEXEY GRIGORIEVICH KONNOV

Judge of the Leninsky District Court of Orenburg (retired) (460000, Orenburg,
Pushkinskaya str., 31, akonnov@list.ru)

CONFLICTS IN THE CRIMINAL PROCEDURE LAW OF RUSSIA AND WAYS TO ELIMINATE THEM

***Аннотация.** В рамках настоящей статьи автором, с учетом многолетнего практического опыта работы судьей, рассматриваются спорные моменты прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям. Анализируя нормы уголовно-процессуального закона, автор приводит конкретные примеры коллизий, в частности, института прекращения уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Делается вывод о необходимости изменения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** коллизии уголовно-процессуального законодательства, судебный штраф, прекращение уголовного преследования, нереабилитирующие основания, понижение категории преступления, статья 25.1 УПК РФ.*

***Annotation.** Within the framework of this article, the author, taking into account many years of practical experience as a judge, examines the controversial points of termination of criminal prosecution on non-rehabilitative grounds. Analyzing the norms of the criminal procedure law, the author gives specific examples of conflicts, in particular, the institution of termination of criminal prosecution in connection with the imposition of a criminal law measure in the form of a court fine. The conclusion is made about the need to amend the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and a corresponding proposal is made.*

***Keywords:** conflicts of criminal procedure legislation, judicial fine, termination of criminal prosecution, non-rehabilitating grounds, reduction of the category of crime, Article 25.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.*

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – Кодекс, УПК) был введен в действие в 2002 году. На тот момент он был несовершенным, что признавалось как учеными, так и правоприменителями. За период существования Кодекса он подвергался многочисленным изменениям, «латались» старые институты, появлялись новые, при этом не все изменения были удачными, и на текущий момент УПК продолжает быть далеким от совершенства. В нем присутствуют многочисленные коллизии норм, что создает трудности в правоприменительной деятельности.

Я остановлюсь лишь на коллизиях норм, определяющих механизм прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям.

Мое мнение как юриста с многолетней практикой – данный механизм должен быть единым на всех стадиях уголовного судопроизводства, а его применение должно находиться в компетенции органа, осуществляющего то самое уголовное преследование.

До определенного момента так оно и было, но в 2016 году в уголовно-процессуальном законе появи-

лось новое основание прекращения уголовного дела и уголовного преследования, а именно в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Правом прекращения уголовного дела или уголовного преследования по иным нереабилитирующим основаниям, например, в связи с примирением сторон, деятельным раскаянием, УПК РФ наряду с судом наделяет следователя и дознавателя с согласия соответственно руководителя следственного органа и прокурора, и лишь прекращение с назначением судебного штрафа отнесено к исключительной компетенции суда, это первая коллизионная составляющая прекращения по указанному основанию¹.

Далее, согласно ч. 2 ст. 25.1 УПК РФ решение о прекращении по указанному основанию может быть принято судом в любой момент производства по делу, но до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора либо суда апелляционной инстанции – для вынесения решения по делу.

Следует отметить, что такого ограничения для прекращения по иным нереабилитирующим основа-

---

¹ См. об этом также: Жеребятъев И.В., Саюшкина Е.В. Прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа: нерешенные вопросы // Уголовный процесс. 2024. № 6. С. 80-83.

ниям нормы процессуального закона не содержат, при этом различие в условиях прекращения с назначением судебного штрафа и в связи с примирением сторон заключается лишь в том, что для прекращения по последнему основанию необходимо примирение с потерпевшим.

Помимо того, что определенная в законе процедура прекращения с назначением судебного штрафа не является единой по отношению к процедурам прекращения по иным реабилитирующим основаниям, то есть находится в коллизии с ними, на практике лицо, совершившее тяжкое преступление и выполнившее условия для прекращения в связи с примирением сторон, в случае понижения судом категории преступления может быть освобождено судом от уголовной ответственности по указанному основанию, в то время как лицо, загладившее причиненный вред, но не достигшее примирения с потерпевшим, например, в силу его отсутствия, от уголовной ответственности в случае понижения категории преступления освобождено быть не может, поскольку решение о понижении категории преступления может быть принято при установлении приговора.

Вряд ли такую ситуацию можно считать справедливой.

Хочу обратить внимание еще на одну коллизию в нормах, непосредственно регламентирующих процедуру прекращения с назначением судебного штрафа.

Так, согласно ст. 25.1 УПК РФ прекращение по указанному основанию является правом суда при

рассмотрении дела по существу или соответствующего ходатайства следственного органа.

Однако, как следует из норм, регламентирующих процедуру рассмотрения соответствующего ходатайства, по результатам его рассмотрения суд вправе отказать в его удовлетворении только в случаях неподтверждения изложенных в ходатайстве сведений об участии лица в совершенном преступлении фактическими обстоятельствами, установленными при рассмотрении ходатайства, или необходимости прекращения по иным основаниям.

Буквальное толкование данных норм не позволяют суду отказать в удовлетворении ходатайства следственного органа в других случаях, когда принятие решения о прекращении дела будет несправедливым, к тому же нормы, регламентирующие процедуру прекращения по указанному основанию в суде, такого ограничения не содержат, и позволяют суду не прекращать дело, основываясь, допустим, на данных о личности лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование.

Устранение отмеченных противоречий возможно путем внесения изменений в уголовно-процессуальный закон, в частности наделения должностного лица следственного органа с согласия соответственно его руководителя или прокурора правом прекращения уголовного дела или уголовного преследования с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа без обращения с соответствующим ходатайством в суд; исключения из ст. 25.1 УПК РФ части второй.

Библиографический список

1. Жеребятъев И.В., Саюшкина Е.В. Прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа: нерешенные вопросы // Уголовный процесс. – 2024. – № 6. – С. 80-83.

Рецензент: Резепкин А.М., доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

СИВАЕВ ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ

руководитель первого отдела по расследованию особо важных дел (о преступлениях против личности и общественной безопасности) Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Оренбургской области, полковник юстиции, 460014, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Набережная, 25/1, kvozy@inbox.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОКОНЧАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

SIVAEV VIKTOR SERGEEVICH

Head of the first Department for the investigation of particularly important cases (crimes against the person and public safety) of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Orenburg Region, Colonel of Justice 25/1 Embankment Street, Orenburg, 460014, Orenburg Region, kvozy@inbox.ru

PROBLEMATIC ISSUES OF THE END OF THE CRIMINAL CASE AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Аннотация. На основе анализа теоретических и законодательных положений, следственной практики в данной статье раскрыты проблемные вопросы окончания уголовного дела на предварительном следствии, приведены отдельные виды процессуальных ошибок, высказаны предложения о необходимости их устранения в досудебном производстве.

Ключевые слова: Предварительное расследование, окончание предварительного следствия, ознакомление с материалами уголовного дела, процессуальный срок, обвинительное заключение, ходатайство, протокол, участники досудебного производства.

Review. Preliminary investigation, completion of the preliminary investigation, familiarization with the materials of the criminal case, procedural period, indictment, petition, protocol, participants in pre-trial proceedings.

Keywords: Preliminary investigation, completion of the preliminary investigation, familiarization with the materials of the criminal case, procedural period, indictment, petition, protocol, participants in pre-trial proceedings.

Несмотря на то, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) действует уже весьма продолжительное время (более 20 лет), и его нормы неоднократно претерпевали изменения, до сих пор в правоприменительной практике отмечаются пробелы и противоречия в его положениях, вызывающие вопросы как теоретического, так и практического характера.

В данной связи не является исключением и процедура окончания предварительного расследования, которую можно рассматривать как отдельный этап досудебного производства по уголовному делу.

Согласно части 1 статьи 215 УПК РФ, следовательно, признав, что все следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения, уведомляет об этом обвиняемого, о чем составляется протокол в соответствии со статьями 166 и 167 настоящего Кодекса.

Данные положения не просто фактически продолжают спор о том, что считать следственными, а что – процессуальными действиями, но и сами по себе име-

ют логическое противоречие, поскольку, с одной стороны, необходимо удостоверить факт окончания следственных действий, а с другой – составление протокола в соответствии со статьями 166 и 167 УПК РФ предусмотрено именно для следственных действий. Аналогичный порядок предусмотрен и для составления протокола ознакомления с материалами уголовного дела. Таким образом, при формальной трактовке, уведомляя об «окончании следственных действий» следователь продолжает их проводить. Вместе с тем, дискуссия о том, что именно вкладывается российским законодателем в понятие «следственные действия» в юридической литературе идет давно, с изложением различных точек зрения по данному вопросу¹. Настоящая статья не имеет целью подробный разбор имеющихся точек зрения по данному вопросу, поскольку этот спор о терминологии носит больше теоретический характер, и не влияет существенно на практические аспекты окончания уголовного дела.

Очевидно, что процедура уведомления об окончании следственных действий в данном случае под-

---

¹ Россинский С.Б. Еще раз о понятии и сущности следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия не закончена... // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 1. С. 74-83.

разумеает под собой окончание процесса собирания доказательств по уголовному делу и переход к процедуре ознакомления с его материалами, ввиду чего, на наш взгляд, логичнее было бы обозначить её как «уведомление о начале ознакомления с материалами уголовного дела».

Ни при составлении изначальной редакции УПК РФ, ни на всем протяжении его действия в дальнейшем законодатель не предусмотрел ситуации, при которой следователь после уведомления об окончании следственных действий самостоятельно обнаруживает неполноту проведенного следствия (либо данный факт выявляется руководителем или прокурором, которые могут изучить уголовное дело на любой стадии расследования). Вместе с тем, подобные ситуации возникают достаточно часто, так как следователь, подготавливая материалы дела для ознакомления потерпевших и стороны защиты, фактически сам перепроверяет их. Более того, нередки ситуации, когда возможно изъятие уголовного дела и передача его другому следователю именно на указанной стадии. При этом следователь в соответствии со статьей 38 УПК РФ самостоятельно направляет ход расследования, принимает решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, и на практике обычной является ситуация, при которой получивший в свое производство уголовное дело следователь по иному оценивает собранные доказательства, в том числе делая вывод о недостаточности проведенных предшествующих следственных действий.

С учетом отсутствия законодательного запрета, в таких ситуациях представляется целесообразным вынесение следователем постановления о возобновлении следственных действий, с уведомлением об этом лиц, которым ранее было объявлено об окончании следственных действий (необходимость такого уведомления прямо следует из наличия у них права знать об их окончании). Предварительное расследование в данном случае не оканчивалось, так как не выносились решения о прекращении уголовного дела и оно не направлялось прокурору с обвинительным заключением или постановлением о применении принудительных мер медицинского характера, в связи с чем вынесения следователем постановления о принятии к производству не требуется, так как из производства оно не выбывало. В этой же связи является неверной формулировка о «возобновлении предварительного следствия» в данном случае, что подтверждается и позицией Конституционного Суда РФ, согласно которой возобновление предварительного расследования <...> по смыслу части шестой статьи 162, статей 211, 214 и пункта 2 части первой статьи 221 УПК Российской Федерации, применяется к

производству по ранее приостановленным или прекращенным делам, а также при возвращении прокурором поступившего с обвинительным заключением уголовного дела для производства дополнительного следствия². Нормы части 1 статьи 216 и части 1 статьи 217 УПК РФ во взаимосвязи с другими положениями главы 30 «Направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору» УПК Российской Федерации не предполагают, что ознакомление участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела происходит после окончания предварительного следствия, поскольку такое ознакомление осуществляется по окончании лишь следственных действий³.

Следует отметить, что нормы ранее действовавшего УПК РСФСР содержали еще большую неопределенность в части момента окончания предварительного следствия, так как статья 199 данного закона определяла, что производство предварительного следствия заканчивается составлением обвинительного заключения либо постановления о направлении дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера, а из содержания статей 200 и 201 выходило, что перед ознакомлением с материалами уголовного дела и последующим составлением обвинительного заключения следователь уведомлял потерпевшего и обвиняемого не об окончании следственных действий, а как раз об окончании предварительного следствия. При этом время ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела при исчислении срока следствия не учитывалось. Подобный подход к исчислению срока следствия, с одной стороны, являлся логичным, так как срок ознакомления сторон с материалами уголовного дела законом каким образом не определен, и может значительно затянуться как по объективным причинам, так и намеренно, а следователь в это время никакого расследования не производит. С другой стороны, на практике это нередко вызывало злоупотребления со стороны следователей, когда окончание расследования дела без каких-либо последствий откладывалось на неопределенный срок.

Любопытно, что согласно неоднократно выраженной позиции Конституционного Суда РФ на стадии предварительного расследования обвинение хотя и подтверждается собранными доказательствами, но не является окончательным. Обвинение, которое подлежит рассмотрению судом, формулируется на заключительном этапе предварительного расследования – при его окончании и составлении обвинительного заключения в соответствии со статьей 215 УПК Российской Федерации⁴. На практике же внесение ка-

² Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2346-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова Евгения Витальевича на нарушение его конституционных прав частями пятой, шестой и седьмой статьи 109 и частью первой статьи 215 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2024).

³ Определение Конституционного Суда РФ от 25.10.2016 № 2264-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соколова Вадима Дмитриевича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 219 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2024).

⁴ Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2008 года № 857-О-О, от 24 сентября 2013 года № 1301-О и от 25 сентября 2014 года № 1911-О и другие // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2024).

ких-либо изменений в обвинение в рамках составления обвинительного заключения однозначно повлечет за собой возвращение уголовного дела для дополнительного расследования судом в порядке статьи 237 УПК РФ, так как противоречит положениям пункта 4 части 1 статьи 220 УПК РФ, требующим указывать в обвинительном заключении формулировку предъявленного обвинения. То есть обвинения, которое предъявлялось обвиняемому в установленном статьей 172 УПК РФ порядке. Позиция Конституционного Суда Российской Федерации при этом логична только для предварительного расследования в форме дознания, так как при ней обвинительный акт как раз и содержит формулировку окончательного обвинения. Таким образом, при производстве предварительного следствия в случаях, если следователем или руководителем следственного органа уже с последующим уведомлением об окончании предварительного следствия будет усмотрена необходимость внесения изменений в обвинение – производство следственных действий подлежит возобновлению.

Из положений части 1 статьи 217 УПК РФ следует, что ознакомление потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей с материалами уголовного дела должно в обязательном порядке предшествовать аналогичной процедуре с участием обвиняемого и его защитника. Данное правило повсеместно соблюдается и в правоприменительной практике, а отступление от него считается существенным нарушением. Однако представляется, что в действительности порядок предъявления материалов уголовного дела соответствующим участникам уголовного судопроизводства не влияет на соблюдение их прав и законных интересов. Скорее всего, законодатель просто автоматически перенял данные нормы из ранее действовавшего УПК РСФСР, не стремясь оценить целесообразность такого порядка по существу и с учетом необходимости соблюдения разумных сроков судопроизводства. При этом следует обратить внимание на то, что статья 216 УПК РФ, в отличие от статьи 217 УПК РФ, не содержит положений, регламентирующих случаи поступления от потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей ходатайств по итогам ознакомления с материалами уголовного дела. Вместе с тем, другие положения УПК РФ не содержат каких-либо ограничений для заявления указанными лицами ходатайств в зависимости от стадии предварительного расследования, и однозначно следует признать наличие данного права по итогам ознакомления с материалами уголовного дела, иначе смысл данного действия вообще теряется. С учетом отсутствия также ограничения на сроки заявления ходатайства, оно фактически может поступить следователю и уже во время ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого, и следователь будет обязан рассмотреть его в срок, не превышающий

3 суток.

Кроме того, согласно части 1 статьи 219 УПК РФ, в случае удовлетворения ходатайства, заявленного одним из участников производства по уголовному делу, следователь дополняет материалы уголовного дела, что не препятствует продолжению ознакомления с материалами уголовного дела другими участниками. Из указанных положений также следует вывод, как о возможности заявления ходатайства потерпевшим, так и его удовлетворении следователем и возможности проведения определенных дополнительных следственных действий или иных мероприятий.

В развитие этой темы необходимо указать и на то, что законодатель по непонятной причине не предусмотрел прямо случая, когда обвиняемый или иной участник судопроизводства заявляет ходатайство (или несколько) до окончания процедуры ознакомления с материалами уголовного дела, хотя подобное случается довольно часто.

Среди практических работников и в научной литературе также отмечается необходимость законодательного установления срока для подготовки и подачи стороной защиты ходатайства после выполнения требований статьи 217 УПК РФ, например, трех суток. Данные предложения основываются, в том числе, на примере уголовно-процессуального законодательства ряда стран СНГ⁵. Именно такой срок для подачи ходатайства определен уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Узбекистан. Следует отметить, что наличие определенного срока для подготовки ходатайства со стороны защиты в настоящее время обусловлено часто и применением технических средств для ознакомления с материалами уголовного дела. Так, обвиняемыми и защитниками зачастую практикуется фотографирование материалов, без их непосредственного чтения на месте. Очевидно, что в таких случаях ознакомление с содержанием скопированных документов будет занимать время, даже если протокол ознакомления будет формально подписан стороной защиты.

На практике встречается и ситуация, когда стороной защиты или иными участниками судопроизводства по окончании ознакомления с материалами уголовного дела производится заявление о том, что ходатайство будет предоставлено в течение определенного срока, однако в действительности этого не происходит. В таких случаях на практике факт отсутствия ходатайства может оформляться рапортом (справкой следователя), однако иногда встречается и излишняя, на наш взгляд, процессуальная бюрократия в виде вынесения постановления об отказе в удовлетворении ходатайства ввиду его отсутствия.

Отдельного рассмотрения заслуживает ситуация, связанная с затягиванием участниками судопроизводства сроков ознакомления с материалами уголовного дела. При этом законом предусмотрен механизм

⁵ Багрян А.А. Процессуальные правила заявления ходатайства адвокатом-защитником на заключительном этапе предварительного следствия // Адвокатская практика. 2021. № 6. С. 42-46.

преодоления такого злоупотребления стороной защиты: согласно части 3 статьи 217 УПК РФ, если обвиняемый и его защитник, приступившие к ознакомлению с материалами уголовного дела, явно затягивают время ознакомления с указанными материалами, то на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьей 125 настоящего Кодекса, устанавливается определенный срок для ознакомления с материалами уголовного дела. Вместе с тем, для потерпевшего аналогичные нормы прямо не прописаны. На практике же ситуация затягивания ознакомления потерпевшим вполне реальна. Это может быть вызвано как несогласием с результатами расследования (квалификацией преступных деяний, количеством привлеченных к уголовной ответственности лиц или их персоналиями и т.д.), так и иными факторами, в том числе сотрудничеством со стороной защиты. В уголовных делах публичного обвинения такая ситуация может возникнуть уже с самого начала расследования, или напротив, реализоваться в его заключительных этапах.

Выход видится в бланкетном характере части 2 статьи 216 УПК РФ, указывающей, что ознакомление потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей проводится в порядке, установленном статьями 217 и 218 настоящего Кодекса. Таким образом, установленный механизм ограничения времени ознакомления с материалами дела через судебное решение применим и к иным участникам судопроизводства. Подобная точная зрения разделяется и в научной литературе⁶. Правоприменительная практика также знает примеры успешного ограничения потер-

певших во времени ознакомления с материалами уголовного дела.

С этим вопросом также связана и достаточно распространенная ситуация, когда обвиняемый умышленно под конец ознакомления с материалами уголовного дела меняет защитника, при этом последнему необходимо приступить к ознакомлению с материалами дела с самого начала. В таких случаях достаточно сложно разграничить злоупотребление правом и необходимость соблюдения права на защиту.

Следует отметить, что в действующем законодательстве не урегулирован вопрос продления сроков дознания, предварительного следствия, мер пресечения (избираемых на определенный срок), а также ареста на имущество лиц, не являющихся обвиняемыми. Вместе с тем, очевидно, что по объемным и сложным делам процедура ознакомления с материалами может длиться месяцами.

В заключение следует обратить внимание и на очевидное ограничение прав руководителя следственного органа на стадии окончания уголовного дела. Так, законом вообще не предусмотрен срок для изучения уголовного дела с составленным следователем обвинительным заключением, при этом свое решение о согласии с обвинительным заключением или возвращении уголовного дела для дополнительного расследования руководитель должен вынести строго в имеющийся срок предварительного следствия. В этой связи представляется разумным предоставить руководителю срок, аналогичный имеющемуся у прокурора (10 суток с возможностью продления до 30), не входящий при этом в срок предварительного следствия.

Библиографический список

1. Багрян А.А. Процессуальные правила заявления ходатайства адвокатом-защитником на заключительном этапе предварительного следствия // Адвокатская практика. – 2021. – № 6. – С. 42 – 46.
2. Ринчинов Б.А. Ознакомление с материалами уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российский судья. – 2015. – № 1. – С. 24–27.
3. Россинский С.Б. Еще раз о понятии и сущности следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия не закончена... // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 1. – С. 74 – 83.

Рецензент: Резепкин А.М., доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

⁶ Ринчинов Б.А. Ознакомление с материалами уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2015. № 1. С. 24-27.

ТИСЕН ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА

начальник Юридического управления Росфинмониторинга, консультант ООН по противодействию финансированию терроризма с использованием виртуальных активов, доктор юридических наук, 107450, Москва, К-450, ул. Мясницкая, дом 39, строение 1, olga-tisen@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ И ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТ

TISEN OLGA NIKOLAEVNA

Head of the Legal Department of Rosfinmonitoring, UN Consultant on countering the financing of terrorism using virtual assets, Doctor of Law (39 Myasnitskaya str., building 1, Moscow, K-450, 107450, olga-tisen@yandex.ru)

FEATURES OF THE ESTABLISHMENT AND CONSOLIDATION OF DIGITAL TRACES IN CASES OF CRIMES COMMITTED USING CRYPTOCURRENCIES

Аннотация. В статье описывается методика установления и закрепления цифровых следов, отслеживания криптовалютных транзакций в целях выявления и расследования преступлений. Рассматриваются проблемы, возникающие в ходе расследования уголовных дел, связанных с криптовалютами, приводятся пути их возможного решения. Анализируются поколения криптовалют, их виды и классификация, а также имеющиеся на сегодняшний день виды криптокошельков.

Ключевые слова: криптовалюта, криптокошелек, виртуальные активы, блокчейн, майнинг, преступления с использованием криптовалют, электронно-цифровые следы, фиатные деньги.

Annotation. The article describes a technique for establishing and consolidating digital traces, tracking cryptocurrency transactions in order to identify and investigate crimes. The problems arising during the investigation of criminal cases related to cryptocurrencies are considered, and ways of their possible solution are given. The generations of cryptocurrencies, their types and classification, as well as the types of cryptocurrencies available today, are analyzed.

Keywords: cryptocurrency, crypto wallet, virtual assets, blockchain, mining, crimes using cryptocurrencies, electronic digital traces, fiat money.

Официальная статистика совершения преступлений с использованием криптовалют в России, как и в большинстве стран мира отсутствует. Однако число фактов зарегистрированных деяний этой категории не может отражать реальную картину в силу высокой анонимности криптовалют, децентрализованности их выпуска и обращения, отсутствия единых механизмов противодействия их использованию в противоправных целях.

На сегодняшний день криптовалюта и другие виртуальные активы¹ на законодательном уровне

не признаны имуществом для целей применения УК РФ. Однако результаты анализа судебной практики² подтверждают, что суды стали рассматривать криптовалюты в качестве предмета преступлений различных категорий уже более 10 лет назад, хотя в практике встречаются негативные примеры.

Преступления рассматриваемой категории условно можно разделить на три группы:

1. Преступления, совершенные с использованием криптовалют, в которых криптовалюты использова-

---

¹ Виртуальные активы (ВА) – виртуальные активы, цифровое выражение ценности, которое может виртуально обращаться или переводиться и быть использовано для платежных или инвестиционных целей. ВА не включают в себя цифровое выражение фиатных валют, ценных бумаг и других финансовых активов, которые упомянуты в Рекомендациях ФАТФ // Виртуальные валюты. Ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ: отчет ФАТФ, июнь 2014 // https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/FATF_documents/FATF_Guidances/ROP_Virtualnye_valyuty.pdf.

² Апелляционный приговор ВС РФ от 13.09.2018 по делу № 127-АПУ18-8; приговоры Советского районного суда г. Красноярска от 02.06.2016 г по делу № 1-457/2016, от 20.02.2017 по делу № 1-41/2017 (1-512/2016), приговор Ленинского районного суда г. Воронежа от 14.08.2017 по делу № 1-181/2017, приговоры Ленинского районного суда г. Саранска от 02.05.2017 по делу № 1-87/2017, от 05.06.2017 по делу № 1-100/2017, от 15 июня 2017 г. по делу № 1-102/2017, приговор Металлургического районного суда г. Челябинска от 15.06.2017 по делу № 1-355/2017, приговор Октябрьского районного суда г. Саранска от 08.12.2017 по делу № 1-301/2017, приговор Советского районного суда г. Челябинска от 16.06.2018 по делу № 1-297/2018, приговор Ялтинского городского суда Республики Крым от 30.08.2017 по делу № 1-337/2017.

лись для конспирации преступной деятельности и/или в качестве средства платежа³;

Фактически с использованием криптовалют может быть совершено любое преступление, предполагающее получение дохода или использование/перевод средств платежа.

2. Преступления, в которых криптовалюта является предметом преступного посягательства (кражи, мошенничество, грабежи и т.д.)⁴;

3. Преступления, связанные со злоупотреблениями при совершении майнинга (ст. 165, 159 УК РФ)⁵.

Криптовалюта используется преступниками, прежде всего, в целях конспирации преступной деятельности и уклонения от ареста и конфискации преступных активов.

Как правило преступления, совершенные с использованием криптовалют, выявляются при расследовании уголовных дел о деяниях, совершенных «традиционным» способом в ходе проведения следственных действий: осмотра места происшествия, допросов, осмотра вещественных доказательств и т.д. Исключения составляют преступления, в которых криптовалюта была предметом преступного посягательства, которые чаще всего выявляются после заявления потерпевших.

Результативное выявление и расследование преступлений, совершенных с использованием криптовалют, возможно лишь при знании сотрудниками правоохранительных органов основных особенностей функционирования блокчейна, провайдеров услуг виртуальных активов, установления и фиксации электронных следов таких деяний, использования современных криминалистических достижений и возможностей судебных экспертиз.

Требования времени диктуют необходимость изучения оперуполномоченными, следователями, прокурорами новых отраслей знаний и технологий, без применения которых эффективное противодействие преступности в действующих реалиях невозможно. В свою очередь расширение масштабов использования криптовалют в преступной деятельности обуславливают необходимость владения базовыми знаниями о функционировании блокчейна судьями и адвокатами.

При производстве по делам этой категории важно помнить, что упущение на первый взгляд незначительных деталей при осмотре места происшествия, электронных устройств и носителей информации может привести к невозможности установления обстоятельств произошедшего, ареста и конфискации

криптовалют. Необходимо обнаружить и изъять все электронные устройства, которым вероятнее всего пользовались причастные к преступлениям с использованием криптовалют, электронно-цифровые и иные следы, свидетельствующие о преступной деятельности, возможные носители приватных ключей от криптокошельков.

Без обнаружения, фиксации и придания статуса доказательств электронно-цифровым следам, оставленным в результате совершения преступлений этой категории, их выявление и доказывание возможно исключительно в случае содействия подозреваемого/обвиняемого.

Следы совершения преступлений с использованием криптовалют могут содержаться на электронных устройствах, находящихся в пользовании подозреваемого/обвиняемого: смартфонах, планшетах, компьютерах. Впоследствии они подлежат осмотру в рамках ОРМ и/или следственных действий и в процессе производства компьютерной экспертизы.

Нередко сотрудники правоохранительных органов высказывают мнение о том, что преступления, совершенные с использованием криптовалют, невозможно раскрыть, что на практике может привести к безнаказанности преступников. Однако анонимность использования криптовалюты в открытых блокчейнах – миф. Сведения об открытых транзакциях может просмотреть любой пользователь на сайтах обозревателей блоков, например, localmonero.com, btc.com, etherscan и др. Транзакции делятся на стандартные – перечисление активов от одного криптокошелька к другому, и генерирующие – передача полученных средств майнеру в качестве вознаграждения за выработанную криптовалюту. При этом информация о каждом узле открытого блокчейна сохраняется в нем.

Для документирования факта совершения преступлений с использованием криптовалют, их последующего ареста и конфискации⁶, помимо традиционных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий необходимо отследить транзакцию. При этом в целях дальнейшего использования полученной информации в качестве доказательства по уголовному делу все действия оперуполномоченного/следователя должны быть пошагово зафиксированы в протоколе с приложением фототаблицы и (или) видеозаписи.

Сведения об открытых транзакциях может просмотреть любой пользователь на сайтах обозревателей блоков бесплатно. Популярными обозревателя-

³ Определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2022 № 77-553/2022, от 15.07.2021 №77-2229/2021, от 08.07.2021 № 77-2173/2021, 01.06.2021 № 77-1947/2021, от 20.05.2021 № 77-1371/2021; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 14.07.2021 № 77-3233/2021; кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27.01.2022 № 77-229/2022.

⁴ Кассационные определения Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06.06.2023 по делу № 77-1296/2023, от 01.07.2021 по делу № 77-1255/2021, от 24.06.2021 № 77-1411/2021.

⁵ Постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 17.05.2023 № 77-751/2023; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13.09.2022 № 77-2407/2022; Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.08.2022 № 77-3554/2022.

⁶ В связи с отсутствием правового регулирования этой сферы на практике в России арест накладывается не на криптовалюту, а на фиатные деньги, в которую конвертирована криптовалюта, или на десктопные криптокошельки, изъятые у подозреваемых/обвиняемых.

ми являются Coinmarkercap explorer (BTC, ETH, LTC, Binance Coin); Blockchain.com (BTC, ETH, BTC Cash, BTC testnet, BCH testnet); Etherscan.io (ERC20, ERC721, ERC1155); Tronscan (USDT, USDC, USDD, TUSD, USDJ, JST, BDD); CardanoScan (ADA); Solscan.io (Solana).

В открытых блокчейнах отображаются следующие сведения, которые могут использоваться в доказывании:

- дата и время совершения транзакций;
- адреса кошельков отправителя и получателя (открытый ключ);
- количество отправленной/полученной криптовалюты;
- сумма комиссии за осуществление транзакции;
- зашифрованный идентификатор транзакции (хеш, TXID, который подтверждает достоверность транзакции и служит для ее проверки).

Совершение транзакции Биткойн состоит из следующих этапов:

1. Создание операции.
2. Проставление «подписи» на разрешение транзакции, которая доказывает принадлежность активов владельцу кошелька.
3. Трансляция операции в сети Биткойн для проверки перевода и достижения операции в каждый узел.
4. Подтверждение транзакции и добавление ее в историю блоков (именно за это майнеры получают вознаграждение).
5. Запись сведений об операции в публичный реестр.
6. Поступление криптовалюты на кошелек получателя.

Методика выявления и доказывания преступлений анализируемой категории для различных видов криптовалют не одинакова. Процесс мониторинга транзакций и идентификации владельца криптокошелька может отличаться в зависимости от типа криптовалют, используемых при совершении преступлений.

Для эффективного противодействия использованию криптовалют в преступных целях необходимо учитывать их виды и свойства, которые определяют возможность или невозможность их отслеживания, фиксации электронных следов, конфискации криптовалют и установление их владельца⁷.

Для решения вопроса о возможности ареста, изъятия, блокировки (замораживания) криптовалюты, полученной преступным путем или предназначенной для совершения преступлений, в том числе финансирования терроризма, важно учитывать виды криптокошельков и криптобирж/обменников, которыми пользуются преступники.

Блокчейн («block» – блок, «chain» – цепочка) – это полная история транзакций децентрализованной системы, которую невозможно изменить, поскольку истинной информацией о транзакциях обладают все

участники децентрализованного сообщества одновременно. В основе криптовалюты первого поколения Bitcoin лежит хеш-функция sha-256, позволяющая обеспечивать безопасность данных и их защиту от несанкционированной модификации. Каждой транзакции в блокчейне присваивается уникальный номер, привязанный к криптокошельку, что позволяет отслеживать транзакцию в открытом блокчейне.

Блокчейн – это виртуальная база данных, где фиксируется информация обо всех транзакциях и о том, сколько монет хранится на каждом счете. Это технология, обеспечивающая безопасность и прозрачность криптовалютных транзакций с использованием криптографии.

Технология блокчейн является неотъемлемой основой любой криптовалюты. Блокчейны подразделяются на открытые (например, Bitcoin), закрытые (Monero) и гибридные блокчейны.

Криптовалюты подразделяются на децентрализованные, псевдодецентрализованные, криптовалюты платформ, стейблкоины и игровые валюты. От вида криптовалют, которые использовались в совершении преступления, зависят особенности деятельности по противодействию их использованию в противоправных целях.

1. Децентрализованные валюты чаще всего фигурируют в уголовных делах и финансовых расследованиях этой категории. Они выпускаются посредством майнинга неограниченным числом пользователей, у них отсутствует регулятор или организация, осуществляющая контроль за ними.

Транзакции децентрализованных криптовалют, осуществленные без посредника, невозможно заблокировать (заморозить), отменить или подвергнуть конфискации. Самыми распространенными децентрализованными криптовалютами являются Bitcoin, Ethereum, Elastos, Tezos, IOTA, Chainlink, Zilliga.

Выпуск децентрализованных криптовалют осуществляется с помощью майнинга, не зависит от государства, не привязан к экономике каких-либо административно-территориальных единиц или географическим координатам, компании-эмитента, разработчиков и третьих лиц, контролируется сообществом. Их особенностью является отсутствие посредника при выпуске, поскольку децентрализованными криптовалютами управляют пользователи публичного блокчейна. Управление и доступ к децентрализованным криптовалютам осуществляется посредством приватного ключа. При этом транзакции таких криптовалют можно отследить в публичном блокчейне в свободном доступе в Интернете, однако владелец криптовалют останется неизвестным публичному сообществу.

2. Псевдодецентрализованные криптовалюты отличается централизованная эмиссия монет разработчиками/компаниями. Их выпуск зависит от криптографического алгоритма, подчинен воле разработчиков и основателей выпустивших их компании.

⁷ Подробнее об этом см.: Тисен О.Н. Отслеживание криптовалютных транзакций в целях расследования преступлений // Уголовный процесс. 2024. № 2. С. 54-60.

Как правило, эти виды криптовалют характеризуются ограниченной эмиссией и не могут добываться посредством майнинга.

Транзакции псевдоцентрализованных криптовалют можно отменить, заблокировать (заморозить), вернуть средства на кошелек пользователя и конфисковать. Как правило, псевдодецентрализованные криптовалюты используются в юрисдикциях, в которых действует правовое регулирование оборота виртуальных активов.

К псевдодецентрализованным криптовалютам относятся Bitcoin Cash, XRP, EOS, Tron и другие.

3. Криптовалюты платформ – расчетная единица, универсальный токен платформ, сервиса или компании, которые привязаны к инфраструктуре платформы, способствуют ее развитию и привлечению новых пользователей.

Распространенными криптовалютами платформ являются BNB, NEM, Waves, KuCoin и др.

4. Стейблкоины – централизованные цифровые активы, стоимость которых привязана к реальным или виртуальным ценностям: валюте, золоту, нефти, драгоценным камням, реке – криптовалютам, и т.д. и в большинстве случаев регулируются нормами права. Залоговый депозит при этом находится у третьей стороны.

Виды стейблкоинов:

- фиатные – обеспеченные фиатными валютами: USDT, USDC, TUSD;

- товарные – обеспеченные биржевыми товарами: золотом, нефтью, драгоценными металлами (например, BUSD, DGX, RAXG, XAUT);

- криптовалютные – обеспечены другими криптовалютами (например, Dai, EOSDT);

- алгоритмические - децентрализованные стейблкоины, стабильность цены которых обеспечивается за счет математических алгоритмов управления их общего количества по аналогии к подходам центральных банков к денежной эмиссии (UST, USDN, FEI). Примеры стейблкоинов: USDT, USDN, UST, USDC, TUSD, BUSD, Tether, DigixDAO, Dai, NuBits, Basecoin, EOSDT.

5. Игровые криптовалюты – виртуальные активы, используемые для расчета в интернет-играх.

Иногда преступники пользуются для совершения транзакций анонимными криптовалютами, особенностью которых является полное или частичное сокрытие данных о транзакциях в блокчейне, в том числе адресов отправителей и получателей, суммы сделки и т.д. Популярными анонимными криптовалютами являются: Monero, Dash, Zcash, SmartCash, Pivx, Verge, Horizen, Navcoin, Komodo. Важно отметить, что для конвертации анонимных криптовалют в фиатные деньги необходимо обратиться к ПУВА, в том числе требующим проведения верификации. Именно это дает возможность получить информацию о причастных к конкретному криптокошельку, используемому для совершения преступления. С 2020 г. существуют обозреватели анонимных криптовалют, к числу которых относятся: explorer.dash.org,

explorer.zcha.in, localmonero.co и др.

На 01.09.2024 выпущено 3 поколения криптовалют:

1. Blockchain 1.0 (2009 г.) характеризуется публичными взаимосвязанными транзакциями, которые подтверждаются участниками в децентрализованном порядке. Криптовалюты первого поколения добываются в результате майнинга, транзакции с ними можно отслеживать в свободном доступе в Интернете. Примерами таких криптовалют являются Bitcoin, Litecoin MDASH и другие.

2. Поколение Blockchain 2.0 (2016 г.) связано с появлением децентрализованных приложений и возможностью применения в отношениях с использованием криптовалют смарт-контрактов, существенно изменивших процессы в этой сфере. Второе поколение связано с появлением Ethernium.

Применение смарт-контрактов в блокчейне позволило проводить процедуру ICO независимо от регуляторов с минимальными юридическими процедурами.

3. Blockchain 3.0 работает без майнеров и блоков, основан на прямом ациклическом графе с меняющейся структурой Directed Acyclic Graph и связан с появлением в системе блокчейна программных продуктов, приложений и облачных технологий, позволяющих его использовать без участия платежных и финансовых систем.

Для того, чтобы отследить транзакцию в открытых блокчейнах, нужно знать TxID транзакции.

TxID транзакции – ее порядковый номер, ID транзакции (Transaction ID) – публичная информация, являющаяся подтверждением перевода, которая представляет собой последовательность цифр и букв. TxID имеют транзакции на блокчейне Биткоинов, Ethereum, Litecoin и др. Хеш транзакции не содержит сведения о владельце криптовалюты, он является идентификатором конкретной транзакции.

Для того, чтобы узнать TxID транзакции, нужно изучить сведения об истории переводов. Например, TxID транзакции на криптобирже Binance можно найти в разделе с информацией об истории переводов в разделе «кошелек».

Чтобы найти TxID транзакции в кошельке Tron, нужно открыть историю переводов, нажать на транзакцию, после чего над сведениями о ее дате появится порядковый номер транзакции.

Например, TxID транзакции Биткойн выглядит так: a1075bd55d416d3ca199f55b6984e2115d9345e16c5cfc80e9d5fbf5d48d

Пример TxID транзакции Ethereum: 0xb4dc263278d3f77a652a8d73a6bfd8ec0ba1a63923bbb4f38147fb8a943da36d

Для того, чтобы проверить статус транзакции, достаточно знать одно из следующих данных: TxID, адрес получателя или отправителя криптовалюты, номер блока.

Чтобы отследить транзакцию в биткойн-обозревателе, нужно:

1) зайти на сайт сервиса, скопировать TxID пла-

тежа или адрес получателя/отправителя криптовалюты;

- 2) открыть биткойн-трекер;
- 3) вставить TxID или адрес криптокошелька в строку поиска;
- 4) нажать Enter;
- 5) изучить появившиеся сведения о подтвержденных транзакциях.

С помощью обозревателей BTC можно установить следующую информацию о транзакциях:

- номер блока ID;
- адреса отправителя и получателя;
- TxID транзакции;
- статус операций и количество подтверждений переводов;
- дату создания перевода;
- размер операции в байтах;
- сумму входов и выходов;
- размер комиссии криптобиржи/обменника за операцию;
- информацию об использовании услуги ускорения операции;
- сумму транзакции вместе с размером комиссии за нее.

Как правило, штатные и универсальные обозреватели блоков не имеют функции визуализации транзакций, а предоставляют сведения лишь в виде текста со сложной структурой, расшифровка которого вручную весьма трудозатратна. Кроме того, общедоступные обозреватели транзакций не предусматривают функции постановки интересующего криптокошелька на контроль и не всегда позволяют отнести отдельные криптокошельки к ПУВА, а значит не позволяют получить информацию об участниках транзакций. Установить связь между конкретными криптокошельками, идентифицировать криптоадрес позволяют специальные сервисы, доступ к которым, как правило, предоставляется за отдельную плату.

В России разработан эффективный сервис анализа криптовалютных транзакций «Прозрачный блокчейн», принадлежащий Российской Федерации в лице Росфинмониторинга, доступ к которому предоставляется правоохранительным органам бесплатно. Помимо функций отслеживания и визуализации транзакций, он обладает собственной аналитической моделью скоринговой оценки и уникальной базой данных криптокошельков, позволяет связать их с конкретными криптобиржами и обменниками. Сервис автоматически собирает и анализирует информацию из Интернета, включая соцсети и DarkNet, в режиме online, распределяет полученную информацию по заданным критериям. В актуальной версии ПБ позволяет отслеживать криптовалютные транзакции с использованием более 20 популярных криптовалют.

«Прозрачный блокчейн» содержит постоянно пополняемый список размеченных криптокошельков и участников транзакций с возможностью их филь-

рации по принадлежности к противоправной деятельности, конкретным криптобиржам и обменникам. Пользователь может сохранить и загрузить информацию об адресе, его владельце или транзакции, которая будет видна только ему. С помощью программы можно получить отчеты на конкретные даты с разбивкой по времени и биржам, что необходимо для доказывания факта совершения преступления и определения стоимости предмета преступления.

Имея исходный адрес транзакции (кошелек), можно отследить входящие и исходящие транзакции, построить путь перемещения криптовалюты, определив по конкретным признакам ее характер (обмен, оплата услуг, транзит).

На основании полученных сведений о криптобиржах и обменниках правоохранительные органы могут инициировать запросы в криптобиржи и обменники и получить сведения о владельцах криптоадресов⁸.

Сервис максимально прост в использовании. Для доступа к программе специально оборудованное рабочее место не требуется. Необходимо ввести в поисковой строке браузера название сайта, а затем – предоставленный Росфинмониторингом индивидуальный логин и пароль для входа. Росфинмониторинг предоставляет логины и пароли сотрудникам МВД России, ФСБ России, Следственному комитету Российской Федерации и Генеральной прокуратуры, прежде всего через «Личный кабинет» правоохранительного органа.

Сервис позволяет установить следующую информацию:

- дата и время транзакций;
- размер отправляемой в рамках транзакции криптовалюты;
- полный путь транзакций криптовалюты с визуализацией информации в виде картинки;
- хэш изучаемого адреса (он же hash ID);
- общее количество транзакций по адресу, количество входящих и исходящих транзакций;
- количество полученной и потраченной криптовалюты, баланс на время анализа криптовалютного адреса;
- сведения о владельце/распорядителе анализируемого адреса;
- отправные точки построения схемы движения криптовалют, входящие и исходящие адреса;
- источник поступления криптовалюты;
- криптобиржу/криптообменник, используемый преступниками;
- иную информацию.

При анализе сведений о транзакциях необходимо иметь в виду, что следы отдельных операций с криптовалютой могут быть выявлены на этапе конвертации. Связующим звеном между кредитной организацией, с помощью которых злоумышленники получают возможность получить фиатные деньги из криптовалюты, являются криптовалютные биржи и об-

⁸ Подробнее об этом см.: Тисен О.Н. Установление владельцев криптокошельков, обнаружение и изъятие частных ключей при расследовании уголовных дел // Уголовный процесс. 2024. № 1. С. 78-84.

менники, в которые можно послать запрос. Несмотря на то, что в России деятельность криптобирж, обменников и крипто-депозитариев не регулируется, они все-таки нередко предоставляют правоохранным органам информацию о владельцах криптовалюты. Практика получения информации у криптобирж и обменников по результатам направления запроса уже сформирована МВД России. Согласно ч. 4 ст. 21 УПК РФ, требования, поручения и запросы следователя и дознавателя обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами. Таким образом ПУВА обязаны предоставлять правоохранным органам имеющуюся информацию.

На практике чаще всего фигуранты уголовных дел пользуются ПУВА, находящимися на территории других государств, которые стремятся игнорировать запросы правоохранных органов других стран. Однако имеются факты получения информации от ПУВА, зарегистрированных на территории Узбекистана, Казахстана и Белоруссии.

Время совершения преступления устанавливается путем изучения транзакций хеш-кода пользователями и их осмотра. В открытых блокчейнах представлена информация о точном времени осуществления операции. При фиксации факта совершения транзакций важно обращать внимание на точность указания в процессуальных документах времени совершения транзакций. Важно учитывать, что время в блокчейне указывается по Гринвичу (среднее солнечное время меридиана, проходящего через прежнее место расположения Гринвичской королевской обсерватории около Лондона). Время по Гринвичу составляет: – 3 часа от часового пояса Москвы и Минска; + 6 часов от часового пояса Астаны и Бишкека; + 5 часов от часового пояса Ашхабада, Душамбе и Ташкента; + 5:30 от часового пояса Нью-Дели, + 8 часов от часового пояса Пекина.

Неточности при указании времени совершения транзакции могут повлечь за собой искажение обстоятельств преступления, возникновение/опровержение алиби у подозреваемых и существенно отразиться на доказывании.

Все действия должностных лиц должны быть пошагово зафиксированы в протоколе с приложением фототаблицы и (или) видеозаписи, при необходимости осуществляться с участием специалиста и (или) понятых.

Важно указать в протоколе марку, модель, тип и наименование устройств, которые использовались в ходе следственных действий. В процессуальных документах необходимо отразить реквизиты криптокошельков и криптовалюты, наименование и другие сведения о криптобирже/обменнике, сведения о транзакциях. В случае участия в следственном действии подозреваемого/обвиняемого, в протоколе фиксируется его позиция, согласие или отказ в предоставлении приватного ключа.

При производстве по делам о преступлениях, со-

вершенных с использованием криптовалют, важно помнить, что упущение, на первый взгляд, незначительных деталей при осмотре места происшествия, электронных устройств и носителей информации может привести к невозможности установления обстоятельств произошедшего, ареста и конфискации криптовалют. Необходимо обнаружить и изъять все электронные устройства, которым вероятнее всего пользовались причастные к финансированию терроризма с использованием криптовалют, электронные и иные следы, свидетельствующие о преступной деятельности, возможные носители приватных ключей от криптокошельков.

Часто для доступа к криптокошельку фигуранты используют «холодные» аппаратные криптокошельки, смартфоны, планшеты и ноутбуки, в которых сохранен приватный ключ или специальные приложения. Поэтому очень важно в ходе задержания, осмотра места происшествия и обыска изъять все электронные устройства, которыми могли пользоваться преступники и их сообщники. На практике в ходе обыска в жилище, по месту работы фигурантов изымаются все обнаруженные электронные устройства, в том числе принадлежащие членам семьи и близким лицам фигурантов (с их слов), поскольку соучастники преступления могут умышленно выдавать свои устройства за принадлежащие другим лицам, чтоб сохранить активы в виде криптовалюты.

Изъятие «холодных» криптокошельков, как правило, обеспечивает возможность ареста и конфискации криптовалюты, добытой преступным путем. Однако в практике многочисленны случаи, когда аппаратные и бумажные криптокошельки не изымались в ходе обыска, осмотра места происшествия только потому, что сотрудники правоохранных органов не знали, что это такое. В результате изъятие преступных активов стало невозможным.

При закреплении электронных следов по делам рассматриваемой категории важно принимать во внимание природу криптовалютных кошельков и адресов.

Криптовалютный кошелек – это программное или аппаратное средство, позволяющее хранить, отправлять и получать криптовалюту.

При создании кошелька пользователь получает доступ к нему в виде открытого (публичного) и закрытого (приватного) ключа.

«Горячий» (программный) криптокошелек – программа, установленная на смартфон/компьютер, с постоянным доступом в Интернет. Горячие кошельки обеспечивают онлайн-хранение активов. Это облачные онлайн-кошельки, кошельки-надстройки к браузеру, мобильные приложения и программы для персонального компьютера, биржевые (кастодиальные) кошельки.

Десктопный криптокошелек обеспечивает хранение криптовалют на персональном компьютере и требует наличия значительного объема свободной памяти на устройстве, в связи с чем нередко пользователи применяют для этих целей внешний жесткий диск. Изъя-

тие как внешнего жесткого диска, так и самого устройства, на котором установлен дескопный криптокошелек, в дальнейшем позволяет конфисковать криптовалюту, полученную преступным путем, или предназначенную для совершения преступлений.

Существуют также дескопные сервисы, которые не являются «холодными». С помощью браузерных криптокошельков, основанных на технологии облачного хранения, пользователь имеет возможность управлять криптовалютой с любого электронного устройства: смартфона, планшета, компьютера. Электронные следы браузерных криптокошельков можно обнаружить в ходе осмотра электронных устройств, изъятых у фигуранта, или производстве компьютерной экспертизы.

Мобильный криптокошелек – это приложения для смартфонов, работающие на системах Android и IOS, позволяющие быстро управлять криптовалютами, хранящимися в них.

«Холодный» (аппаратный) криптокошелек – устройство, предназначенное для хранения открытых, закрытых ключей и управления криптовалютой без постоянного подключения к Интернету. Аппаратный кошелек подключается к компьютеру или смартфону через USB-порт. Закрытый ключ встроен в аппаратный кошелек, поэтому его нельзя взломать через Интернет.

«Бумажный» криптокошелек – сгенерированный с использованием возможностей специальных сайтов приватный и публичный ключи, которые возможно записать, сохранить в файле или, например, заметках на смартфоне или планшете, на устройстве или физическом носителе. Ключи, сгенерированные таким способом, нигде не дублируются, их резервные копии не создаются, поэтому их потеря равноценна утрате содержимого криптокошелька.

Сведения о приватном и публичном ключах мо-

гут быть обнаружены в ходе осмотра/обыска жилища, места работы/пребывания подозреваемых или в их электронных устройствах. Нередко пользователи сохраняют приватные и открытые ключи в файлах на компьютерах, заметках в смартфонах или просто записывают их в блокноте, на листах с клейким краем, приклеивают их на монитор или хранят на компьютерном столе. Важно обнаружить такие заметки в ходе осмотра жилища фигуранта, не упустить из виду записи ключей, зафиксировать их и изъять. Уничтожение записи с приватным ключом может привести к невозможности доступа к содержимому криптокошелька даже в случае согласия привлеченных к уголовной ответственности сотрудничать с правоохранительными органами, если приватный ключ не зафиксирован им на других носителях.

В ходе личного досмотра или личного обыска подозреваемых/обвиняемых может быть обнаружен аппаратный или бумажный криптокошелек, а также электронное устройство, содержащее следы преступления, совершенного с использованием криптовалют.

Особенности изъятия электронных носителей информации при производстве следственных действий закреплены в ст. 164.1 УПК РФ. Согласно ч. 2, 3 ст. 164.1 УПК РФ, электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста, которым может быть произведено копирование содержащихся на них сведений по решению следователя, по ходатайству законного владельца или обладателя. С учетом возможности дистанционного перевода криптовалюты на подконтрольный подозреваемому/обвиняемому криптокошелек, передача участникам уголовного судопроизводства и иным лицам скопированной информации с изымаемых электронных устройств по рассматриваемой категории уголовных дел нецелесообразна.

Библиографический список

1. Тисен О.Н. Отслеживание криптовалютных транзакций в целях расследования преступлений // Уголовный процесс. - 2024. - № 2. - С. 54-60.
2. Тисен О.Н. Установление владельцев криптокошельков, обнаружение и изъятие приватных ключей при расследовании уголовных дел. // Уголовный процесс. - 2024 - № 1. - С. 78-84.

Рецензент: Шамардин А.А., доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

ФИЛЕВ ЯН ЕВГЕНЬЕВИЧ

кандидат юридических наук, заместитель председателя Уссурийского гарнизонного военного суда, 692519, г. Уссурийск, Приморский край, ул. Лермонтова, 24 «А», yan_filv@mail.ru

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ
НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ УСЛОВИЙ СУДЕБНОГО
РАЗБИРАТЕЛЬСТВА**

FILEV YAN EVGENEVICH

PHD in Law, deputy chairman Ussuriiskogo garrison military court (692519, Russia, Ussuriisk, Primorskii krai, Lermontova Street, 24 «A», yan_filv@mail.ru)

**PROBLEMATIC ASPECTS PRACTICAL IMPLEMENTATION SOME
GENERAL CONDITIONS JUDICIAL PROCEEDINGS**

Аннотация. Понятие и цель закрепления общих условий судебного разбирательства в уголовно-процессуальном законе. Практические аспекты реализации гласности, пределов судебного разбирательства, участия подсудимого.

Ключевые слова: общие условия судебного разбирательства, гласность, пределы судебного разбирательства, участие подсудимого.

Review. Concept and target consolidation general conditions judicial proceedings in criminal procedure law. Practical aspects implementation publicity, scope judicial proceedings, partaking accused.

Keywords: general conditions judicial proceedings, publicity, scope judicial proceedings, partaking accused.

Вначале считаю необходимым кратко остановиться на используемой в статье терминологии.

В УПК РФ нет законодательного определения, что есть общие условия судебного разбирательства, равно, как и определения принципов уголовного судопроизводства.

Однако, понятие общих условий судебного разбирательства неоднократно становилось предметом исследования ученых процессуалистов. Так, авторы «Очерка развития советского уголовного процесса» определяли его следующим образом «общие условия отдельных стадий выражают собой такие положения, которые раскрывают назначение и содержание уголовно-процессуальных институтов, характерных для данной стадии»¹. А.Н. Володина в своей работе определяет общие условия, как «некая возможность наступления факта (в том числе и юридически значимого), процесса или явления. Условие может быть оспорено и “требует доказательства”, в ряде случаев от условия можно безболезненно отступить. Общие условия производства на отдельных стадиях не имеют сквозного, пронизывающего весь уголовный процесс характера и действуют лишь в пределах одной стадии или особых производств»².

С учетом мнения ученых, а также структуры УПК РФ, в котором термин «общие условия» используется законодателем только в двух случаях, а именно

при нормативном регулировании предварительного расследования и непосредственно судебного разбирательства, на наш взгляд, допустимо прийти к выводу о том, что, как таковые общие условия, присущи какому-то одному этапу, стадии уголовного судопроизводства, как некая совокупность общих норм, подлежащих применению, в том числе, когда вопрос, возникший в ходе деятельности правоприменителя не урегулирован специальной нормой.

Переходя непосредственно к реализации общих условий судебного разбирательства необходимо отметить, что в силу разных причин возникает необходимость рассмотрения уголовных дел в закрытом судебном разбирательстве. Согласно ст. 259 УПК РФ использование в закрытом судебном заседании средств аудиозаписи не допускается. Ограничивая аудиозапись в данном случае, законодатель не запретил возможность использования систем видео-конференц-связи при рассмотрении дел в закрытом судебном разбирательстве, хотя, помимо непосредственно участника процесса, находящегося на удалении от суда, рассматривающего дело, обеспечение его участия производится сотрудником суда или судьей, который, оставаясь в одном помещении с участником процесса, невольно становится слушателем происходящего в судебном заседании.

---

¹ Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронеж. Ун-та, 1980. С. 252.

² Володина А.Н. Гласность уголовного судопроизводства: правовая природа, содержание и проблемы реализации: Дис. ...канд. юрид. наук. Москва, 2009. С. 256.

Будучи председательствующим по уголовным делам в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, приходилось сталкиваться с хатайствами свидетелей, которые, находясь на удалении от военного суда, просили допросить их посредством систем видео-конференц-связи, однако, указанные просьбы не находили положительного разрешения. С учетом необходимости обеспечения конфиденциальности рассматриваемых дел, принимались меры, направленные на обеспечение явки свидетелей, в том числе с вынесением постановления о приводе.

В силу ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному обвинению. Изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

При реализации указанного общего условия судебного разбирательства на практике у судей часто возникают вопросы, как не выйти за пределы предъявленного обвинения.

Будучи председательствующим по уголовному делу в отношении Д. обвиняемого по ряду преступлений, в том числе в совершении ч. 1^а ст. 293 УК РФ, то есть в халатности, повлекшей причинение особо крупного ущерба, в судебном разбирательстве, с учетом исследованных доказательств, установлено, что Д. ненадлежащим образом исполнял возложенные на него обязанности в период с 8 мая 2020 года по 10 июня 2021 года, ввиду чего наступил ущерб. При этом по обвинительному заключению инкриминируемый Д. период был указан с 1 декабря 2018 года по 2 марта 2021 года, то есть ненадлежащее исполнение обязанностей, по мнению органов предварительного расследования, закончилось уже 2 марта 2021 года, между тем суд установил, что окончание противоправного деяния произошло позднее, а именно 10 июня того же года. Исходя из специфики инкриминируемого деяния, криминализация которого обусловлена не собственно деянием, как таковым, а наступающими последствиями, суд посчитал, что изменение периода, ненадлежащего исполнения возложенных на Д. обязанностей, не нарушает его право на защиту, а потому он был признан виновным в халатности, при этом с таким выводом согласилась вышестоящая инстанция, оставив приговор без изменений.

Далее хотелось бы остановиться на учете отягчающих обстоятельств при вынесении итоговых судебных решений. В силу позиции Верховного Суда РФ «окончательно вопрос о наличии смягчающих и отягчающих обстоятельств, которые учитываются при назначении наказания, разрешается судом при постановлении приговора, о чем указывается в его описательно-мотивировочной части»³.

Отдельно хотелось бы остановиться на случаях,

когда в обвинительном заключении по делу, поступившему для рассмотрения в суд, органы предварительного следствия в ходе своей деятельности не смогли точно установить время совершения противоправных деяний, а в ходе судебного заседания сделать это оказалось возможным.

Так, по итогам рассмотрения уголовного дела в суде кассационной инстанции в отношении осужденного К.С. по ч. 2 ст. 228 УК РФ приговор и апелляционное определение были изменены по следующим основаниям.

«Из текста предъявленного К.С. обвинения следует, что в неустановленное точно время, но не позднее 04 часов 10 минут 01 марта 2022 года, находясь в неустановленном следствием месте, при неустановленных обстоятельствах, К.С. для личного употребления незаконно приобрел у неустановленного лица пять пакетов с наркотическим средством и был задержан сотрудниками полиции в 04 часа 10 мин. 1 марта 2022 года.

В описательной части приговора суд указал, что К.С. около 04 часов 10 мин. 1 марта 2022 года незаконно приобрел для личного употребления пять пакетов из полимерного материала, содержащих наркотическое средство - героин (диацетилморфин), общей массой 8,38 гр., которое незаконно хранил при себе без цели сбыта, однако в 04 часа 10 мин. 1 марта 2022 года был задержан сотрудниками полиции.

Таким образом, в приговоре суд указал конкретный период времени незаконного приобретения осужденным наркотического средства, вышел за рамки предъявленного К.С. обвинения, тем самым ухудшил положение подсудимого, а, следовательно, допустил нарушение требований ст. 252 УПК РФ, в соответствии с которыми судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению, а изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту»⁴.

Будучи председательствующим по уголовным делам в отношении лиц совершивших противоправные деяния, связанные с незаконным оборотом оружия и боеприпасов доводилось самостоятельно устанавливать время совершения приобретения, хранения, перевозки, ношения вышеназванных предметов, поскольку эти деяния, хотя и подлежат квалификации по одной норме уголовного закона, но при этом являются самостоятельными преступлениями, на что указывает судебная практика⁵.

Согласно ст. 247 УПК РФ судебное разбирательство проводится при обязательном участии подсудимого, за исключением случаев, предусмотренных частями 4 и 5 настоящей статьи. В случае неявки подсудимого рассмотрение уголовного дела должно быть отложено. Также суд вправе подвергнуть подсудимого, не явившегося без уважительных причин, приво-

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 января 2023 года № 25-УДП22-35-К4. ИПС КонсультантПлюс.

⁴ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27.04.2023 г. № 77-2123/2023. ИПС КонсультантПлюс.

⁵ Кассационное определение Кассационного военного суда от 19 мая 2022 года № 77-177/2022. ИПС КонсультантПлюс.

ду, а равно применить к нему или изменить ему меру пресечения.

Необходимо сказать, что исключения из указанного общего условия содержатся не только в иных положениях гл. 35 УПК РФ, в которых регулируется применение мер воздействия за нарушение порядка в судебном заседании, а именно предусматривается возможность удаления подсудимого из зала судебного заседания, но и в нормах гл. 37 УПК РФ, посвященной судебному следствию. Так, предусматривается возможность допроса подсудимого в отсутствие другого подсудимого, допрос несовершеннолетних свидетелей и потерпевших при соблюдении тех же условиях.

Говоря о практической реализации норм об удалении подсудимого из зала судебного заседания за нарушение порядка в зале судебного заседания председателствующему необходимо соотносить свое решение с положениями, закрепленными в актах Конституционного Суда РФ. Так, «принимая решение об удалении подсудимого из зала судебного заседания, суд обязан указать фактические обстоятельства допущенных подсудимым нарушений порядка в ходе судебного заседания, неподчинения распоряжениям и привести достаточные аргументы в обоснование вывода о необходимости его удаления»⁶. Также было указано, что «устранение подсудимого из процесса, продолжительность которого должна быть адекват-

ной (соразмерной) им содеянному и определяемой в том числе с учетом кратности (систематичности) допущенных нарушений порядка в судебном заседании»⁷.

Также возникают ситуации, когда подсудимый не прибывает на оглашение итогового судебного акта. В данном случае судебная практика 2023 года ориентирует на невозможность провозглашения приговора⁸. Вместе с тем, практика Центрального окружного военного суда 2020 года указывает на иной подход. Так, было указано, что «не может свидетельствовать о наличии оснований для отмены обжалуемого приговора и его провозглашение в отсутствие осужденного Р.Р.З, поскольку, как это установлено судом апелляционной инстанции, доставка указанного лица в суд не была осуществлена в связи с необходимостью оказания Р.Р.З. медицинской помощи по месту его содержания. Копия приговора вручена в установленный законом срок, право на его обжалование реализовано»⁹.

На наш взгляд, исходя из того, что итоговое решение провозглашается не только для подсудимого, но и для других участников процесса (потерпевших, гражданских истцов и ответчиков), не прибытие последнего на оглашение не может являться основанием для объявления перерыва или отложения судебного заседания, ввиду чего судебный акт должен быть провозглашен.

Библиографический список

1. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронеж. Ун-та, 1980. – 252 с.
2. Володина А.Н. Гласность уголовного судопроизводства: правовая природа, содержание и проблемы реализации: Дис. ...канд. юрид. наук. Москва, 2009. – 256 с.

Рецензент: Жеребятъев И.В., доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), мировой судья судебного участка № 1 Ленинского района г. Оренбурга (в отставке), к.ю.н.

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2021 г. № 883-О. ИПС КонсультантПлюс.

⁷ Определение Конституционного Суда от 27.09.2019 г. № 2272-О. ИПС КонсультантПлюс.

⁸ Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14.08.2023 г. № 77-3051/2023. ИПС КонсультантПлюс.

⁹ Апелляционное определение Центрального окружного военного суда от 15 мая 2020 года № 22-66/2020. ИПС КонсультантПлюс.

ЧЕМЕРИНСКАЯ ВЕРОНИКА ВЯЧЕСЛАВОВНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права
Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина
(МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, post@oimsla.edu.ru

МУХАРРАМОВА КАМИЛЛА АННУРОВНА

обучающаяся Оренбургского института (филиала) Университета имени
О. Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50.
post@oimsla.edu.ru

СТАТУС ОБВИНИТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

CHEMERINSKAYA VERONIKA VIACHESLAVOVNA

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Correspondence Department of
the Orenburg Institute (branch) O. E. Kutafin University (MGUA), 460000, Orenburg,
Komsomolskaya str., 50, post@oimsla.edu.ru

MUHARRAMOVA KAMILLA ANNUROVNA

a student of the Orenburg Institute (branch) O. E. Kutafin University (MGUA), 460000,
Orenburg, Komsomolskaya str., 50, post@oimsla.edu.ru

THE STATUS OF THE PROSECUTOR IN THE CRIMINAL PROCESS: THE HISTORICAL EXPERIENCE OF THE JUDICIAL REFORM OF 1864

Аннотация. В статье на основе анализа Устава уголовного судопроизводства 1864 г. выявлены особенности процессуального статуса обвинителя, показана роль и правовое положение прокурора в уголовном процессе 2-й половины XIX века, как на этапе предварительного расследования, так и судебного разбирательства. Результаты оценки закона и юридической практики показали, что прокурор играл важную роль в обеспечении соблюдения закона, его статус служил как для защиты интересов государства, так и обеспечения справедливости при рассмотрении уголовных дел в суде.

Annotation. Based on the analysis of the Statute of Criminal Proceedings of 1864, the article reveals the peculiarities of the prosecutor's procedural status. The role and legal position of the prosecutor in the criminal process of the 2nd half of the XIX century is considered both at the stage of preliminary investigation and trial. The study is based on the results of an analysis of the law and legal practice. The author has shown that the prosecutor played an important role in ensuring compliance with the law, his status served both to protect the interests of the State and to ensure fairness in the consideration of criminal cases in court.

Ключевые слова: процессуальный статус, Судебные Уставы, обвинитель, уголовное судопроизводство, прокурор.

Keywords: procedural status, Judicial Statutes, prosecutor, criminal proceedings, prosecutor.

В 2024 году исполняется 160 лет со времени принятия Судебных уставов Российской империи от 20 ноября 1864 г. Эти законодательные акты стали важнейшей вехой в развитии института обвинения. Переход от инквизиционного судопроизводства к смешанному способствовал изменению совокупности прав и обязанностей всех участников судебного процесса, в том числе и обвинителя. С изданием Уставов гражданского и уголовного судопроизводства 1864 г. в России были созданы правовые основы для совершенно нового порядка рассмотрения дел в судах. Впервые целью как гражданского, так и уголовного судопроизводства, провозглашалось установление истины, причем не формальной, а именно мате-

риальной. «Устав уголовного судопроизводства» определял компетенцию судебных органов по рассмотрению уголовных дел, порядок производства в мировых установлениях и в общих судебных местах, а также исключения из общего порядка уголовного судопроизводства.

Основными стадиями в уголовном процессе, согласно Уставу Уголовного судопроизводства 1864 г., были: предварительное расследование, предание суду, przygotowительные распоряжения к суду, рассмотрение дела, исполнение приговора. Различались приговоры окончательные (которые подлежали пересмотру только в кассационном порядке, т.е. не по существу, а лишь по вопросу об их законности или неза-

конности) и неокончательные (допускавшие возможность пересмотра дела по существу, т.е. в порядке апелляции).

Прокуратуре посвящен отдельный раздел Учреждения судебных установлений (статья 124 – 136). Указывалось, в частности, что при каждом окружном суде и при судебной палате состоит прокурор и определенное штатами число товарищей прокурора. Из товарищей прокурора окружного суда одни состоят при самом суде, а прочие в других городах округа. При кассационных департаментах сената состоят обер-прокуроры и их товарищи. В общем собрании кассационных департаментов сената прокурорские обязанности исполняются одним из обер-прокуроров этих департаментов. Прокуроры окружных Судов подчинены прокурорам Судебных палат, а последние, как и обер-прокуроры, состоят в непосредственной зависимости от министра юстиции.

Законодатель предписывал также, что по всякому делу, производящемуся в суде гражданском или уголовном, каждый прокурор может заменить своего товарища, приняв это дело на свою ответственность. В случае болезни или отсутствия обер-прокурора, прокурора судебной палаты или окружного суда должность их «исправляют» их товарищи. Должность товарища прокурора окружного суда вне того города, где находится окружной суд, исправляет командированный для этого прокурором окружного суда другой его товарищ.

При обер-прокурорах и прокурорах состоят секретари. Предметы занятий лиц, которым вверен прокурорский надзор, ограничиваются делами судебного ведомства.¹

Если при решении дела судом обнаружена неполнота закона и прокурор окружного суда признает необходимым возбудить законодательный вопрос, то, независимо от решения дела судом на основании Уставов уголовного и гражданского судопроизводства, доносит о замеченной неполноте закона прокурору судебной палаты, от которого зависит предоставлять ли возбужденный вопрос на усмотрение министра юстиции.

Организация прокуратуры строилась на принципах строгой иерархичности, единоначалия и взаимозаменяемости в процессе. Прокурорский надзор осуществлялся под высшим руководством министра юстиции (выступавшего генерал-прокурором), обер-прокурором Сената и прокурорами Судебных палат, которые непосредственно подчинялись генерал-прокурору, прокуроры окружных Судов действовали под руководством прокуроров судебных палат. Число товарищей прокурора и распределение их обязанностей зависели от размеров судебного округа.

Устав Уголовного судопроизводства 1864 г. (далее - УУС) отводил обвинению важную роль. Прокуратура из органа надзорного типа была преобразована преимущественно в орган уголовного преследования. В целях более эффективного государственного обвинения в судебном разбирательстве прокурор должен был проводить серьезную работу на этапах предания суду и приговорительных действий. После окончания предварительного следствия и ознакомления обвиняемого с его результатами УУС 1864 г. предписывал направлять материалы дела прокурору, который, в свою очередь, исследовал их на предмет подведомственности дела ему самому или вышестоящему прокурору, полноты и законности проведения следствия.

По итогу рассмотрения материалов прокурор имел право вынести одно из следующих решений:

1. О приостановлении дела.
2. О прекращении дела за отсутствием состава преступления. В данном случае дело направлялось в суд, поскольку суд имел исключительную компетенцию в принятии итогового решения по делу.
3. О направлении дела на доследование. Это решение принималось прокурором в случае неполноты следствия.
4. О придании обвиняемого суду². Это происходило, если прокурор, оставаясь удовлетворенным полнотой и правильностью предварительного следствия, не усматривал оснований для принятия иного решения. В этом случае прокурор, согласно ст. 520 УУС 1864 г. составлял обвинительный акт и предъявлял его вместе с материалами дела в окружной суд³. Дальнейшее движение дела зависело от того, должно ли дело рассматриваться с участием присяжных заседателей или без.

В особом требовании, которое прокурор предъявлял председателю суда во время предварительных распоряжений перед началом судебного процесса, могло быть указано о вызове свидетелей. Суд не имел права отказать в этом прокурору. Предполагалось, что прокурор, заинтересованный в раскрытии истины, будет вызывать как свидетелей, подтверждающих обвинение, так и тех, кто может оправдать обвиняемого. Однако на практике выяснилось, что прокуроры не проявляют склонности вызывать свидетелей защиты⁴.

Прокурор, если сделанное подсудимым собственное признание будет им признано недостаточно разъясняющим дело, имеет право потребовать на основании статьи 682 УУС 1864 г. судебного исследования, но предлагать вопросы подсудимому, даже через председателя, прокурор не имеет права⁵.

¹ Быстров А.Н. Стадия судебного рассмотрения в уголовно-политических процессах в Российской империи пореформенного периода (1864 г. – начало XX в.): законодательное регулирование и особенности правоприменительной практики. Краснодар, 2010. С. 98-99.

² Сахаровский И. Ю. Судебная реформа 1864 года // Молодой ученый. 2015. № 7 (87). С. 588-591.

³ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч.2. // Устав уголовного судопроизводства. Книга 2. Раздел 3. Глава 1. С. 187.

⁴ Вахитова Р.Р. Прокуратура в механизме государства: историко-правовое исследование: Дис. канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 359.

⁵ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч.2. // Устав уголовного судопроизводства. Книга 2. Раздел 4. Глава 7. С. 242.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 года также было закреплено правовое положение прокурора на этапе предварительного расследования, соответствующее статусу одного из главных участников этого этапа. Это ясно видно из содержания первой главы третьего раздела упомянутого документа, которая называется «Существо обязанностей и степень власти прокуроров и их товарищей». Достаточно интересным является также дознание, известное как «дознание через окольных людей», где прокурор также обладает одной из основных полномочий⁶.

Судебный следователь информирует прокурора или его помощника о назначенном времени и месте проведения дознания, а также объявляет участникам дела об этом (согласно статье 455 УУС 1864 года)⁷. Права граждан также закреплены в нормативно-правовых актах, которые предусматривают их право подавать жалобы на полицейских прокурору. Что касается судебного следователя, он не зависит от органов прокуратуры, поэтому жалобу на следователя стоило подавать в окружной суд.

Следует отметить, что Судебный Устав 1864 года устанавливал и некоторые ограничения в деятельности прокурора. Например, прокурор не имел права участвовать в распоряжении суда, который принимал решение по делу. Судьи не должны были подчиняться указаниям прокурора при вынесении решения. Важным аспектом статуса прокурора по Судебному Уставу 1864 года была его ответственность за соблюдение закона и «законность» доказательственного материала. Прокурор должен был аккуратно и объективно рассматривать улики и доказательства, предоставленные сторонами дела, и представлять их в суде без каких-либо искажений или недостоверных сведений.

Прокурор обладал некоторыми привилегиями и иммунитетом в процессе исполнения своих обязанностей. Например, прокурору было гарантировано право на сохранение тайны следствия и недопущение неправомерного вмешательства в его деятельность. Также согласно статье 280 «прокуроры и их товарищи имеют право присутствовать при всех следственных действиях и рассматривать на месте подлинное производство».

«Прокурор или его товарищ могут требовать допечения предварительного следствия по сделанным им указаниям, хотя бы судебный следователь и признал следствие конченным» (статья 286 УУС 1864 г.)⁸. Кроме того, прокурор обладал правом отводить присяжных заседателей: «Прокурор или частный об-

винитель имеет право отвести не более шести заседателей» (статья 656 УУС 1864 г.)⁹.

Важной гарантией прав обвиняемого можно считать норму, согласно которой прокурор получал право отказаться от обвинения, если убеждался в невиновности подсудимого. Это был шаг вперед по сравнению с зарубежными прокуратурами, в частности французской. Анатолий Федорович Кони отмечал, что составители Судебных уставов создали русского прокурора, который «в обвинительной речи не должен ни представлять дело в одностороннем порядке, ни преувеличивать значения имеющихся в деле доказательств и улики или важности рассматриваемого деяния» (статья 739 УУС 1864 г.)¹⁰. В отличие от западных кодексов они предъявили прокурору особое требование об отказе от обвинения и о заявлении о том суду по совести в тех случаях, когда находят, что оправдания подсудимого заслуживают уважения: «Если прокурор находит оправдания подсудимого уважительными, то обязан, не поддерживая обвинительного акта, опровергнутого судебным следствием, заявить о том суду по совести» (статья 740 УУС 1864 г.)¹¹.

Статистика тех лет говорит о том, что прокуратура не менее, чем суд стремилась к беспристрастности в достижении истины и не спешила с обвинительными заключениями. Так, согласно сведениям о деятельности лиц прокурорского надзора, в 1894 г. прокуратурой Пензенского окружного суда обвинительные акты были составлены лишь по 23 % оконченных дел, Самарской – по 28%, Симбирской – по 29 %¹².

Важным аспектом статуса обвинителя являлось его независимость от других участников судебного процесса: суда, обвиняемого и стороны защиты. Прокурор имел право осуществлять следствие, проводить допросы, представлять доказательства и принимать участие в рассмотрении дела в суде. Он также мог давать заключения по делу и требовать назначения наказания для обвиняемого. Прокурор играл важную роль в обеспечении соблюдения закона, его статус служил как для защиты интересов государства, так и обеспечения справедливости при рассмотрении уголовных дел в суде.

Особое внимание в то время уделялось подбору судебных и прокурорских кадров. Для назначения на прокурорскую должность нужно было иметь высшее юридическое образование; стаж работы в правоохранительных органах не менее 5 лет; отличаться «благопристойным поведением». Выпускники юридических факультетов университетов обычно стажирова-

⁶ Набоков В. Работы по составлению Судебных уставов. Общая характеристика судебной реформы // Судебная реформа / под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского: в 2 т. М., 1915. Т. 1. С. 59.

⁷ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч.2. // Устав уголовного судопроизводства. Книга 2. Раздел 2. Глава 8. С. 169.

⁸ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч.2. // Устав уголовного судопроизводства. Книга 2. Раздел 2. Глава 1. Отделение 3. С. 124.

⁹ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч.2. // Устав уголовного судопроизводства. Книга 2. Раздел 4. Глава 6. Отделение 2. С. 236-237.

¹⁰ Там же. С. 257-258.

¹¹ Там же. С. 258.

¹² Синельщиков Ю.П. Влияние судебной реформы 1864 года на современное состояние прокуратуры. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sinelschikov.info/book-item/7> (дата обращения: 14.04.2024).

лись при судах не менее пяти лет в качестве кандидатов на прокурорские должности.

Подводя итог, можно отметить, что Судебные Уставы 1864 года определяли принципы судопроизводства и роли участников процесса, включая прокурора, судей и адвокатов, и прокурор играл важную роль в обеспечении законности и защите интересов государства в судебных процессах. Прокурор в ходе исполнения своих обязанностей обладал определенными привилегиями и иммунитетом. Он выступал от имени государства и представлял сторону обвинения в суде. Его независимость от других участников судебного процесса, таких как обвиняемый и защита, была ключевым аспектом его статуса. Он имел право вести следствие, проводить допросы, представлять

доказательства, участвовать в рассмотрении дела в суде, давать заключения по делу и требовать назначения наказания для обвиняемого. В соответствии с судебной реформой главной задачей прокуратуры стало поддержание государственного обвинения в суде, надзор за деятельностью судебных следователей, полиции, судов и мест заключения. После судебной реформы прокуратура освободилась от функции общего надзора, её деятельность ограничивалась только судебной сферой. Если до судебной реформы прокурор должен был выступать в суде как взыскатель наказания и вместе тем защитник невиновности, то теперь главной его задачей становился надзор за дознанием и следствием и поддержание государственного обвинения в суде.

Библиографический список

1. Быстров А.Н. Стадия судебного рассмотрения в уголовно-политических процессах в Российской империи пореформенного периода (1864 г. – начало XXв.): законодательное регулирование и особенности правоприменительной практики. - Краснодар, 2010. - С. 98-99.
2. Вахитова Р.Р. Прокуратура в механизме государства: историко-правовое исследование: Дис. канд. юрид. наук. - Казань, 2003. - 418 с.
3. Зарудный С.И. Устав уголовного судопроизводства: систематический комментарий. Вып. IV / под ред. М. Н. Гернета. - М., 1980. - 1340 с.
4. Набоков В. Работы по составлению Судебных уставов. Общая характеристика судебной реформы // Судебная реформа / под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского: в 2 т. - М., 1915. - Т. 1. - = 854 с.
5. Сахаровский И. Ю. Судебная реформа 1864 года // Молодой ученый. -2015. - № 7 (87). - С. 588-591.
6. Ястребов В.Б. Судебные Уставы и их историческое значение // Российский следователь. - 2022. - № 6. - С. 11–16.

Рецензент: Жолобова Г.А., заведующий кафедрой истории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент.

ШНИТЕНКОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

профессор кафедры уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, post@oimsla.edu.ru

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА ВЫДАЧУ ЛИЦЕНЗИИ НА ПРИОБРЕТЕНИЕ, ЭКСПОНИРОВАНИЕ И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ ОРУЖИЯ ГРАЖДАНАМ, ДВА И БОЛЕЕ РАЗА ОСУЖДЕННЫМ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

SHNITENKOV ANDREY VLADIMIROVICH

professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Orenburg Institute (branch) Kutafin University (MSLA), doctor of law, associate professor, 460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50, post@oimsla.edu.ru

RESTRICTION OF THE RIGHT TO ISSUE A LICENSE TO PURCHASE, EXHIBIT AND COLLECT WEAPONS TO CITIZENS CONVICTED OF A CRIME TWO OR MORE TIMES

Аннотация. В научной статье на основании анализа действующего российского законодательства рассматриваются проблемы ограничения права на владение оружием лица, два или более раза осужденного за совершение преступления, и предлагаются способы их решения.

Ключевые слова: лицо, два или более раза осужденное за совершение преступления, судимость, оружие, приобретение, экспонирование и коллекционирование оружия и патронов к нему, ограничение права на получение лицензии на приобретение оружия.

Review. Based on the analysis of the current Russian legislation, the scientific article examines the problems of restricting the right to own weapons of a person convicted of committing a crime two or more times, and suggests ways to solve them.

Keywords: a person convicted two or more times for committing a crime, criminal record, weapons, acquisition, exhibiting and collecting weapons and ammunition, restriction of the right to obtain a license to purchase weapons.

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 9 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (далее - ФЗ «Об оружии») по общему правилу приобретение, экспонирование и коллекционирование оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации подлежат лицензированию. Лицензии на приобретение, экспонирование и коллекционирование оружия и патронов к нему выдаются федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере оборота оружия, или его территориальными органами на основании заявлений граждан Российской Федерации¹.

При этом федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере оборота оружия, является федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности и в сфере вневедомственной охраны (ст. 1 ФЗ «Об оружии»).

В пункте 19 постановления Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» закреплено, что лицензия на право приобретения оружия на территории Российской Федерации выдается Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации или ее территориальными органами².

В статье 13 «Право на приобретение оружия гражданами Российской Федерации» ФЗ «Об оружии» регламентируются условия, при наличии которых граждане РФ могут реализовать названное право, а в ч. 20 ст. 13 указаны основания отказа в выдаче лицензии на приобретение, экспонирование или коллекционирование оружия.

В соответствии с п. 3 ч. 20 ст. 13 ФЗ «Об оружии» до внесения в него изменений Федеральным законом от 28 июня 2021 г. № 231-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ (далее – ФЗ № 231) лицензия на приобретение, экс-

---

¹ СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681 (с послед. изм. и доп.).

² СЗ РФ. 1998. № 32. Ст. 3878 (с послед. изм. и доп.).

³ СЗ РФ. 2021. № 27 (Ч. I). Ст. 5059.

понирование или коллекционирование оружия не выдавалась гражданам Российской Федерации, *имеющим неснятую или непогашенную судимость за преступление, совершенное умышленно, либо имеющим снятую или погашенную судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление, совершенное с применением оружия.*

На основании ФЗ № 231 п. 3 ч. 20 ст. 13 ФЗ «Об оружии» был изложен в новой редакции: «3) имеющим неснятую или непогашенную судимость за умышленное преступление». Этим решением законодатель, с одной стороны, ограничил рассматриваемое основание отказа в выдаче лицензии на приобретение, экспонирование или коллекционирование оружия по сравнению с ранее действовавшей редакцией данного пункта.

Однако, с другой стороны, ФЗ № 231 ч. 20 ст. 13 ФЗ «Об оружии» была дополнена пунктами 3.1-3.5, в которых указано, что лицензия на приобретение, экспонирование или коллекционирование оружия не выдается гражданам Российской Федерации:

- имеющим снятую или погашенную судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление, а также за умышленное преступление средней тяжести, совершенное с применением (использованием) оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств, специально изготовленных технических средств, наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых и радиоактивных веществ, лекарственных и иных химико-фармакологических препаратов (п. 3.1);

- имеющим снятую или погашенную судимость за умышленное преступление, связанное с незаконным оборотом оружия (п. 3.2);

- имеющим снятую или погашенную судимость за преступление террористического характера и (или) экстремистской направленности, а также за преступление, совершенное в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма (п. 3.3);

- имеющим снятую или погашенную судимость за умышленное преступление, совершенное с применением насилия в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) (п. 3.4);

- два и более раза осужденным за совершение преступления (п. 3.5).

Кроме того, Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 638-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» часть 20 статьи 13 ФЗ «Об оружии» была дополнена двумя новыми пунктами, в которых установлен запрет на выдачу лицензии на приобретение, экспонирование или коллекционирование оружия гражданам Российской Федерации, подозреваемым или обвиняемым в совершении умышленного преступления (п. 3.6), а также освобожденным судом от уголовной ответствен-

ности за совершение умышленного преступления с назначением судебного штрафа либо по основаниям, не дающим права на реабилитацию в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, - до истечения двух лет со дня вступления в законную силу соответствующего решения суда (п. 3.7)⁴.

Анализ этих новелл позволяет сделать вывод о том, что перечень оснований отказа в выдаче лицензии был существенно расширен за счет лиц, совершивших преступления, или подозреваемых либо обвиняемых в совершении умышленного преступления.

Таким образом, лицензия на приобретение, экспонирование или коллекционирование оружия не выдается, в частности гражданам РФ, два и более раза осужденным за совершение преступления. В пояснительной записке к проекту ФЗ № 231 (далее – Пояснительная записка) написано, что введение названного дополнительного основания отказа в выдаче названной лицензии обусловлено непониманием населением России практики предоставления огнестрельного оружия лицам, неоднократно преступавшим уголовный закон.

По мнению авторов законопроекта, «стабильное развитие оружейной отрасли, повышение общей культуры обращения с оружием, защита интересов законопослушных граждан, использующих гражданское оружие в общественно полезных целях (для занятий спортом, охотой, культурной и образовательной деятельности), требует большего внимания к личности владельца оружия, как к гаранту его безопасного использования для окружающих. Владелец оружия в Российской Федерации должен представлять собой образец законопослушного гражданина, уважающего права и свободы граждан, интересы общества и государства». Поэтому необходимо ограничить право владения оружием гражданами, которые после однажды совершенного преступления не встали на путь исправления и были осуждены за совершение нового уголовно наказуемого деяние независимо от объекта противоправного посягательства⁵.

Данное решение является спорным по следующим основаниям:

1. В пояснительной записке не указаны результаты социологических исследований, подтверждающих аргументированность вывода о том, что население России негативно относится к возможности выдавать лицензию на приобретение огнестрельного оружия лицам, неоднократно нарушавшим уголовный закон, тем более независимо от объекта противоправного посягательства.

В соответствии со ст. 15 «Категории преступлений» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, предусмотренные УК РФ, подразделяются на преступления неболь-

⁴ СЗ РФ. 2023. № 1 (Ч. I). Ст. 85.

⁵ См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного контроля в сфере оборота оружия». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1079629-7> (дата обращения: 01.10.2024).

шой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления.

При этом, например, преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает трех лет лишения свободы (ч. 2 ст. 15). Преступлениями небольшой тяжести являются, в частности, клевета (чч. 1, 2, 3 ст. 128.1 УК РФ), уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ), незаконная рубка лесных насаждений (ч. 1 ст. 260 УК РФ).

Представляется, что ограничение права на получение лицензии на приобретение оружия в отношении лиц, два и более раза осужденных за совершение преступления, без учета характера и степени общественной опасности таких посягательств нельзя признать обоснованным.

2. В Пояснительной записке указано, что владелец оружия в Российской Федерации должен представлять собой образец законопослушного гражданина, уважающего права и свободы граждан, интересы общества и государства.

В связи с этим уместно отметить, что на основании чч. 1 и 2 ст. 59 Конституции РФ защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации, который несет военную службу в соответствии с федеральным законом. Важно подчеркнуть, что ранее воинская служба называлась почетной обязанностью (статья 63 Конституции СССР 1977 г.).

В соответствии с ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее – ФЗ № 53) военная служба – особый вид федеральной государственной службы. На основании ч. 3 ст. 23 ФЗ № 53 не подлежат призыву на военную службу граждане: а) отбывающие наказание в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, ареста или лишения свободы; б) имеющие неснятую или непогашенную судимость за совершение преступления; в) в отношении которых ведется дознание либо предварительное следствие или уголовное дело в отношении которых передано в суд.

Контракт о прохождении военной службы не может быть заключен, в частности, с гражданами, в отношении которых вынесен обвинительный приговор и которым назначено наказание, в отношении которых ведется дознание либо предварительное следствие или уголовное дело в отношении которых передано в суд, с гражданами, имеющими неснятую или непогашенную судимость за совершение преступления, отбывавшими наказание в виде лишения свободы (ч. 5 ст. 34 ФЗ № 53)⁶.

При этом в пункте 2 Порядка вручения личному составу вооружения, военной техники и стрелкового оружия (приложение № 5 к Уставу внутренней службы Вооруженных Сил РФ) указано, что за во-

еннослужащими после приведения их к Военной присяге (принесения обязательства) закрепляется, в частности, стрелковое оружие⁷.

Анализ приведенных положений, позволяет сделать вывод о том, что в законодательстве о военной службе запрет на такую службу для лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности, действует в строго ограниченных случаях, связанных либо с назначением наказания за совершение преступления, либо с отбыванием отдельных видов наказаний, либо с наличием неснятой или непогашенной судимости. При этом данный запрет ограничен сроком (погашение или снятие судимости).

Таким образом, предъявление более строгих требований к образцовому законопослушному поведению граждан, претендующих на выдачу лицензии на приобретение оружия, по сравнению с военнослужащими нельзя признать обоснованным.

Об этом в определенной мере свидетельствует и постановление Конституционного Суда РФ от 15 марта 2023 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности части третьей¹ статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Г.А. Алексева» (далее – Постановление № 8), в котором указано, что «именно конституционный принцип равенства – в силу своего универсального характера – оказывает... регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений и выступает критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона. Соблюдение данного принципа, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания»⁸.

3. Запрет на выдачу лицензии на приобретение, экспонирование или коллекционирование оружия распространяется на два и более раза осужденных за совершение преступления.

В соответствии с ч. 3 ст. 50 Конституции РФ каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить о помиловании или смягчении наказания.

В части 2 ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным.

Отсюда можно сделать вывод о том, что осужденным является лицо, в отношении которого был вынесен обвинительный приговор за совершенное им преступление.

Однако на основании ч. 1 ст. 49 Конституции РФ каждый обвиняемый в совершении преступления

⁶ СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475 (с послед. изм. и доп.).

⁷ Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (в ред. указа Президента РФ от 1 марта 2024 г. №162) // СЗ РФ. 2007. № 47 (Ч. I). Ст. 5749; 2024. № 10. Ст. 1381.

⁸ URL: <https://doc.kstrf.ru/decision/KSRFDecision669689.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).

считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Конституционный Суд РФ в п. 3 Постановления № 8 подчеркивает, что именно обвинительный приговор суда, вступивший в законную силу, обуславливает правовое положение лица как осужденного.

При этом лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости. Судимость в соответствии с УК РФ учитывается при рецидиве преступлений, назначении наказания и влечет за собой иные правовые последствия в случаях и в порядке, которые установлены федеральными законами (ч. 1 ст. 86 УК РФ).

Обвинительный приговор может быть трех видов: 1) с назначением наказания, подлежащего отбыванию осужденным; 2) с назначением наказания и освобождением от его отбывания; 3) без назначения наказания (ч. 5 ст. 302 УПК РФ).

К последнему относится, например, освобождение судом несовершеннолетнего от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 86 УК РФ лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым.

Таким образом, буквальное толкование нормы, предусмотренной п. 3.5 ч. 20 ст. 13 ФЗ «Об оружии», приводит к выводу о том, что установленный в ней запрет распространяется на любого гражданина, два и более раза осужденного, вне зависимости от видов вынесенных в отношении него обвинительных приговоров суда, вступивших в законную силу.

Кроме того, в данном случае названное ограничение связано исключительно с осуждением два и более раза за преступления, и не имеет значения факт наличия или отсутствия соответствующих судимостей. Особо следует отметить, что такое ограничение является бессрочным.

Конституционный Суд РФ, с одной стороны, в своих решениях, в частности, в определении от 28 марта 2024 г. № 595-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ковриги Вадима Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3.5 части двадцатой статьи 13 Федерального закона «Об оружии» во взаимосвязи с частями 1 и 2 статьи 5 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Определение № 595) подчеркнул, что запрет на приобретение оружия, даже если он представляет собой неблагоприятное последствие противоправного деяния, является административно-предупредительной мерой, придание которой свойства бессрочности (особенно в тех случаях, когда она распространяется на отношения, не являющи-

ся для субъекта этих отношений жизненно важными) не может служить основанием для признания ее несоразмерной и несправедливой⁹.

Однако, с другой стороны, ранее в соответствии с ч. 10 ст. 13 ФЗ «Об оружии» (до внесения в нее изменений) право на приобретение охотничьего огнестрельного оружия с нарезным стволом и спортивного огнестрельного оружия с нарезным стволом имели определенные категории граждан при условии, что они не совершили правонарушений, связанных с нарушением правил охоты, правил производства оружия, торговли оружием, продажи, передачи, приобретения, коллекционирования или экспонирования, учета, хранения, ношения, перевозки, транспортирования и применения оружия.

Применительно к этой редакции нормы в п. 4.2 постановления Конституционного Суда РФ от 29 июня 2012 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положения части десятой статьи 13 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобами граждан Г.В. Белокриницкого и В.Н. Тетерина» (далее – Постановление № 16) было отмечено, что положение ч. 10 ст. 13 Федерального закона «Об оружии» не соответствует ст.ст. 17, 18, 19 (чч.1 и 2), 34 (ч. 1), 35 (ч. 1 и 2), 45, 46 (чч. 1 и 2) и 55 (ч. 3) Конституции РФ, поскольку оно, не конкретизируя срок запрета на приобретение охотничьего огнестрельного оружия с нарезным стволом гражданами, совершившими правонарушения, связанные с нарушением правил охоты, правил производства оружия, торговли оружием, продажи, передачи, приобретения, коллекционирования или экспонирования, учета, хранения, ношения, перевозки, транспортирования и применения оружия в силу своей неопределенности, порождающей возможность неоднозначного истолкования и произвольного применения, позволяет рассматривать ее как установленную в отношении таких граждан бессрочно – вне зависимости от степени общественной опасности и тяжести совершенного правонарушения, а также срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному или уголовному наказанию¹⁰.

4. В соответствии со ст. 5 ФЗ № 231 (которым ч. 20 ст. 13 ФЗ «Об оружии» была дополнена п. 3.5) лицензии на приобретение гражданского оружия, выданные до дня вступления в силу (29 июня 2022 г.) ФЗ № 231 гражданам Российской Федерации, признаются действующими (ч. 1). В случае, если в связи с вступлением в силу ФЗ № 231 граждане Российской Федерации, имеющие в собственности на законном основании гражданское оружие либо лицензию на его приобретение, утрачивают право на приобретение такого оружия по обстоятельствам, наступившим до дня вступления в силу ФЗ № 231, им разрешается хранение, хранение и ношение оружия на основании ранее выданных соответствующих разрешений, в том числе при их последующем продлении (ч. 2).

⁹ URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision752246.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).

¹⁰ URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision103444.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).

Так, Коврига В.А., являвшийся собственником трех единиц охотничьего оружия, срок действия разрешения на которые истек в сентябре 2022 года, октябре 2023 года и июне 2024 года, был дважды привлечен к уголовной ответственности на основании приговоров судов от 19 мая 2021 года и 20 октября 2021 года – по ч. 5 ст. 33 и ч. 3 ст. 260 «Незаконная рубка лесных насаждений» и по ч. 3 ст. 260 УК Российской Федерации соответственно. Впоследствии 24 ноября 2021 года в отношении заявителя уполномоченным органом составлено заключение об аннулировании его разрешений на хранение и ношение оружия, а само оружие изъято и направлено на временное хранение в установленном законом порядке. 22 августа 2022 года постановлением районного суда общей юрисдикции условное осуждение заявителя отменено, судимость за совершенные преступления снята досрочно. 20 сентября 2022 года В.А. Коврига обратился в уполномоченный орган с заявлением о выдаче разрешений на хранение и ношение имеющегося у него огнестрельного оружия, однако получил отказ, так как дважды был привлечен к уголовной ответственности. Решением суда общей юрисдикции, с которым согласились суды вышестоящих инстанций, заявителю отказано в удовлетворении его требований о признании незаконными действий уполномоченного органа. Как указали суды, заявитель обратился в уполномоченный орган не за продлением существующих (так как они были аннулированы ранее), а за получением новых разрешений, уже после вступления в силу законоположений, запрещающих выдачу разрешений на оружие лицам, два и более раза осужденным за совершение преступления. По мнению Ковриги В.А., оспариваемые законоположения противоречат ст.ст. 4 (ч. 2), 15 (ч. 1), 19 (чч. 1 и 2), 46 (ч. 1) и 54 (ч. 1) Конституции РФ, поскольку: позволяют отказывать в выдаче разрешения на хранение и ношение оружия гражданам, которые были осуждены два и более раза за совершение преступлений до вступления в силу данных норм, притом что судимость была снята или погашена после их вступления в силу и граждане имеют в собственности оружие, изъятое в связи с аннулированием выданных им разрешений до их вступления в силу; не позволяют правоприменительным органам, в том числе судам, оценивать тяжесть, умысел, категорию и другие обстоятельства преступлений при применении установленного данными нормами ограничения.

В Определении № 595 Конституционный Суд РФ отметил, что в частях 1 и 2 ФЗ № 231 федеральный законодатель сохранил право на владение оружием за лицами, которые на момент вступления в силу данного запрета владели оружием на основании действительных лицензий на приобретение, экспонирование или коллекционирование оружия и разрешений на его хранение, хранение и ношение или хранение и использование. Распространение же данного запрета на лиц, которые были осуждены два и более раза за совершение преступления до вступления в силу ФЗ № 231 и при этом на момент его вступ-

ления в силу не имели указанных действительных лицензий и разрешений, не может рассматриваться как необоснованное ухудшение их правового положения и как недопустимое придание новому закону обратной силы.

Данное решение Конституционного Суда РФ является спорным.

В соответствии с ч. 1 ст. 54 Конституции РФ закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. ФЗ № 231 ввел дополнительное требование к гражданам, претендующим на выдачу лицензии на приобретение, экспонирование или коллекционирование оружия: они не должны быть дважды осуждены за совершение преступления. До момента вступления в силу ФЗ № 231 такие осужденные обладали правом на выдачу названной лицензии.

Поэтому Конституционный Суд РФ, ссылаясь на ч. 1 ст. 5 ФЗ № 231, верно отметил, что дважды осужденные, владевшие оружием до вступления в силу ФЗ № 231, сохраняют право на хранение, хранение и ношение оружия на основании ранее выданных соответствующих разрешений, в том числе при их последующем продлении.

Вместе с тем Конституционный Суд РФ считает, что граждане, дважды осужденные за совершение преступления до вступления в силу ФЗ № 231 и не воспользовавшиеся имевшимся у них правом на получение лицензии на приобретение, экспонирование или коллекционирование оружия, безвозвратно утрачивают данное право.

Позиция Конституционного Суда РФ по данному вопросу является противоречивой. Так, в Постановлении № 16 он отметил: «...оборот оружия как технических средств, конструктивно предназначенных для поражения живой или иной цели и, следовательно, способных причинить существенный вред жизни и здоровью людей, имуществу и природе, не только создает повышенную опасность для этих охраняемых Конституцией Российской Федерации ценностей, но и сопряжен с угрозой посягательства на другие конституционно значимые ценности, в том числе основы конституционного строя, нравственность, права и законные интересы граждан, безопасность государства, что требует от федерального законодателя установления механизма их защиты в рамках правового режима оборота оружия. При этом, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, федеральный законодатель должен исходить из того, что публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, оправдывают правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату и, не будучи чрезмерными, необходимы и строго обусловлены этими публичными интересами, и использовать лишь такие правовые средства, которые для конкретной правоприменительной ситуации исключают возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина».

Из рассматриваемой ситуации следует, что осужденные два и более раза за совершение преступления, реализовавшие свое право на приобретение оружием до вступления в силу ФЗ № 231 и продолжающие им владеть после этого, не представляют повышенную опасность для охраняемых Конституцией РФ ценностей. Однако такие же граждане, не воспользовавшиеся данным правом до вступления в силу ФЗ № 231, утрачивают его в последующем, поскольку способны причинить вред конституционно значимым ценностям.

Таким образом, изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Установление бессрочного запрета на выдачу лицензии на приобретение, экспонирование или коллекционирование оружия гражданам, два и более раза осужденным за совершение преступления, тем более независимо от объекта противоправного посягательства, противоречит ч. 1 ст. 15, ч. 1 ст. 19, чч. 1 и 2 ст. 55 Конституции РФ.

2. Ограничение права на выдачу лицензии на приобретение, экспонирование или коллекционирование

оружия гражданам, два и более раза осужденным за совершение преступления до вступления в силу ФЗ № 231, не соответствует конституционным принципам справедливости, равенства граждан перед законом, а также положению о том, что закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет.

3. Федеральный законодатель, как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении № 16, должен использовать такие правовые средства, которые для конкретной правоприменительной ситуации исключают возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Такие правовые средства могут быть использованы и применительно к урегулированию рассматриваемых правовых отношений. Так, в пункте 3.5 ч. 20 ст. 13 ФЗ «Об оружии» могут быть ограничены преступления, за которые лицо два и более раза было осуждено (например, по объекту преступного посягательства), либо установлен срок, прошедший с момента осуждения за второе преступление, и т.п.

Рецензент: Плотников А.И., заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент.

Раздел четвертый

ВОПРОСЫ ТРУДОВОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

АВЕРИНА АЛИСА ВИКТОРОВНА

аспирант кафедры гражданского и административного судопроизводства
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е.
Кутафина» (МГЮА), 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д.9,
lab.kgias@msal.ru

ОБОСОБЛЕННЫЙ СПОР В ДЕЛЕ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ): ПОНЯТИЕ, ВИДЫ

AVERINA ALISA VICTOROVNA

post-graduate student of department of civil and administrative justice of Kutafin
Moscow State Law University (MSAL), 125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya st., 9,
lab.kgias@msal.ru

SEPARATE DISPUTE IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASE: CONCEPT, TYPES

Аннотация. Дело о банкротстве включает в себя рассмотрение множества обособленных споров, вытекающих из факта неплатежеспособности должника. В статье автор исследует сущностное наполнение понятия обособленный спор, на основе теоретических исследований, положений действующего законодательства и судебной практики, проводит границу между основным правоотношением по делу о банкротстве и обособленным спором, а также выделяет виды обособленных споров.

Ключевые слова: банкротство, обособленный спор, основное правоотношение по делу о банкротстве, виды обособленных споров.

Review. A bankruptcy case involves many separate disputes arising from the fact of the debtor's insolvency. In the article author researches filling of the concept of a separate dispute. Based on theoretical researches, current legislation, and judicial practice, author draws the line between the main legal relationship in a bankruptcy case and a separate dispute. Also, in the article author identifies the types of separate disputes.

Keywords: bankruptcy, separate dispute, main legal relationship in a bankruptcy case, types of separate disputes.

Отнесение к обособленным спорам или к основному делу тех или иных вопросов, рассматриваемых судом в рамках производства по делу о банкротстве, не имеет единого критерия ни в науке, ни в законе, ни в судебной практике.

Так, Е.Е. Уксусова ставит особняком требование о признании должника банкротом, применения в отношении него определенных процедур банкротства и завершения дела о банкротстве, выделяя его в качестве *основного правоотношения*, а все остальные вопросы, рассматриваемые в процедуре, называет *мини-*

*спорами*¹ и делит их на две категории: основные и дополнительные.

Ю.Д. Подольский высказывает несогласие с таким разделением обособленных споров. По мнению ученого в этом случае «именно критерии факультативности рассмотрения юридического спора определяет, обособленный это спор или не обособленный (спор в рамках основного правоотношения по делу о банкротстве). Более верным представляется подход, согласно которому в рамках производства по делам о несостоятельности имеется *основное процессуальное*

---

¹ См., напр.: Уксусова Е.Е. Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // Lex russica. 2014. № 2. С. 211 - 227; № 6. С. 683 - 703; № 8. С. 975 - 985 // СПС Консультант Плюс; Уксусова Е.Е. Конкурсное судопроизводство и «мини-производство» на примере обжалования действий (бездействия) арбитражного управляющего // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 7. С. 44 - 52 // СПС Консультант Плюс; Уксусова Е.Е. Несостоятельность (банкротство) в России и судебная защита прав: гражданско-процессуальная сфера судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10. С. 88 - 103 // СПС Консультант Плюс.

правоотношение, формируемое направленностью на разрешение дела о несостоятельности в целом на основе материально-правовых правоотношении, и *дополнительные процессуальные правоотношения (обособленные споры)*².

К основному правоотношению Ю.Д. Подольский относит вопросы (1)³ рассмотрения обоснованности заявления о банкротстве, (2) введения одной из процедур банкротства, (3) назначения арбитражного управляющего и (4) завершения производства по делу, то есть вопросы, без которых, по его мнению, не обходится ни одно дело о банкротстве⁴. Обособленными спорами Ю.Д. Подольский называет (1) предъявление имущественных и неимущественных требований к должнику; (2) обжалование действий и бездействия арбитражного управления; (3) оспаривание сделок должника; (4) разрешение разногласий между участниками производства; (5) привлечение контролирующих лиц к гражданско-правовой ответственности (взыскание убытков); (6) установление признаков криминального банкротства и другие⁵.

По нашему мнению, несмотря на наличие дискуссии, позиции Е.Е. Уксусовой и Ю.Д. Подольского не противоречат друг другу по сути. Как и Ю.Д. Подольский, Е.Е. Уксусова выделяет в деле о банкротстве *основное правоотношение* и *обособленные споры*. А разделение обособленных споров на *основные* и *дополнительные*, предложенное Е.Е. Уксусовой, не противоречит теории обособленных споров, предложенной Ю.Д. Подольским.

Для выявления критериев, с помощью которых можно определить, к основному правоотношению или к обособленным спорам относится отдельный вопрос, разрешаемый в рамках дела о банкротстве, а также с целью установления необходимости разделения обособленных споров на группы, обратимся к многообразию вопросов, которые рассматриваются в таком деле, а также закону и практике его применения.

«В Законе о банкротстве такое понятие, как «обособленный спор», отсутствует. Определяя процессуальные особенности рассмотрения дела о банкротстве, Закон не разграничивает на две самостоятельные категории «обособленный спор» и «основное дело». Объясняется это тем, что относительно обособленный спор не является самостоятельным делом, а включен в дело о банкротстве»⁶. Однако в Законе о банкротстве⁷ упоминается такая категория споров как разногласия, заявления и жалобы, которые рассматриваются в порядке ст.60 Закона. К таким спорам

относятся (1) заявления и ходатайства арбитражного управляющего, в том числе о разногласиях между ним и кредиторами и/или должником; (2) жалобы кредиторов на нарушение их прав и законных интересов; (3) разногласия между арбитражным управляющим и иными лицами, в том числе гражданами и представителем работников; (4) жалобы на действия (бездействие) арбитражного управляющего; (5) оспаривание решений собраний и комитетов кредиторов. Процессуальной особенностью данных споров является то, что согласно ст.60 Закона о банкротстве, они должны быть разрешены судом не позднее одного месяца с даты поступления в суд.

Понятие же «обособленный спор» в банкротную терминологию было введено постановлением Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве». Введя его, Пленум не дал определения понятия «обособленный спор», равно как и критериев его отличия от основного правоотношения по делу о банкротстве.

Обособленным спорам посвящены пункты 14 – 19 указанного постановления, обобщенные в отдельный раздел с соответствующим названием. Выделяя обособленные споры, правоприменитель использует критерий круга лиц, участвующих в таких спорах. Он выделяет основных участников дела о банкротстве, которые имеют право участвовать во всех судебных заседаниях и при совершении всех процессуальных действий по делу о банкротстве (п.14 постановления), а также непосредственных участников обособленного спора (п. 15 постановления).

Таким образом мы видим, что категория «обособленного спора» была введена правоприменителем с практической целью - определение круга участников такого спора, с целью установления их прав и обязанностей, а также обособление данного круга от основных участников дела о банкротстве. Этот вопрос действительно имеет практическую значимость, так как нередко участники обособленного спора, получая соответствующий процессуальный статус, используют его, злоупотребляя своими правами, с целью оказания влияния на основное правоотношение по делу о банкротстве или другие обособленные споры. Разграничение же процессуальных прав и обязанностей основных участников дела о банкротстве и непосредственных участников обособленного спора предоставляет суду, рассматривающему дело о банкротстве, инструмент для пресечения такого злоупотребления⁸.

² Подольский Ю.Д. Обособленные споры в делах о несостоятельности (банкротстве): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. [Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.]. Екатеринбург, 2018. С.52.

³ Нумерация добавлена автором настоящей статьи.

⁴ Там же. С.44-45

⁵ Там же. С.5, 57.

⁶ Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Судьба производства по делу о банкротстве гражданина, включая обособленные споры, в случае установления факта смерти банкрота и возникновения наследственных отношений // Арбитражные споры. 2018. № 2. С. 118 – 128 // СПС Консультант Плюс.

⁷ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС Консультант Плюс.

⁸ См., напр.: Определение от 24.12.2021 по делу №А45-14086/2016, в котором Арбитражный суд Западно-Сибирского округа отказал непосредственному участнику одного обособленного спора в ознакомлении с материалами другого обособленного спора, сославшись на то, что им не подтвержден статус основного участника дела о банкротстве, равно как и статус непосредственного участника обособленного спора, в рамках которого испрашивается ознакомление // Справочная система <https://kad.arbitr.ru>.

«Из этого положения следует, что само по себе определение «обособленный спор» условно и введено Постановлением Пленума ВАС РФ № 35 только для решения отдельных процессуальных задач <...>. «Дело о банкротстве» и «относительно обособленный спор» соотносятся между собой как общее (дело о банкротстве) и его часть (относительно обособленный спор, включенный в дело о банкротстве)»⁹.

В п.15 Постановления Пленума ВАС РФ № 35 перечисляются следующие обособленные споры, имеющие место при рассмотрении дела о банкротстве: (а) по вопросу обоснованности заявления о признании должника банкротом, (б) требования кредитора к должнику, (в) заявления, ходатайства или жалобы, рассматриваемые в порядке ст. 60 Закона о банкротстве, куда относятся заявления и ходатайства арбитражного управляющего, в том числе о разногласиях, возникших между ним и кредиторами или должником, жалобы кредиторов на нарушение их прав и законных интересов, (г) заявления об оспаривании сделки, (д) заявления о привлечении контролирующего должника лиц к ответственности, (е) вопросы, связанные с утверждением, освобождением, отстранением арбитражных управляющих, а также жалобы на действия арбитражных управляющих, (ж) заявления о признании недействительным решения собрания (комитета) кредиторов, (з) требования, в отношении недвижимого имущества в деле о банкротстве застройщика, (и) апеллиационные и кассационные жалобы, заявления о пересмотре судебных актов в порядке надзора, по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Как мы видим, в постановлении Пленума ВАС РФ № 35, правоприменитель относит к обособленным спорам (1) *вопросы, относящиеся к основной процедуре* (например, рассмотрение обоснованности заявления о признании должника банкротом и назначение арбитражного управляющего), (2) *дополнительные споры*, (например, оспаривание сделок должника и привлечение к ответственности лиц, его контролирующих), (3) *споры, которые рассматриваются в порядке ст.60 Закона о банкротстве*, а также (4) *вопросы пересмотра судебных актов*, принятых по делу о банкротстве, отнесение которых к обособленным спорам, равно как и к основному правоотношению, по нашему мнению, не является обоснованным.

Еще одним документом, определяющим соотношение основного правоотношения по делу о банкротстве и обособленного спора является Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апеллиационной и кассационной инстанций)», в п.21.8 которого указывается следующее: «При рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) судебное дело формируется по принципу формирования основного и производных дел, при этом производное дело является частью основного дела». К основному делу, согласно постановлению, относятся вопросы, отно-

сящиеся к процедуре банкротства в целом, например (1) заявление о признании должника банкротом, (2) определение о введении в отношении должника какой-либо процедуры банкротства, (3) о назначении арбитражного управляющего, (4) отчеты арбитражных управляющих, (5) определение о завершении конкурсного производства, (7) определение о прекращении производства по делу и другие. «Производными делами» постановление называет обособленные споры, к которым относит (1) рассмотрение обоснованности требований кредиторов, (2) оспаривание сделок, (3) привлечение к субсидиарной ответственности, (4) вопросы рассмотрения требований в отношении недвижимого имущества в деле о банкротстве застройщика (ст.201.8 Закона о банкротстве), а также вопросы, рассматриваемые в порядке ст.60 Закона о банкротстве, в том числе (5) жалобы на действия (бездействие) арбитражных управляющих и (6) оспаривание решений собраний и комитетов кредиторов.

Распределяя споры, имеющие место в процедуре банкротства на основное дело и обособленные споры, постановление Пленума ВАС РФ №100 оставляет оба перечня открытыми, в то время как постановление Пленума ВАС РФ №35 приводит закрытый список обособленных споров, состоящий из девяти пунктов.

Таким образом, в понимании правоприменителя также отсутствует единый подход к пониманию обособленных споров. Так критерием разделения в постановлении Пленума ВАС РФ №35 является *возможность участия в обособленном споре лиц, не являющихся основными участниками дела о банкротстве*. То есть, согласно логике Пленума, в основном правоотношении по делу о банкротстве участвуют основные участники дела о банкротстве, а в обособленном споре обязательно участвуют непосредственные участники обособленного спора, которые могут быть как из числа основных участников дела о банкротстве, так и лицами, не участвующими в деле о банкротстве. Кроме того, в любом обособленном споре могут принимать участие любые основные участники дела о банкротстве. Постановление Пленума ВАС РФ №100 выделяет другой критерий – *основного и производного правоотношения*. В результате, в соответствии с постановлением Пленума ВАС РФ №35, вопросы обоснованности заявления о признании должника банкротом и назначения арбитражного управляющего относятся к обособленным спорам, а согласно постановлению Пленума ВАС РФ №100 эти вопросы отнесены к основному делу.

По нашему мнению, разделение, предпринятое в постановлении Пленума ВАС РФ №35 должно быть подвергнуто критике, так как критерий такого разделения не является универсальным. Например, вопросы утверждения мирового соглашения по делу о банкротстве, а также вопрос введения в отношении должника финансового оздоровления не могут быть отнесены к обособленным спорам в силу их очевидного процедурного характера, однако, при рассмот-

⁹ Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Указ. соч.

рении данных вопросов в судебном процессе участвуют лица, не являющиеся участниками дела о банкротстве. Это третьи лица, предоставившие независимые гарантии, залог или иное обеспечение исполнения обязательств должника в рамках графика погашения задолженности или мирового соглашения (напр., ст.79 Закона о банкротстве). Также это могут быть третьи лица, заявившие о намерении погасить требования к должнику в рамках любой из процедур банкротства (напр., ст.71.1, ст.85.1, ст.112.1, ст.113, ст.116, ст.125, ст.129.1, ст.189.3 Закона о банкротстве). Более того, законом прямо предусмотрена возможность предъявления лицом, не являющимся участником дела о банкротстве, ходатайства о введении финансового управления в отношении должника (ст. 78 Закона о банкротстве), а также возможность участия в мировом соглашении по делу о банкротстве третьих лиц (ст.157 Закона о банкротстве). Очевидно, что перечисленные лица становятся непосредственными участниками того судебного процесса, в котором рассматривается вопрос, затрагивающий их права и обязанности, а также последующих споров, вытекающих из конкретно этого процесса.

Становится ли при этом такое лицо основным участником дела о банкротстве? – В каких-то случаях - да: если правоотношение допускает правопреемство и дело о банкротстве не прекращается. Примером может служить погашение третьим лицом задолженности по обязательным платежам (напр., ст.71.1, ст.85.1, ст.112.1, ст.129.1 Закона о банкротстве). В каких-то случаях – нет. Например, третье лицо, предоставившее обеспечение исполнения обязательств должника в рамках процедуры заключения мирового соглашения или финансового оздоровления, не приобретет права участия во всех основных и обособленных спорах, в случае если реабилитационная процедура не увенчалась успехом.

Становится ли вопрос об утверждении мирового соглашения или введении финансового оздоровления обособленным спором, если в его рассмотрении участвуют не только основные участники дела о банкротстве, но и лица, права и обязанности которых затрагиваются только этим спором? – Очевидно, что нет.

В этой связи, более обоснованным представляется разделение, предпринятое правоприменителем в постановлении Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100, которое предусматривает наличие основного правоотношения и производных дел (обособленных

споров).

Разделение вопросов, рассматриваемых в рамках дела о банкротстве, основываясь на критерии отнесения их к основному правоотношению или производному делу, приводит к расширению состава основного правоотношения по сравнению с составами, предложенными Е.Е. Уксусовой и Ю.Д. Подольским.

По нашему мнению, к основному правоотношению следует относить вопросы (1) возбуждения дела о банкротстве и рассмотрение вопроса обоснованности заявления о признании должника банкротом¹⁰, (2) назначения арбитражного управляющего и его освобождения от обязанностей по любым основаниям, (3) введения в отношении должника любой из процедур банкротства, а также ее продления или перехода из одной процедуры в другую, (4) завершения дела о банкротстве по любым основаниям.

Применив к выделенным вопросам, рассматриваемым в рамках основного правоотношения, признаки обособленного спора, выделенные Ю.Д. Подольским¹¹, можно увидеть, что вся совокупность таких признаков не может быть установлена в отношении любого из названных вопросов, а следовательно разделение по критерию отнесения к основному правоотношению или производному делу, не противоречит концепции, предложенной ученым.

Все остальные споры, возникающие из материальных правоотношений лиц, участвующих в деле о банкротстве, а также лиц, не являющихся участниками дела о банкротстве, но подлежащие рассмотрению в рамках дела о банкротстве, за исключением споров непосредственным результатом рассмотрения которых является решение вопроса о возбуждении, продлении, завершении дела о банкротстве, введении в отношении должника процедуры банкротства и/или назначения/освобождения арбитражного управляющего, являются обособленными спорами в деле о банкротстве¹².

К обособленным спорам относятся вопросы рассматриваемые в порядке ст.60 Закона о банкротстве, такие как (1) заявления и ходатайства арбитражного управляющего в том числе о разногласиях между ним и кредиторами и/или должником (напр., вопросы вознаграждения арбитражного управляющего, установления лимитов и возмещения расходов на процедуру); (2) жалобы кредиторов на нарушение их прав и законных интересов (напр., оспаривание оценки или порядка реализации имущества должника); (3) разногласия между арбитражным управляющим и ины-

¹⁰ Отдельно стоит обратить внимание на то, что к основному правоотношению мы относим вопрос рассмотрения обоснованности заявления по делу о банкротстве лишь в части установления признаков банкротства должника. В случае если заявление о банкротстве подается не самим должником, а его кредитором, то вопрос обоснованности требования такого кредитора к должнику относится к обособленным спорам, а вопрос наличия у должника признаков банкротства – к основному правоотношению. Равно как к обособленным спорам относится рассмотрение обоснованности всех последующих требований кредиторов, заявленных после первого, в рамках которого рассматривался также вопрос о наличии у должника признаков банкротства.

¹¹ Ю.Д. Подольский выделяет следующие признаки обособленного спора: (1) отдельность дела, рассматриваемого судом и требующего разрешения спора о субъективном праве, (2) связь с основным правоотношением по делу о банкротстве, (3) факультативность, (4) собственный субъектный состав и (5) отдельный предмет доказывания. См. Подольский Ю.Д. Указ. соч. С.65-71.

¹² Процессуальные вопросы, рассматриваемые отдельно от спора о материальном правоотношении, к которым в том числе относятся вопросы обжалования судебных актов, принятых в рамках дела о банкротстве, а также вопросы принятия обеспечительных мер, изменения способа исполнения судебного акта и другие, по нашему мнению, не входят в понятие «обособленный спор» и не могут быть отнесены к таковым. Равно как не относятся они и к основному правоотношению.

ми лицами, в т.ч. гражданами и представителем работников (напр., оспаривание отказа во включении требования в реестр текущих платежей); (4) жалобы на действия (бездействие) арбитражного управляющего (напр., по вопросам использования имущества должника в период проведения процедуры банкротства, бездействие в части оспаривания сделок и привлечения к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника); (5) оспаривание решений собраний и комитетов кредиторов (напр., по вопросу выбора процедуры банкротства, применяемой в отношении должника, продолжения или прекращения деятельности должника в процедуре конкурсного производства, о переходе к реализации имущества должника или расчетам с кредиторами, о применении в отношении должника процедуры замещения активов и прочие).

Из приведенного перечня усматривается, что вопросы, разрешаемые в порядке ст. 60 Закона о банкротстве так или иначе относятся к основному правоотношению и непосредственно связаны с ним. Однако, в результате их рассмотрения не решается вопрос о возбуждении, продлении, завершении дела о банкротстве, введении в отношении должника процедуры банкротства и/или назначения/освобождения арбитражного управляющего. Следовательно, эти вопросы, несмотря на их ярко выраженную связь с основным правоотношением по делу о банкротстве, не являются его частью, а относятся к обособленным спорам. Указанная неразрывная связь с основным правоотношением по делу о банкротстве является важной характеристикой перечисленных обособленных споров. Она проявляется в невозможности возникновения спора по данному основанию между участвующими в нем лицами, в отсутствие дела о банкротстве. Используя термин Е.Е. Уксусовой, назовем обособленные споры, рассматриваемые в порядке ст. 60 закона о банкротстве *основными обособленными спорами*.

Другим видом обособленных споров, рассматриваемых в деле о банкротстве, являются обособленные споры (1) о рассмотрении обоснованности требования кредитора к должнику; (2) об оспаривании сделок должника; (3) о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника и (4) о взыскании убытков. В отношении данной категории обособленных споров, Законом о банкротстве установлены как процессуальные, так и материально-правовые особенности их рассмотрения¹³. Примером процессуальных особенностей рассмотрения данной категории обособленных споров могут служить специальные сроки предъявления требований кредитора, установленные п.1 ст.71 и п.1 ст.142 Закона о банкротстве. Примером материально-правовых особенностей являются специальные основания для оспаривания сделок и привлечения к субсидиарной ответственности, установленные главами III.1 и III.2 соответственно.

¹³ Так рассмотрение обоснованности требования кредитора к должнику урегулировано ст. 71, вопросы оспаривания сделок должника – гл. III.1, привлечение к субсидиарной ответственности – гл. III.2, а взыскание убытков – ст. 61.20, входящей в гл. III.2 Закона о банкротстве.

Перечисленные обособленные споры являются, по нашему мнению, *обособленными спорами в чистом виде*. Их рассмотрение в рамках дела о банкротстве обусловлено не только специальным регулированием, но и процессуальной экономией. Суд, рассматривающий основное дело, видит общую картину неплатежеспособности должника: ее причин и последствий. Следовательно, он имеет больше возможностей для более быстрого и всестороннего изучения фактических правоотношений сторон обособленного спора, а также вынесения законного и обоснованного решения по нему.

Отличительной особенностью данной категории обособленных споров является то, что они вытекают из правоотношений, которые могут существовать и *вне рамок дела о банкротстве*, в обычном гражданском обороте. Так, (1) рассмотрение обоснованности требования кредитора к должнику, в отсутствие дела о банкротстве, является иском о взыскании задолженности, (2) иски об оспаривании сделок вне рамок дела о банкротстве тоже имеют место. Материально-правовые основания и особенности их рассмотрения урегулированы параграфом 2 гл. 9 ГК РФ. Обособленные споры (3) о привлечении к субсидиарной ответственности в обычном хозяйственном обороте также существуют в исковом производстве. Действующее законодательство предусматривает различные случаи, в которых к субсидиарной ответственности по долгам лица могут быть привлечены иные лица. Например, согласно п. 6 ст. 123.20-4 ГК РФ учредитель личного фонда несет субсидиарную ответственность по обязательствам этого личного фонда при недостаточности его имущества, а личный фонд, за исключением наследственного фонда, несет субсидиарную ответственность своим имуществом по обязательствам учредителя личного фонда в течение трех лет со дня его создания. Субсидиарная ответственность по долгам общества предусмотрена законом для участников полного товарищества (п. 1 ст. 75 ГК РФ), членов крестьянского (фермерского) хозяйства, созданного в качестве юридического лица (п. 4 ст. 86.1 ГК РФ), членов производственного кооператива (п. 2 ст. 106.1 ГК РФ), собственников имущества казенного предприятия (п. 6 ст. 113 ГК РФ) и других. Материально-правовые особенности регулирования правоотношений, возникающих из субсидиарной ответственности урегулированы ст. 399 ГК РФ. (4) Взыскание убытков, равно как и возможность (2) оспаривания сделки входит в число основных способов защиты гражданских прав, предусмотренных ст. 12 ГК РФ, общие материально-правовые особенности регулирования которого установлены в ст. 15 Кодекса.

Используя термин Е.Е. Уксусовой, данную категорию обособленных споров можно назвать *дополнительными обособленными спорами*.

Таким образом, при рассмотрении дела о банкротстве можно выделить основное правоотношение, к которому относятся вопросы возбуждения дела о

банкротстве, назначения и освобождения арбитражного управляющего по любым основаниям, введения в отношении должника любой из процедур банкротства, а также ее продления или перехода из одной процедуры в другую и завершения дела о банкротстве по любым основаниям.

Иные споры, возникающие из материальных правоотношений лиц, участвующих в деле о банкротстве, а также лиц, не являющихся участниками дела о банкротстве, но подлежащие рассмотрению в рамках дела о банкротстве, за исключением вопросов, относящихся к основному правоотношению, являются обособленными спорами в деле о банкротстве.

Обособленные споры, подразделяются на основные и дополнительные. К основным обособленным спорам относятся вопросы, разрешаемые судом в порядке ст.60 Закона о банкротстве. Дополнительными обособленными спорами являются споры о рассмотрении обоснованности требования кредитора к должнику, об оспаривании сделок должника, о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контро-

лирующих должника и о взыскании убытков.

Критерием разделения обособленных споров на основные и дополнительные является *характер связи с основным правоотношением по делу о банкротстве*. Основные обособленные споры имеют непосредственную связь с основным правоотношением по делу о банкротстве и не могут существовать в обычном гражданском обороте, в отсутствие дела о банкротстве. Дополнительные обособленные споры имеют опосредованную связь с основным правоотношением по делу о банкротстве и рассматриваются в рамках него с целью процессуальной экономии и максимально эффективного решения задач банкротства. Для дополнительных обособленных споров Законом о банкротстве предусмотрены как материально-правовые, так и процессуальные особенности их рассмотрения. Однако те материально-правовые отношения, результатом которых является дополнительный обособленный спор, могут иметь место в обычном хозяйственном обороте, в отсутствие дела о банкротстве.

Библиографический список

1. Подольский Ю.Д. Обособленные споры в делах о несостоятельности (банкротстве): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. - Екатеринбург, 2018. - 213 с.

2. Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Судьба производства по делу о банкротстве гражданина, включая обособленные споры, в случае установления факта смерти банкрота и возникновения наследственных отношений // Арбитражные споры. - 2018. - № 2. - С. 118 – 128.

3. Уксусова Е.Е. Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // Lex russica. - 2014. - № 2. - С. 211 - 227; № 6. - С. 683 - 703; № 8. - С. 975 – 985.

4. Уксусова Е.Е. Конкурсное судопроизводство и «мини-производство» на примере обжалования действий (бездействия) арбитражного управляющего // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2014. - № 7. - С. 44 – 52.

5. Уксусова Е.Е. Несостоятельность (банкротство) в России и судебная защита прав: гражданско-процессуальная сфера судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. - 2017. - № 10. - С. 88 – 103.

Рецензент: Томина А.П., заведующий кафедрой гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

ГИЛЬМАНОВА ВИКТОРИЯ ИГОРЕВНА

аспирант, ассистент кафедры гражданского и административного
судопроизводства Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 125933, г.
Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, gilmatoria@gmail.com

ПРИМЕНЕНИЕ ИНСТИТУТА ОСТАВЛЕНИЯ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ (ЗАЯВЛЕНИЯ) БЕЗ ДВИЖЕНИЯ ПРИ ОБРАЩЕНИИ В АРБИТРАЖНЫЙ СУД ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ

GILMANOVA VICTORIA IGOREVNA

postgraduate student & Civil and Administrative Proceedings Department assistant of
The Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 125933, Moscow, Sadovaya-
Kudrinskaya St., 9, gilmatoria@gmail.com

IMPLEMENTATION OF LEAVING A CLAIM STATEMENT (STATEMENT) WITHOUT MOVEMENT INSTITUTION WHEN APPLYING TO THE COMMERCIAL COURT OF FOREIGN PERSONS

Аннотация. Целью настоящей статьи является исследование условий и последствий оставления без движения исковых заявлений (заявлений), поданных в арбитражный суд иностранными лицами. Автор выявляет особенности в порядке и способе извещения иностранного лица об оставлении его заявления без движения. При наличии возможности извещения такого лица через его уполномоченного представителя, находящегося на территории России, вынесение определения об оставлении заявления без движения признается допустимым. Анализируя положения многосторонних международных договоров и правоприменительную практику, автор находит порядок извещения иностранных лиц за границей чрезмерно длительным. Отдельно обращается внимание на невозможность спрогнозировать сроки исполнения поручений о вручении компетентными органами документов за границей и отсутствие условий для контроля порядка их исполнения. Данные обстоятельства не позволяют эффективно использовать институт оставления искового заявления без движения, в связи с чем автор приходит к выводу о нецелесообразности обращения к нему при необходимости извещения иностранного лица через компетентные органы.

Ключевые слова: иностранные лица, арбитражный процесс, оставление искового заявления без движения, извещение иностранных лиц, надлежащее извещение, судебное поручение, разумный срок.

Review. The article is purposed to study the conditions and consequences of leaving statement claims (statements) filed with the commercial court by foreign persons without movement. The author identifies features in the procedure and method of notifying a foreign person about leaving his application without movement. If it is possible to notify such a person through his authorized representative located on the territory of Russia, issuing a judgment to leave the application without movement is considered acceptable. Analyzing the provisions of multilateral international treaties and law enforcement practice, the author finds the procedure for notifying foreign persons abroad excessively lengthy. Separately, attention is drawn to the impossibility of predicting the timing of orders execution for the service abroad by competent authorities and the lack of conditions for monitoring the procedure for their execution. These circumstances do not allow the effective use of leaving statements without movement institution, and therefore the author draws the conclusion that it is inappropriate to contact him if it is necessary to notify a foreign person through the competent authorities.

Keywords: foreign persons, commercial process, leaving the claim statement without movement, notification of foreign persons, proper notice, the service abroad, reasonable term.

К процессуальным отношениям с участием иностранных лиц применяются общие правила арбитражного судопроизводства с особенностями, установленными Главой 33 АПК РФ и международными договорами (ч. 1 ст. 253 АПК РФ). При этом в силу ч. 3 ст. 253 АПК РФ изъятия из общих правил установлены лишь в отношении сроков рассмотрения дел с участием иностранных лиц. Между тем, полагаем, применение общих правил требует разумного и взве-

шенного подхода с учетом специфики участия в деле иностранных лиц и функционального назначения институтов, применяемых судом уже на этапе возбуждения производства по делу. К таким институтам, в частности, относится совокупность норм об оставлении искового заявления (заявления) без движения, которые требуют исследования с точки зрения условий и последствий их применения в ответ на обращение в суд иностранного лица.

По общему правилу согласно ч. 1 и ч. 2 ст. 128 АПК РФ при не соблюдении требований к форме, содержанию искового заявления и документов, прилагаемых к нему, арбитражный суд оставляет его без движения и устанавливает срок, в течение которого истец должен устранить обстоятельства, послужившие основанием для оставления искового заявления без движения. Заявитель в силу ч. 1 ст. 121 АПК РФ извещается о данных обстоятельствах путем направления ему определения об оставлении заявления без движения. Безусловно, не исключено направление извещения иностранному участнику процесса, например, по указанному им в заявлении адресу представителя, находящегося на территории России (ч. 2 ст. 253 АПК РФ), на что в том числе обращено внимание в п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23¹.

Однако, полагаем, что в случае отсутствия указания иностранным лицом на уполномоченного представителя, находящегося на территории России, оставление его заявления без движения не является оптимальным решением.

При извещении иностранного истца суд руководствуется ч. 3 ст. 253 АПК РФ, согласно которой такое извещение производится путем направления поручения в учреждение юстиции или другой компетентный орган иностранного государства. Необходимость уведомления иностранных лиц через компетентные органы представляется гарантией надлежащего извещения и обосновывается в науке с акцентом на то, что извещение в иной форме является «грубо нарушающим суверенитет государства, процессуальный публичный порядок и право на судебную защиту в его конституционно-правовом толковании»².

Основным источником, регулирующим на международном уровне порядок судебного извещения иностранных лиц является Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам, заключенная в г. Гааге 15.11.1965 (далее – «Гаагская конвенция 1965 г.»)³. По общему правилу согласно ст. 3 Гаагской конвенции 1965 г. запрос о вручении судебного

документа направляется в Центральный орган запрашиваемого государства, при этом в соответствии с пунктом «а» ст. 10 данной конвенции, если запрашиваемое государство не заявляет возражений, конвенция не препятствует возможности непосредственно посылать по почте судебные документы лицам, находящимся за границей. Конкретная форма заявления таких возражений запрашиваемым государством не определена, и в практике арбитражных судов нередко возникает необходимость выявления данного факта. Например, Греческая Республика ратифицировала указанную конвенцию с оговорками, и в отношении статьи 10 конвенции прямо заявила о неприменимости способа направления судебных и внесудебных документов напрямую, в связи с чем направление судебного акта лицу, находящемуся на территории данного государства, будет считаться ненадлежащим извещением⁴. Судами выявлялось, что такая же оговорка, например, была сделана Мальтийской Республикой⁵, Норвежской Республикой⁶, Республикой Корея⁷, и направление документов напрямую лицу, находящемуся за границей, без обращения к компетентным органам данных государств приводило к выводу о ненадлежащем извещении.

Нередко суды признают надлежащим извещение путем использования порядка, предусмотренного в п. «а» ст. 10 Гаагской конвенции 1965 г., указывая на то, что соответствующее государство не делало оговорку в отношении применения данного положения международного договора, но только в том случае, если оно было вручено адресату⁸. Если же такое извещение по каким-либо причинам не вручено, то оно признается ненадлежащим⁹, поэтому направление судебного акта непосредственно иностранному лицу, находящемуся за границей, допустимо лишь в том случае, когда государство его места нахождения не возражало относительно такого порядка извещения, а также в случае наличия достоверных и полных данных об успешной доставке судебного документа.

Еще одним многосторонним договором, определяющим порядок исполнения поручений о взаимной

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

² Ярков В. В. Судебные извещения в международном гражданском процессе (на примере извещения российских граждан судами Великобритании) // Закон. 2012. № 8. С. 36.

³ Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам (заключена в г. Гааге 15.11.1965) // СЗ РФ. 2004. № 50. Ст. 4951.

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.11.2018 № 5-КГПР18-232 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Электронная справочная. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/10986682> (дата обращения: 10.03.2024).

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 31.10.2017 по делу № А40-203682/2016 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/893d0011-1043-4065-8dee-3dd1c52ffc93> (дата обращения: 10.03.2024).

⁶ Обзор судебной практики Арбитражного суда Северо-Кавказского округа по разрешению споров, связанных с защитой иностранных инвесторов, утвержденный Президиумом Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30.11.2016 // Официальный сайт Арбитражного суда Северо-Кавказского округа. URL: <https://fassko.arbitr.ru/about/korrupciya/report> (дата обращения: 10.03.2024).

⁷ Решение Суда по интеллектуальным правам от 17.01.2018 по делу № СИП-675/2016 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/c665119b-7739-4e54-94fa-77a654fbce97> (дата обращения: 10.03.2024).

⁸ Решение Суда по интеллектуальным правам от 23.11.2023 по делу № СИП-801/2022 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a8ad22fb-2dc5-41ff-87ec-c93509ddc304> (дата обращения: 10.03.2024).

⁹ Постановление ФАС Московского округа от 27.12.2013 по делу № А41-9446/2011 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/24c11222-304e-4f3a-b84b-723b990b92ce> (дата обращения: 10.03.2024).

помощи, является Киевское соглашение 1992 г.¹⁰, согласно которому взаимная помощь в виде вручения документов производится через непосредственное взаимодействие компетентных судов и других органов государств – участников СНГ (ст. 5). Двусторонние же международные договоры о правовой помощи, как правило, определяют сношение через учреждения юстиции договаривающихся стран¹¹. В отсутствие двустороннего договора с конкретным государством применяются либо указанные выше многосторонние договоры, либо иностранное лицо извещается через территориальные органы Министерства юстиции РФ и Министерства иностранных дел РФ в порядке международной вежливости (абз. 10 п. 27 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23). Заметим, что ни Гагская конвенция 1965 г., ни Киевское соглашение 1992 г. не определяют срок для направления и исполнения поручений, что, вероятно, индивидуально и обусловлено внутренними правилами государств о порядке взаимодействия национальных органов по поводу исполнения иностранных поручений.

При этом, как следует из разъяснений, содержащихся в п. 15 постановления Пленума ВАС РФ от 09.12.2002 № 11, определение продолжительности срока оставления заявления без движения предполагает обязательный учет времени, необходимого для устранения недостатков, а также времени на доставку почтовой корреспонденции¹². Следовательно, в случае оставления без движения искового заявления (заявления) иностранного лица первой проблемой будет определение срока на устранение недостатков, послуживших основанием его оставления без движения.

Общие разъяснения по поводу определяемых арбитражным судом сроков для надлежащего исполнения поручения в иностранной юрисдикции, даны в п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23. Данные сроки ставятся в зависимость от того, в каком порядке Министерство юстиции РФ или органы Министерства иностранных дел РФ взаимодействуют с компетентными органами иностранных государств. Если же они взаимодействуют в дипломатическом порядке, то арбитражный суд должен направить поручение о вручении судебных документов не позднее чем за девять месяцев до дня рассмотрения дела (равно как и совершения про-

цессуального действия), если иное не предусмотрено международным договором. Если же Министерство юстиции РФ при оказании правовой помощи взаимодействует с центральными органами юстиции иностранных государств непосредственно, то такой срок с аналогичными условиями составляет минимум шесть месяцев.

Совершенно очевидно, необходимость направления иностранного поручения о вручении определения об оставлении заявления без движения через компетентные органы государств приведет к существенному увеличению срока на устранение недостатков, и его исчисление будет производиться далеко не парой месяцев. Несмотря на то, что в науке уже длительное время поднимается вопрос поиска ускоренных способов извещения иностранных лиц¹³, данная проблема не разрешена ввиду ее нахождения на уровне межгосударственного взаимодействия. При этом направление судебного документа в порядке п. «а» ст. 10 Гагской конвенции 1965 г. имеет свои риски, связанные с тем, что отсутствие доказательств вручения приведет лишь к потере времени на избранный способ извещения, тогда как обращение к компетентным органам представляется более надежным, хотя и значительно длительным порядком извещения. Даже попытка извещения иностранного лица через представителя на территории России может стать неудачной и вызывать необходимость прибегнуть к направлению судебного поручения в дипломатическом порядке¹⁴.

В данном случае мы видим проблему не только длительности самого срока на устранение недостатков, послуживших основанием оставления заявления без движения, но и отсутствие каких-либо способов объективного контроля их соблюдения. Как разъяснял Пленум ВАС РФ в постановлении от 25.12.2013 № 99, если по истечении установленного срока арбитражный суд не располагает информацией об устранении заявителем обстоятельств, которые послужили основанием для оставления заявления без движения, то суд выясняет, имелся ли у заявителя (с учетом даты получения им копии определения) достаточный срок для устранения указанных в определении обстоятельств и поступала ли в суд от заявителя информация о позднем получении определения или иных объективных препятствиях для устранения этих обстоятельств в срок либо ходатайство о

¹⁰ Соглашение стран СНГ от 20 марта 1992 г. «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» // Закон. 1993. № 1.

¹¹ См., например: ст. 4 Договора между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам (подписан в г. Москве 23 сентября 1997 г.) // Бюллетень международных договоров. № 11. 2003. С. 40-51; ст. 2 Договора между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Риге 3 февраля 1993 г.) // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1932; ст. 2 Договора между Российской Федерацией и Республикой Индией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и торговым делам (подписан в г. Нью-Дели 3 октября 2000 г.) // СЗ РФ. 2006. № 20. Ст. 2160 и др.

¹² Постановление Пленума ВАС РФ от 09.12.2002 № 11 (ред. от 17.11.2015) «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2003. № 2.

¹³ Кольцов А. А. Участие иностранных лиц в российском арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 24.

¹⁴ Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 05.08.2010 по делу № А17-1904/2010 // Электронное правосудие. Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/16f3a190-0809-442b-8afa-0be22bad2a8b> (дата обращения: 10.03.2024).

продлении срока оставления искового заявления (заявления) без движения в связи с такими препятствиями¹⁵. В условиях достаточности срока суд возвращает исковое заявление (заявление) со ссылкой на п. 4 ч. 1 ст. 129 АПК РФ не позднее дня, следующего за днем истечения срока оставления искового заявления (заявления) без движения.

При направлении извещения посредством почтовой связи, информация о его доставке может быть отслежена судом, однако в рассматриваемой нами ситуации почти невозможно установить этап исполнения компетентными органами иностранной власти поручения о вручении судебного документа. Для этого суду нужно будет фактически ожидать возвратившегося через все компетентные органы государств подтверждения о вручении либо не вручении определения об оставлении заявления без движения, то есть данный срок тоже нужно учитывать при установлении даты, в которую заявитель должен устранить недостатки. Более того, такое вручение может вовсе и не состояться ввиду отсутствия адресата в месте вручения и иных причин, которые не позволяют сделать вывод о надлежащем извещении. В таком случае арбитражный суд будет вынужден продлить срок оставления без движения, но на какой именно, по-прежнему остается неясно. Получается, слишком длительный срок оставления заявления без движения нельзя определить как разумный, а сокращение данного срока может привести к его недостаточности, что абсолютно неуместно в условиях отсутствия сведений о ходе исполнения иностранного поручения.

Также можно принять во внимание то, что определение об оставлении заявления без движения по общему правилу не подлежит апелляционному обжалованию¹⁶, в отличие от определения о его возвращении. С данными обстоятельствами некоторые авторы связывают выявленную ими тенденцию необоснованного вынесения судами определений об оставлении исковых заявлений без движения¹⁷. Не вдаваясь в критику правоприменительной деятельности, отметим, что при отсутствии согласия иностранного лица с требованием о предоставлении дополнительных сведений и доказательств, их подтверждающих, оно вынуждено будет ожидать вынесения определения о возвращении заявления и уже обжаловать именно его. Подобная ситуация возникла в одном из дел о признании и приведении в исполнение иностранного решения, в котором арбитражный суд оставил заявление без движения (на месяц) и в последующем его возвратил¹⁸. Гонконгская компания

обжаловала судебный акт о возвращении ей заявления, а суд апелляционной инстанции, признав доводы заявителя обоснованными, направил вопрос на новое рассмотрение. Примечательно, что в данной ситуации заявление было оставлено без движения с указанием на необходимость представить доказательство, которое непосредственно не включено в перечень документов, подлежащих представлению в соответствующей категории дел. На необходимость представления данного документа, как мы полагаем, можно было указать в определении о принятии к производству заявления.

Приведенная ситуация, безусловно, подчеркивает, что формальный подход недопустим, и в каждом конкретном случае судам следует оценивать в том числе возможность принятия заявления к производству с некоторыми недостатками в качестве альтернативы возвращению. Заметим, что в последние годы и законодатель стал отходить от формального подхода, допуская возможность принятия к производству заявлений с недостатками в содержании и приложениях к ним при регулировании административного судопроизводства (п. 5 ч. 1 ст. 196 КАС РФ).

Учитывая, что возвращение заявления не препятствует повторному обращению с таким же требованием в арбитражный суд в общем порядке (ч. 6 ст. 129 АПК РФ), полагаем, права иностранного лица не будут нарушены. При всей нашей склонности обеспечить гарантии реализации иностранному лицу права на обращение в арбитражный суд, полагаем, установление последствия в виде возвращения искового заявления (заявления) в связи с несоблюдением конкретных требований к его форме, содержанию и приложениям, является резонным. С учетом исчерпывающего перечня требований к исковому заявлению (заявлению), затягивание его нахождения в производстве арбитражного суда в условиях объективной невозможности установить разумный срок, как мы полагаем, совершенно неуместно. Причем мы не аргументируем свой вывод особенностями ведения делопроизводства в суде и субъективными факторами, которые могут привести к негативным последствиям длительного хранения материалов в период оставления без движения, поскольку проблемы организационного характера не должны влиять на осуществление права на обращение в суд.

Как справедливо указывает Н. А. Громошина, «при всей своей универсальности процесс, опосредующий материальные правоотношения, «обслуживающий» материальное право, находится от него в очевидной зависимости. Углубление и расширение

¹⁵ Постановление Пленума ВАС РФ от 25 декабря 2013 г. № 99 (ред. от 23.12.2021) «О процессуальных сроках» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 3.

¹⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 373-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каплиева Анатолия Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 128 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 6; определение ВАС РФ от 25.08.2008 № 10746/08 по делу № А50-340/2008 // Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/0ab01f07-d564-4e12-ac1d-069e38805ed8> (дата обращения: 10.03.2024).

¹⁷ Кальгина А. А., Ильин Б. В. Эффективность судопроизводства: оставление заявления без движения // Вестник арбитражной практики. 2019. № 1. С. 74.

¹⁸ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.07.2019 по делу № А40-69696/2019 // Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/8383daa8-5c67-4d34-84e2-9714c122a481> (дата обращения: 10.03.2024).

материального права с определенной необходимостью вызывает появление специальных процессуальных норм...»¹⁹. В рассматриваемом нами случае, как мы полагаем, универсальная норма об оставлении заявления без движения должна применяться с учетом специфики субъектного состава материального отношения, которое осложнено иностранным элементом. Мы видим обоснованным дополнение положений Главы 33 АПК РФ новой нормой о дифференцированном подходе к оставлению заявления иностранного лица без движения в зависимости от наличия у него на территории России представителя.

Таким образом, полагаем, такое последствие несоблюдения иностранным заявителем требований к форме, содержанию заявления и его приложениям как

оставление без движения, должно наступать только в том случае, когда на территории России у иностранного взыскателя имеется представитель, через которого допустимо извещение о данном процессуальном факте. При указанных обстоятельствах применение положений ст. 128 АПК РФ является оправданным и эффективным. Однако, как нам кажется, использование общих правил нецелесообразно в том случае, когда имеется необходимость в извещении непосредственно иностранного лица, находящегося за рубежом. Данный вывод обоснован чрезмерно длительными и, главное, непрогнозируемыми сроками исполнения поручений о вручении компетентными органами документов за границей, а также отсутствием условий для контроля порядка их исполнения.

Библиографический список

1. Громошина Н. А. Процессуальные особенности или специализированный процесс? // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 9. – С. 8-10.
2. Кальгина А. А., Ильин Б. В. Эффективность судопроизводства: оставление заявления без движения // Вестник арбитражной практики. – 2019. – № 1. – С. 70-78.
3. Кольцов А. А. Участие иностранных лиц в российском арбитражном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 27 с.
4. Ярков В. В. Судебные извещения в международном гражданском процессе (на примере извещения российских граждан судами Великобритании) // Закон. – 2012. – № 8. – С. 33-38.

Рецензент: Томина А.П., заведующий кафедрой гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

¹⁹ Громошина Н. А. Процессуальные особенности или специализированный процесс? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 9. С. 8.

ЛУКАШИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

аспирант кафедры гражданского и административного судопроизводства
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993, г. Москва, ул. Садовая-
Кудринская, д. 9, aallukashin@gmail.com

О ДОПУСТИМОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО ДЕЛАМ, РАССМАТРИВАЕМЫМ В ПОРЯДКЕ АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

LUKASHIN ALEXANDR ALEXANDROVICH

postgraduate student of the department of civil and administrative proceedings of the
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 125993, Russia, Moscow, Sadovaya-
Kudrunskaya Street, 9, aallukashin@gmail.com

ON THE ADMISSIBILITY OF USING SPECIAL LEGAL KNOWLEDGE IN PROVING IN CASES, CONSIDERED IN THE ORDER OF ARBITRATION PROCEEDINGS

Аннотация. В статье рассматривается концептуальная возможность доказывания сведений правового характера с точки зрения известной римской максимы *jura novit curia*. В результате исследования автор приходит к выводу о допустимости квалификации в качестве доказательств сведений о содержании иностранного права. В статье отмечается трансформация в условиях непрерывного развития и усложнения правовой системы принципа *jura novit curia* применительно к национальному законодательству. Формулируется вывод о наличии существенных различий между сведениями о фактических обстоятельствах рассматриваемого арбитражным судом дела и сведениями о толковании и юридической квалификации фактов. Выявленные различия не позволяют рассматривать последние в качестве доказательств.

Ключевые слова: специальные знания, правовые знания, доказательства в арбитражном процессе, заключение эксперта, консультация специалиста, ответ на запрос специализированного арбитражного суда, правовые заключения.

Review. The article considers the conceptual possibility of proving legal information from the point of view of the famous Roman principle *jura novit curia*. As a result of the research, the author comes to the conclusion that it is permissible to qualify information about the content of foreign law as evidence. The article notes the transformation of the principle of *jura novit curia* in relation to national legislation in the context of the continuous development and complication of the legal system. The author states that there are essential differences between information about the actual circumstances of the case being considered by the arbitration court and information about the interpretation and legal qualification of the facts. The revealed differences do not allow us to consider the latter as evidence.

Keywords: special knowledge, legal knowledge, evidence in the arbitration process, expert opinion, specialist consultation, response to the request of the specialized arbitration court, legal opinion.

Вопрос о возможности обращения суда к ученым-правоведам с целью получения их мнения относительно толкования правовых норм или юридических фактов, имеющих место в рамках конкретного рассматриваемого судом спора, решался в законодательстве, правоприменительной практике, а зачастую и в доктрине, путем следования известной максиме Римского права – *jura novit curia*. Так, арбитражное процессуальное законодательство Российской Федерации до недавних пор допускало постановку перед экспертами правовых вопросов исключительно в случае, когда для правильного рассмотрения и разрешения экономического спора необходимо установить

содержание норм иностранного права (ч. 2 ст. 14 АПК РФ). Это исключение известно цивилистическому процессу со времен Устава гражданского судопроизводства 1864 года (далее – УГС), статья 709 которого наделяла суд правом обратиться к министерству иностранных дел в случае возникновения затруднений в применении иностранных законов¹. Во всех остальных случаях, в силу императивного метода правового регулирования в арбитражном процессе – разрешены только те действия, которые прямо разрешены законом: постановка перед сведущими лицами вопросов права и юридической квалификации спорных правоотношений недопустима, на что обращалось

---

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией: Ч. 1. 2-е изд., дополненное. СПб: в типографии 2 отделения Собственной Е.И. В. Канцелярии, 1867. С. 260.

внимание в разъяснениях высших правоприменительных органов². Этого же подхода придерживается Совет судей Российской Федерации³.

Вместе с тем, сложно спорить с встречающейся в научной литературе позицией, в силу которой правило *jura novit curia* было сформулировано в условиях, когда все законодательство умещалось на двенадцати таблицах⁴. Действительно, в условиях динамично развивающегося общества, непрерывного процесса возникновения новых технологий и сопровождающего их правового регулирования, вряд ли один судья может быть одинаково сведущ во всех отраслях российского права.

Несостоятельность одной лишь апелляции к упомянутой максиме Римского права можно обнаружить, обратившись к трудам А.Х. Гольмстена, который еще в 1905 году привел значительное число исторических примеров (относящихся в том числе к древнеримскому периоду развития права) обращения судов к представителям юридической науки за дачей заключения по правовым вопросам. Из проведенного А.Х. Гольмстеном исследования следует, что существование правила *jura novit curia* совершенно не препятствовало судам (в том числе российским, отправлявшим правосудие, руководствуясь УГС) в различные периоды истории обращаться к ученым-юристам за выяснением их профессионального мнения о правовой стороне рассматриваемого спора⁵.

В связи с изложенным, вряд ли может быть дан однозначный ответ на вопрос о концептуальной возможности обращения суда к правоведам для получения их заключения по юридическим вопросам. В рамках настоящего исследования рассмотрим возможность легализации практики подобных обращений посредством институтов доказательственного права и участия в осуществлении правосудия сведущих лиц. Следует отметить, что обозначенная проблема является общей для всех видов цивилистического процесса, но в арбитражном она приобретает особую актуальность под влиянием следующих факторов.

Во-первых, в течение последних нескольких лет участниками арбитражного процесса в суд представляется документ, составленный торгово-промышленной палатой субъекта Российской Федерации (далее – ТПП субъекта РФ), именуемый заключением, в котором содержатся обоснованные сотрудником палаты выводы о возникновении в рамках конкретных правоотношений обстоятельств непреодолимой силы. Деятельность по предоставлению таких заклю-

чений регламентирована Законом РФ от 07.07.1993 №5340-1 «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации»⁶ и утвержденным Советом ТПП РФ в соответствии с ним Положением о свидетельствовании уполномоченными торгово-промышленными палатами обстоятельств непреодолимой силы по договорам (контрактам), заключенным в рамках внутрироссийской экономической деятельности⁷.

Вывод сотрудника ТПП субъекта РФ заключается в суждении о наличии или отсутствии обстоятельств непреодолимой силы в рамках исследованных правоотношений. Поскольку обстоятельство непреодолимой силы требует юридической квалификации определенных фактов, заключение ТПП субъекта РФ в данном случае является источником не фактической, а правовой информации.

Во-вторых, новеллой арбитражного процессуального законодательства, повлекшей за собой новый виток развития дискуссий о допустимости обращения судов за правовыми консультациями к другим лицам, стало дополнение ст. 16 АПК РФ в 2011 году частью 1.1, которая наделила специализированный арбитражный суд правом направлять запросы с целью получения разъяснений, консультаций и выяснения профессионального мнения ученых, специалистов и прочих лиц, обладающих теоретическими, практическими познаниями по существу разрешаемого спора. При этом, из актов толкования этой нормы Судом по интеллектуальным правам (далее – СИП) следует, что, по мнению правоприменителя, указанное правило допускает обращение с запросом для выяснения позиции различных ученых о толковании норм права.

Несложно обнаружить схожесть оснований направления СИП запросов и привлечения арбитражными судами специалиста для получения его консультации (ст. 87.1 АПК РФ). Она является результатом применения сведущими лицами своих специальных знаний в форме осуществления справочно-консультационной деятельности в цивилистическом процессе. При таких обстоятельствах возникает вопрос, можно ли рассматривать ответ на запрос специализированного арбитражного суда в качестве результата применения специальных знаний с последующим признанием за таким ответом доказательственного значения?

Для ответа на поставленные выше вопросы необходимо обратиться к признакам специальных знаний,

² Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 №23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Вестник ВАС РФ. 2004. №6.

³ Заключение Комиссии Совета судей РФ по этике от 23.08.2021 № 7-КЭ «О праве судьи на владение, пользование и распоряжение цифровыми финансовыми активами, цифровой валютой». URL: <http://www.ssrj.ru/> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ Гаврилов Э.П. Право суда запрашивать заключения по правовым вопросам, несмотря на наличие в Римском праве принципа *jura novit curia* // Хозяйство и право. 2017. №4. С. 28.

⁵ Гольмстен А.Х. Участие представителей юридической науки в отправлении гражданского правосудия // Вестник гражданского процесса. 2023. №3. С. 168-205.

⁶ Закон РФ от 07.07.1993 № 5340-1 (ред. от 12.12.2023) «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» // Российская газета. № 154. 12.08.1993.

⁷ Постановление Совета ТПП РФ от 24.06.2021 №7-2 (ред. от 21.12.2023) «Об утверждении положения о свидетельствовании уполномоченными торгово-промышленными палатами обстоятельств непреодолимой силы по договорам (контрактам), заключенным в рамках внутрироссийской экономической деятельности». // Официальные документы. 17-23.08.2021. №30.

а именно определиться с возможностью включения в содержание этой категории знаний правового характера. В научной литературе представлена точка зрения, в силу которой правовые знания по своей природе являются специальными⁸. На наш взгляд, такая позиция имеет право на существование в контексте общего деления знаний на общеизвестные и специальные. Однако при этом представляется, что правовые знания не могут быть отнесены к числу специальных в значении, которое придается этому термину в цивилистическом процессе, по следующей причине.

Понятие специальных знаний не различается в зависимости от процессуальной формы их применения. Как в случае проведения по делу судебной экспертизы, так и при получении консультации специалиста или оказания специалистом суду непосредственной (технической) помощи специальные знания понимаются одинаково. В этой связи признание правовых знаний специальными должно иметь своим результатом допустимость и непротиворечивость использования таких знаний в любой из указанных выше процессуальных форм. Следовательно, если использование правовых знаний в одной из обозначенных процессуальных форм (к примеру, при проведении судебной экспертизы или получении консультации специалиста) оказывается концептуально невозможным, значит знания в области права не могут в принципе рассматриваться как разновидность специальных знаний.

Основной формой применения специальных знаний в арбитражном процессе является судебная экспертиза, имеющая своим непосредственным результатом доказательство – заключение эксперта (ст. 86 АПК РФ). Таким образом, в случае признания правовых знаний специальными, их применение в форме проведения судебной экспертизы также должно приводить к получению судом новой доказательственной информации.

Понятие доказательств на протяжении довольно продолжительного периода развития российской цивилистической процессуальной науки оставалось дискуссионным. Судебные доказательства рассматривались как фактические обстоятельства (сведения о фактах)⁹, как фактические обстоятельства (сведения о фактах) или средства доказывания¹⁰, как фактические обстоятельства (сведения о фактах) и, одновременно, средства доказывания¹¹.

Безотносительно предпочитаемого тем или иным ученым подхода к пониманию доказательств, можно

говорить о наличии консенсуса относительно того, что судебные доказательства представляют собой сведения о фактах, находящихся в определенной связи с обстоятельствами, которые должен установить суд в ходе рассмотрения дела.

Именно как сведения о фактах в первую очередь определяются судебные доказательства в современном арбитражном процессуальном законодательстве (ч. 1 ст. 64 АПК РФ).

Рассмотрим возможность получения сведений о фактах из результатов применения специальных знаний. Правовые знания в арбитражном процессе могут использоваться в двух направлениях: для установления содержания правовых норм и для выяснения мнения лица, владеющего правовыми знаниями, относительно толкования норм права и применения их к конкретным правоотношениям, о юридической квалификации правоотношений, выступающих предметом судебного рассмотрения.

В первом случае существование и содержание определенных правовых норм, безусловно, может рассматриваться как факт объективной действительности. Вместе с тем, думается, что вопрос о наличии или отсутствии доказательственного значения у результатов сообщения суду такого рода правовой информации будет решаться по-разному в зависимости от принадлежности правовых норм, содержание которых доводится до сведения суда, к национальному законодательству.

Как справедливо отмечает П.Д. Блохин, «предполагается, что содержание российского права не является информацией, недоступной непосредственному восприятию судьи»¹². Действительно, учитывая обилие справочно-правовых систем и ресурсов затруднительно предположить, что установление наличия какой-либо правовой нормы в национальном законодательстве вызовет сколько-нибудь существенные сложности у лица, успешно сдавшего экзамен на присвоение статуса судьи арбитражного суда. В этой связи, несмотря на то, что с формальных позиций содержание российского права – это фактическое обстоятельство, а, следовательно, сведения о нем являются доказательствами, допускать обращение судов к ученым-юристам для получения такого рода информации в целом представляется неоправданным и несоответствующим целям арбитражного судопроизводства, прежде всего в части своевременности рассмотрения дел, отнесенных к компетенции арбитражных судов.

В описанной ситуации, на наш взгляд, должно со-

⁸ См., напр.: Жижина М.В. Криминалистическая экспертиза документов в арбитражном судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 42 - 43; Дьяконова О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государственных органов: теория и практика: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2021. С. 26.

⁹ См., напр.: Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. СПб., 1885. С. 157; Курылев С.В. Избранные труды. Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2012. С. 53.

¹⁰ См., напр.: Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М., 1909. С. 178-179; Гражданское процессуальное право: учебник / С.А. Алехина, В.В. Блажеев и др.; под ред. М.С. Шакарян. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. С. 146-147 (автор главы – А.К. Сергун).

¹¹ См., напр.: Треушников М.К. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1982. С. 6; Фурсов Д.А., Харламова И.В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Том второй: Гражданское судопроизводство как форма отправления правосудия. М.: Статут. 2009. С. 271 (автор главы – Д.А. Фурсов).

¹² Блохин П.Д. Умножение сущностей: обращение Конституционного Суда РФ к международной (зарубежной) судебной практике // Вестник исполнительного производства. 2021. № 3. С. 8.

храняться действие принципа *jura novit curia*. Вместе с тем, представляется необходимым отметить, что его содержание неизбежно трансформируется в условиях непрекращающегося и стремительного роста объема источников права, а также их цифровизации и каталогизации в справочно-правовые системы. Думается, что в настоящее время эта максима должна звучать не «судья знает право», а как «судья может узнать право».

Иначе обстоит дело с обращением судов к правоведам для установления содержания иностранного права. Норма ч. 2 ст. 14 АПК РФ прямо наделяет арбитражные суды правом привлечь к участию в деле экспертов в этих целях. При этом, Верховным Судом РФ было разъяснено, что сведениями о содержании норм иностранного права являются тексты иностранных правовых актов, ссылки на источники опубликования иностранных правовых актов, заключения о содержании норм иностранного права, подготовленные лицами, обладающими специальными познаниями в данной области¹³. Комментируя эти положения процессуального законодательства, отметим, что, по нашему мнению, законодателем не вполне верно определен процессуальный статус сведущего лица, сообщаящего суду сведения о содержании норм иностранного права, о чем будет сказано ниже.

Знание российским судом правовых норм всех зарубежных правовых порядков, разумеется, невозможно. Поэтому думается, что привлечение судом сведущих в вопросах иностранного права лиц в этих целях более чем оправданно. Процессуальная форма, в которую будет облекаться такая деятельность, зависит от характера поставленных перед сведущим лицом вопросов и особенностей зарубежной правовой системы. Так, информация о содержании зарубежных источников позитивного права может быть представлена в суд в форме консультации специалиста, поскольку добывается без проведения углубленного исследования. В свою очередь, если для установления содержания права отдельных государств, относящихся, к примеру, к англо-саксонской правовой семье, необходимо провести изучение правоприменительной практики такого государства по обстоятельствам рассматриваемого дела, данная деятельность сведущего лица должна осуществляться в форме судебной экспертизы.

Таким образом, правовые знания в области иностранного права вполне могут быть отнесены к специальным и использоваться с целью получения доказательственной информации по делу.

Перейдем к рассмотрению возможности привлечения правоведа к участию в деле для выяснения их профессионального мнения по тем или иным правовым вопросам, возникающим в ходе рассмотрения

судом спора.

Как было отмечено выше по тексту настоящей статьи, запрос СИП может выступать процессуальным инструментом получения акта толкования правовых норм.

В настоящее время наиболее распространенной в научной литературе является точка зрения, в силу которой под толкованием права понимается деятельность по уяснению и разъяснению смысла правовых норм, находящая выражение в определенном акте толкования¹⁴. Объектом толкования права является государственная воля, официально выраженная и объективно закрепленная в письменной форме¹⁵.

Таким образом, ответ на запрос СИП о толковании правовых норм является источником сведений о выраженной в этих нормах воле законодателя.

Для правильного рассмотрения и разрешения спора суду необходимо установить имевшие место между сторонами жизненные обстоятельства, с которыми нормы действующего права связывают правовые последствия, то есть юридические факты.

Жизненные обстоятельства признаются юридическими фактами в результате их сопоставления с правовыми нормами, отражающими волю законодателя. Следовательно, саму волю субъекта правотворчества признать юридическим фактом невозможно. Иначе образуется неразрешимый логический парадокс, в котором для того, чтобы выявить потребность в установлении воли законодателя (юридического факта) необходимо сначала установить волю законодателя, которая связывает с этим юридическим фактом правовые последствия.

Кроме того, в современном цивилистическом процессе сохраняет свое действие правило распределения ролей участников процесса между лицами, участвующими в деле, и судом, которое точно сформулировал еще Е.В. Васьковский: «Для проверки правомерности иска суду нужно установить, во-первых, фактические обстоятельства дела, из которых истец выводит свое требование, и, во-вторых, юридические нормы, под которые эти обстоятельства подходят... По общему правилу, тяжущиеся обязаны установить (*представляется, что автор имеет в виду обязанность тяжущихся доказать – А.Л.*) содержание малой посылки, т.е. фактические обстоятельства дела. Напротив, юридические нормы, под которые эти обстоятельства подходят, и эмпирические положения устанавливаются самим судом»¹⁶.

Возложение «бремени доказывания» правовых норм, их смысла и содержания на стороны поставило бы их перед необходимостью не только знать действующее законодательство, но также уметь его правильно толковать. Иными словами, стороны в такой ситуации должны сами быть лицами, сведущими в

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 №23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Российская газета. №144. 04.07.2017.

¹⁴ См., напр.: Вопленко Н.Н. Толкование права: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2007. С. 5; Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова - 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2024. С. 340-341; Пирмаев Е.В. Судебное толкование (теоретико-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск. 2019. С. 30, 37.

¹⁵ Вопленко Н.Н. Толкование права: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2007. С. 14.

¹⁶ Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса - 2-е изд., перераб. М.: Бр. Башмаковы, 1917. С. 229-230.

вопросах права. В противном случае они не смогут самостоятельно обеспечить защиту своих нарушенных или оспариваемых прав.

В контексте исследуемого вопроса представляет интерес одно из требований к содержанию искового заявления, установленное в п. 4 ч. 2 ст. 125 АПК РФ и заключающееся в необходимости указания в иске ссылок на законы и нормативно-правовые акты, на которых основаны требования истца к ответчику. Аналогичную норму можно обнаружить в ст. 257 УГС. Так, исковое прошение должно содержать в числе прочего указание на законы, на коих основан иск.

На наш взгляд, такое требование не свидетельствует о наличии у лиц, участвующих в деле (в данном случае – у истца), обязанности обосновывать суду избранную ими квалификацию спорных правоотношений и юридических фактов, на которых основаны требования и возражения.

Ученые дореволюционного периода развития цивилистической процессуальной мысли единодушно отмечали, что указанные в исковом прошении законы, которые, по мнению истца применимы к возникшему спору, равно как и юридическая квалификация фактов основания иска не являются обязательными для суда¹⁷. Эта позиция нашла свое отражение в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010¹⁸.

Думается, что установление обязанности лиц, участвующих в деле, доказывать необходимость толкования правовых норм определённым образом и правильность определенной юридической квалификации фактов основания иска и возражений против него (иных объяснений лиц, участвующих в деле) было бы концептуально возможно только в условиях введения в цивилистический процесс института обязательного профессионального представительства.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что к специальным знаниям могут быть отнесены знания правового характера, касающиеся содержания норм иностранного права. В свою очередь, правовые знания о содержании российского права нецелесообразно включать в данное понятие, поскольку их применение в формах судебной экспертизы и справочно-консультационной деятельности специалиста не соответствует целям цивилистического процесса. Наконец, выяснение мнения правоведов относительно толкования правовых норм и правовой квалификации юридических фактов не может иметь своим результатом получение арбитражным судом сведений

о фактических обстоятельствах рассматриваемого спора. В этой связи такая процессуальная деятельность ученых-юристов не может быть легализована с использованием доказательственного права, в том числе института использования специальных знаний.

Вернемся к поставленному в начале настоящей статьи вопросу о возможности квалификации в качестве консультации специалиста ответа на запрос СИП, полученного в порядке ч. 1.1 ст. 16 АПК РФ. С позиции, что правовые знания относительно толкования права и юридической квалификации фактов не относятся к специальным, заключим, что субъекты, к которым обращается СИП с запросом профессионального мнения по правовым вопросам, не могут, как предлагается в научной литературе¹⁹, рассматриваться в качестве специалистов (в том числе во внепроцессуальном значении этого слова), поскольку не являются лицами, владеющими специальными знаниями. Обращение СИП с запросом, при таких обстоятельствах, не является формой использования специальных знаний.

Вместе с тем, институт направления СИП запроса применяется и в более привычном направлении – для получения от лиц, владеющих специальными знаниями, имеющих значение для дела сведений в области науки, ремесла или искусства²⁰. Оснований для отказа в признании за таким ответом доказательственного значения нами не усматривается.

Таким образом, правовая природа ответа на запрос СИП различается в зависимости от содержания такого документа. В случае, если перед адресатом запроса были поставлены вопросы правового характера, представленный в специализированный арбитражный суд ответ однозначно не имеет доказательственного значения. В этой связи следует признать ошибочной встречающуюся в научной литературе позицию, в силу которой институт запроса СИП представляет собой дополнительную процессуальную возможность специализированного арбитражного суда по собиранию (истребованию) доказательств²¹. При этом возникает другая проблема, связанная с процессуальной квалификацией такого документа. Думается, что она может быть решена путем признания правовых заключений, представленных в ответ на запрос СИП, вспомогательными источниками цивилистического процесса. Подобные правовые конструкции уже исследовались в научной литературе²².

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что участие ученых-юристов в осуществлении

¹⁷ См., например, Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. С. 543-544; Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. СПб., 1876. С. 272, 362; Гордон В.М. Основание иска в составе измененных требований. Ярославль, 1902. С. 56.

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». // Российская газета. №109. 21.05.2010.

¹⁹ Ковалева А.В. Ответ на запрос специализированного арбитражного суда (ч. 1.1 ст. 16 АПК РФ) как особая форма участия специалиста и его доказательственное значение // Вестник гражданского процесса. 2017. №6. С. 201.

²⁰ См., напр.: постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 22.01.2024 №С01-412/2023 по делу №СИП-96/2022. URL: <http://consultant.ru/> (дата обращения: 02.04.2024); постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 19.01.2024 №С01-2130/2023 по делу №СИП-877/2022. URL: <http://consultant.ru/> (дата обращения: 02.04.2024); решение Суда по интеллектуальным правам от 19.12.2023 по делу №СИП-58/2023. URL: <http://consultant.ru/> (дата обращения: 02.04.2024).

²¹ Ковалева А.В. Указ. соч. С. 195.

²² Чайкина А.В. Источники гражданского процессуального права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 173-179.

правосудия остается актуальной и значимой проблемой для российского цивилистического процесса (в том числе, арбитражного судопроизводства). Новеллы арбитражного процессуального законодательства и судебной практики свидетельствуют о наличии потребности в законодательном определении правового режима этого института. Представляется, что надле-

жащее правовое регулирование использования специальных знаний должно быть основано на понимании различной природы сведений о фактических обстоятельствах рассматриваемого судом дела и сведений о надлежащем толковании правовых норм или юридической квалификации определенных фактов и не допускать смешения этих разных правовых явлений.

Библиографический список

1. Блохин П.Д. Умножение сущностей: обращение Конституционного Суда РФ к международной (зарубежной) судебной практике // Вестник исполнительного производства. – 2021. – № 3. – С. 6-13.
2. Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. – 624 с.
3. Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса - 2-е изд., перераб. – М.: Бр. Башмаковы, 1917. – 429 с.
4. Вопленко Н.Н. Толкование права: монография. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – 126 с.
5. Гаврилов Э.П. Право суда запрашивать заключения по правовым вопросам, несмотря на наличие в Римском праве принципа *jura novit curia* // Хозяйство и право – 2017. – №4. – С. 26-32.
6. Гольмстен А.Х. Участие представителей юридической науки в отправлении гражданского правосудия // Вестник гражданского процесса. – 2023. – №3. – С. 168-205.
7. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. – СПб., 1885. – 339 с.
8. Гордон В.М. Основание иска в составе измененных требований. – Ярославль, 1902. – 316 с.
9. Гражданское процессуальное право: учебник / С.А. Алехина, В.В. Блажеев и др.; под ред. М.С. Шакарян. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 584 с.
10. Дьяконова О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государственных членов ЕАЭС: теория и практика: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2021. – 498 с.
11. Жижина М.В. Криминалистическая экспертиза документов в арбитражном судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 241 с.
12. Ковалева А.В. Ответ на запрос специализированного арбитражного суда (ч. 1.1 ст. 16 АПК РФ) как особая форма участия специалиста и его доказательственное значение // Вестник гражданского процесса. – 2017. – №6. – С. 192-211.
13. Курьлев С.В. Избранные труды. – Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2012. – 607 с.
14. Мальшев К.И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. – СПб., 1876. – 444 с.
15. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова - 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2024. – 464 с.
16. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. – М., 1909. – 403 с.
17. Пирмаев Е.В. Судебное толкование (теоретико-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2019. – 194 с.
18. Треушников М.К. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1982. – 160 с.
19. Фурсов Д.А., Харламова И.В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Том второй: Гражданское судопроизводство как форма отправления правосудия. – М.: Статут, 2009. – 559 с.
20. Чайкина А.В. Источники гражданского процессуального права: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2021. – 221 с.

Рецензент: Михайлов С.М., заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

ЕФИМЦЕВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского права и процесса Оренбургского государственного университета 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, post@oimsla.edu.ru

КУЗНЕЦОВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА

аспирантка юридического факультета Донского государственного технического университета, помощник судьи Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда 344003, г. Ростов-на-Дону, площадь Гагарина, 1, nusen85@mail.ru

ПРАВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РАМКАХ ИХ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

EFIMTSEVA TATIANA VLADIMIROVNA

doctor of Law, associate professor, head of the Department of entrepreneurial and natural-resources law Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA), professor of the Department of civil law and procedure Orenburg State University 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, post@oimlsa.edu.ru

KUZNETSOVA ANNA ALEXANDROVNA

graduate student of the Faculty of Law Don State Technical University, Assistant Judge the Fifteenth Arbitration Court of Appeal 344003, Rostov-on-Don, Gagarin Square, 1, nusen85@mail.ru

THE LAW MECHANISM FOR ENSURING JUDICIAL PROTECTION RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS PARTICIPANTS OF LEGAL ENTITIES WITHIN THE FRAMEWORK OF THEIR ECONOMIC ACTIVITIES

***Аннотация.** В данной статье на основе анализа законодательства, практики его применения и научной литературы рассматривается правовой механизм, регулирующий судебную защиту прав и законных интересов участников юридических лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность на территории Российской Федерации, а также некоторые морально-нравственные аспекты в их поведении при обращении за судебной защитой. В статье высказаны некоторые идеи для поиска баланса интересов всех участников хозяйственной деятельности.*

***Ключевые слова:** хозяйственная деятельность, юридические лица, участники юридического лица, контролирующее должника лица, права и интересы, субсидиарная ответственность, судебный спор, судебная защита.*

***Annotation.** Based on the analysis of legislation, the practice of its application and scientific literature, this article examines the legal mechanism governing the judicial protection of the rights and legitimate interests of participants in legal entities engaged in business activities on the territory of the Russian Federation, as well as some moral aspects in their behavior when applying for judicial protection. The article presents some ideas for finding a balance of interests of all participants in economic activity.*

***Keywords:** business activities, legal entities, participants of a legal entity, persons controlling the debtor, rights and interests, subsidiary liability, litigation, judicial protection.*

В законодательстве Российской Федерации существует большое количество нормативных актов (Кодекс РФ об административных правонарушениях,

Жилищный кодекс РФ, Водный кодекс РФ, Лесной кодекс РФ, Закон СССР от 26.05.1988 № 8998-ХI «О кооперации в СССР», Федеральный закон от

31.05.1999 № 104-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Магаданской области и на территориях Южно-Курильского, Курильского и Северо-Курильского городских округов Сахалинской области», Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях», Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» и др.), в которых используется термин «хозяйственная деятельность», однако содержание данного понятия ни в одном нормативном акте не раскрывается¹.

В самом общем виде хозяйственная деятельность – совокупность действий, которые человек осуществляет для удовлетворения своих потребностей и достижения благосостояния. Она включает в себя производство, распределение и потребление товаров. В ходе хозяйственной деятельности люди преобразуют такие ресурсы, как земля, вода, воздух, растения, животные, полезные ископаемые, технологии и труд в продукты, предназначенные для удовлетворения их потребностей.

Иными словами, хозяйственная деятельность есть способ отношения человека к окружающему миру. В процессе этой деятельности человек преобразует природу, делая ее объектом своего воздействия. Исходя из этого, хозяйственная деятельность тесно связана с производством благ.

Правовое регулирование хозяйственной деятельности, его эффективность и способность отвечать стремительно развивающемуся экономическому обороту с учётом современных условий особенно ярко проявляется на стадии возникновения конфликтов между субъектами такой деятельности. Возможность разрешения споров приводит к необходимости закрепления в законодательстве правовых механизмов защиты прав и интересов участников хозяйственных отношений.

Что касается правового механизма, то С.А. Кузнецова предлагает, опираясь на методологический подход С.С. Алексеева, определять его исходя из наиболее широкого подхода, согласно которому правовой механизм – совокупность правовых норм, правоотношений и юридических актов, участвующих в правовом воздействии и существующих в виде динамической, внутренне единой системы, элементы которой приобретают новые свойства именно в результате своего взаимодействия².

В этой связи нужно отметить, что правовой механизм включает в себя основные понятия, принципы правового регулирования, права и обязанности участников правоотношений, меры ответственности и порядок ее применения, способы защиты прав и законных интересов субъектов. Но все это становится неподъемным тяжелым грузом для реального вопло-

щения в том случае, если право не опирается на существующие в данном обществе духовные морально-нравственные ценности.

По существу, нарушение прав одних лиц другими лицами в правовом поле всегда неразрывно связано с нарушением правил поведения, которое должно отвечать основам нравственности. Это означает, что, гарантируя судебную защиту одним лицам в случае нарушения их прав другими лицами, законодатель стоит перед сложной задачей – избежать злоупотребления правом.

В современном правовом регулировании хозяйственной деятельности, требующем, на наш взгляд, комплексного подхода³, совмещающего в себе как недопущение злоупотребления правами, так и стимулирование участников на добросовестное поведение, в последние годы произошли кардинальные изменения, в частности, в отношении контролируемых должников лиц. При осуществлении хозяйственной деятельности её субъекты нередко претерпевают неудачи, приводящие к их несостоятельности (банкротству). В этой связи, как в праве, так и в моральной плоскости, возникает вопрос: кто виноват, и кто будет нести ответственность.

Конституционный Суд РФ, являясь высшим органом судебной власти, выполняет также и роль контролера за соблюдением основных прав и свобод, гарантий их судебной защиты. Именно поэтому принимаемые Конституционным Судом РФ постановления не только разъясняют суть тех или иных прав и интересов, но и выступают мерой справедливости в частноправовой сфере. Так, постановление Конституционного Суда РФ от 16.11.2021 № 49-П⁴ предопределило поворот правоприменительной практики в сфере правовой защиты участников корпоративных отношений для соблюдения интереса к осуществлению в дальнейшем экономической деятельности относительно возможности и необходимости, а также соразмерности применения такой санкции за нарушение прав, как субсидиарная ответственность физического лица, контролирующего деятельность юридического лица. Необходимой формой обеспечения равных прав, исходя из позиции Конституционного Суда РФ, является и возможность привлекать участников хозяйственных отношений к ответственности в случае нарушения ими законодательства либо ущемления интересов управомоченных лиц.

Для разрешения указанных задач в теории права выработано понятие «субсидиарная ответственность». Обоснованность, грамотность и определённость в применении данного института на практике при регулировании хозяйственной деятельности субъектов имеет важное значение. Очевидно, что при

¹ Частнов К.С., Калеев Н.В. Понятие «хозяйственная деятельность» // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 282-284.

² Кузнецова С.А. К вопросу об определении понятия «правовой механизм» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1 (157). С. 9-12.

³ Ефимцева Т.В. Хозяйственное право: возвращение к истокам или новое рождение // Современное право. 2022. № 11. С. 11-15.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.11.2021 № 49-П «По делу о проверке конституционности статьи 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 34 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина Н.Е. Акимова» // СЗ РФ. 2021. № 48. Ст. 8141.

возникновении задолженности у юридического лица и в результате признания его банкротом (или в случае его ликвидации) утрачивается правоспособность такого лица, а долги кредиторов не погашены. В целях защиты интересов кредиторов, руководствуясь основным конституционными правами на справедливость и равенство, в том числе при реализации судебной защиты прав, к ответственности привлекаются лица, контролирующие должника (директора, участники общества др.).

Широкое применение на практике алгоритма, позволяющего привлечь контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности (ст. 53.1. ГК РФ), диктует необходимость обеспечить указанных физических лиц надлежащими средствами судебной защиты. Однако до недавнего времени у таких лиц отсутствовала возможность оспорить размер задолженности юридических лиц, подконтрольных им, и саму обоснованность требований к юридическим лицами вне дела о несостоятельности (банкротстве). В рамках обычного искового производства о взыскании задолженности контролирующие должника лица тоже не привлекались к участию в деле.

Теперь Конституционный Суд РФ учёл законный интерес физического лица обжаловать судебный акт и обратил внимание правоприменителей на необходимость соблюдения процессуальных прав при обращении таких субъектов за судебной защитой, отметив недопустимость снижения уровня её гарантий применительно к базовым принципам права в целом - справедливости и соразмерности.

Следовательно, обжалование лицом, привлечённым к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, судебного акта, принятого без его участия, по своей правовой природе является конституционной гарантией на судебную защиту.

В этой связи актуальной представляется проблема реализации закрепленного в Конституции РФ права каждого на судебную защиту в арбитражном процессе. При этом в случае использования данного права конкретным лицом необходимо учитывать моральный аспект. Иными словами, при рассмотрении и разрешении спора о защите нарушенного права остаётся всегда открытым вопрос о том, действительно ли нарушены права лица, либо лицо пытается добиться для себя экономической выгоды, используя судебный механизм. В последнем случае поведение субъекта идёт вразрез с предоставленными ему возможностями в правовом поле.

Позволяя каждому реализовать конституционное право на защиту, законодателем закреплен следующий механизм восстановления прав. Так, Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении от 29.05.2023 № 305-ЭС22-27851 по делу № А41-57716/2022, включённому в Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2023)⁵ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ

19.07.2023), сделан вывод о том, что контролирующее должника лицо, в отношении которого предъявлено требование о привлечении к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве, вправе обжаловать решение суда, явившееся основанием для включения требований кредиторов в реестр требований кредиторов, в апелляционном, кассационном порядке применительно к ст. 42 АПК РФ (п. 27 Обзора). Статья 42 АПК РФ определяет круг лиц, помимо изначально участвующих в экономическом споре (истец, ответчик, третье лицо), имеющих процессуальную возможность обжаловать судебные акты исходя из наличия материального интереса.

Таким образом, указанная Верховным Судом РФ позиция относительно предоставления права на обжалование судебных актов привлечённым к субсидиарной ответственности лицам по существу расширила круг лиц, указанных в статье 42 АПК РФ, и ввела в арбитражный процесс особую категорию «иных лиц», пользующихся равными правами с участниками спора.

После принятия Конституционным Судом РФ постановления от 16.11.2021 № 49-П и уточнения позиции относительно контролирующих должников лиц Верховным Судом РФ в определении от 29.05.2023 сформировалась практика обжалования судебных актов руководителями обществ, участвовавших в арбитражном процессе в качестве истца или ответчика вне рамок дела о банкротстве.

Полагаем, что указанные лица, с учётом сделанного высшим судебным органом вывода, получили наряду с возможностью обжаловать судебные акты, влияющие на размер требований кредиторов, некую привилегию в сравнении с остальными лицами, подпадающими под положения ст. 42 АПК РФ, поскольку нарушение их прав и заинтересованность в исходе спора предполагается априори. Получается, что, по сути, расширен также круг лиц, имеющих право на обжалование в «экстраординарном порядке».

В данном случае наблюдается конфликт основополагающих правовых принципов⁶. В связи с этим «личное» право субъекта на защиту посредством механизма судебной системы необходимо уравновесить и привести в баланс с базовым постулатом правового государства - принципом правовой определённости (ст. 1 Конституции РФ), который реализуется, в том числе в обязательности судебных актов и недопустимости их произвольной отмены, пересмотра и необходимости сохранения вступившего в законную силу судебного акта.

Следовательно, возникает вопрос о восстановлении пропущенного контролирующим должника лицом срока на обжалование судебного акта, принятого вне дела о банкротстве.

При этом наиболее ярко указанная проблематика может проявиться на стадии апелляционного обжалования решений судов первых инстанций, поскольку

⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 11.

⁶ Бошно С.В. Принципы права: понятие, классификация // Право и современные государства. 2019. № 4. С. 53-59.

ку руководители должников, привлеченных к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве, предпринимают активные попытки пересмотреть «внебанкротные» судебные акты с наиболее широким спектром процессуальных последствий, благоприятных для защиты своих прав и уменьшения задолженности.

Вместе с тем восстановление срока подачи апелляционной жалобы при отсутствии объективных на то обстоятельств ставит в неравное положение участников судебного процесса, что является недопустимым (ст. 7, ст. 8, ч. 2 ст. 9 АПК РФ). Так, на стадии апелляционного производства процессуальное законодательство предоставляет право суду апелляционной инстанции перейти к рассмотрению дела по правилам, установленным для рассмотрения дела в суде первой инстанции, что предполагает возможность представления новых доказательств, а также заявления важнейших процессуальных ходатайств, влияющих на результат рассмотрения иска, таких, как о применении срока исковой давности, о фальсификации доказательств, о применении статьи 333 ГК РФ к требованию об ответственности.

Таким образом, при разрешении ходатайства о восстановлении пропущенного срока на подачу апелляционной жалобы, поданной лицом, не участвовавшим в деле, подлежит также установлению момент, когда данное лицо узнало или должно было узнать о нарушении его прав и законных интересов.

Применительно к рассматриваемой в данной теме категории «особых» участников арбитражного процесса - лиц, привлеченных к субсидиарной ответственности по обязательствам должника-общества в деле о банкротстве, представляется, что к вопросу о восстановлении срока на обжалование судебного акта, принятого в общеисковом производстве (возможно в упрощенном порядке) следует подходить с наибольшей внимательностью. Так, в любом арбитражном споре между субъектами предпринимательской деятельности - обществами или обществом и индивидуальным предпринимателем - участвует законный представитель общества - директор (руководитель), имеющий право действовать от имени общества без доверенности (либо предприниматель лично), либо представитель по доверенности.

При принятии жалобы на решение, поданной директором общества-должника, в случае установления арбитражным судом того, что в споре участвовал не представитель по доверенности, а непосредственно руководитель, и он же подписывал от имени общества-должника документы, полагаем, что в такой ситуации срок на обжалование не подлежит восстановлению. Действующий директор общества при должной степени осмотрительности и порядочности не мог не знать о наличии судебного спора, (даже в случае, если отсутствовали предпосылки банкротства общества), мог и должен был проявлять процессуальную инициативу по защите интересов общества и оспариванию судебного акта в случае принятия незаконного решения. В противном случае обжалование суб-

сидиарным должником-директором всех решений и обособленных споров приведет к нарушению баланса интересов сторон и затягиванию момента фактического взыскания в пользу кредиторов. Кроме того, это приведет к тому, что открывается также неоправданный риск отмены судебного акта спустя значительное время (по делу №А56-8868/2012 директор общества пытался оспорить решение, принятое более 10 лет назад - в 2012 году; постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06.09.2023 в восстановлении срока отказано).

Необходимо также учитывать то обстоятельство, что процессуальный срок на обжалование судебных актов для такого лица начинает течь не ранее подачи в суд искового заявления о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности.

Представляется крайне важным в поиске баланса и пресечения злоупотребления механизмом, обеспечивающим правовую защиту, установление и сопоставление апелляционным судом при решении вопроса о восстановлении срока на обжалование судебных актов периодов нахождения лица, подающего жалобу и привлеченного к субсидиарной ответственности по долгам общества, в качестве контролирующего.

В случае, если судебный акт о взыскании задолженности либо устанавливающий обязанности и действия в отношении юридического лица принят в период задолго (более чем год) до вступления в должность привлеченного к субсидиарной ответственности лица, практическим механизмом, позволяющим ограничить злоупотребление такого лица правом на обжалование всех решений, принятых в отношении общества-должника и влияющих на объём долга, будет служить отказ в восстановлении срока на подачу жалобы с указанием на невозможность контролировать общество в период до вступления в должность руководителя и влиять на эффективную судебную защиту от предъявленных имущественных требований, возникших у контрагентов в обычной хозяйственной деятельности. Что имеется ввиду? Решение, на основании которого кредитор вступил в реестр - «просуженная задолженность», принято и вступило в законную силу, например, в 2016 году. Дело о банкротстве возбуждено в 2018 году. Должник признан банкротом в 2021 году. В 2022 году контролирующее должника лицо привлечено к субсидиарной ответственности. Однако данное лицо назначено директором общества только с 2017 года. Таким образом, решение, принятое в отношении общества в 2016 году, не может быть оспорено лицом, которое фактически не имело отношения и возможности управлять обществом, поскольку в силу объективных причин не могло повлиять на хозяйственную деятельность общества в период до вступления в должность директора. К тому же нелогично предположить, что такое лицо может представить доказательства, свидетельствующие о меньшем размере задолженности по конкретному договору.

Исключением из выдвинутого предположения могли бы быть только жалобы на судебные акты о

признании обществом в лице его прежнего руководителя иска с явным имущественным ущербом интересам общества, а также такие судебные споры, из которых однозначно усматривается пассивная процессуальная позиция должника. В тех же случаях, когда из материалов дела очевидно, что общество-должник активно защищало свои интересы, представляло отзывы и имеющиеся доказательства, оспаривало решения и постановления судов, принятие к производству жалобы назначенного в последующем директора общества и восстановление срока на обжалование без учёта указанных обстоятельств представляется неоправданным, ставящим под угрозу стабильность принятых судебных актов.

Кроме того, при решении вопроса о восстановлении срока на обжалование судебного акта такому лицу и принятии жалобы к производству, особое внимание стоит уделить, исходя из прямой формулировки, данной Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении от 29.05.2023, установлению того, является ли обжалуемый судебный акт-решение суда прямым основанием для включения требований кредиторов в реестр требований кредиторов, либо апеллиант пытается пересмотреть иной судебный акт, тем или иным способом способный повлиять на возможность удовлетворить требования кредиторов путем увеличения активов, принадлежащих обществу (например, если

директор общества, привлеченный к субсидиарной ответственности по его долгам, предпринимает попытку оспорить судебный акт о признании отсутствующим имущества права).

Представляя собой самый распространенный и укоренившийся в правосознании субъектов хозяйственной деятельности как эффективный механизм защиты прав, судебная власть, за которой стоят конкретные люди-судьи, призвана максимально объективно рассматривать такие оценочные категории, как «разумный по своей продолжительности период», «отсутствие объективных оснований», «произвольное восстановление процессуальных сроков», установив баланс интересов сторон (постановление Конституционного Суда РФ от 17.03.2010 № 6-П⁷).

Итак, в заключение отметим, что, находясь в эпицентре конечного, прикладного регулирования поведения субъектов, а значит, и хозяйственной деятельности в целом, в недавнем прошлом, в современности и в будущем, судебная власть, как одна из ветвей государственной власти, в том числе арбитражные суды, разрешающие экономические споры, призвана формировать нравственное поведение личности, стоящей за «юридическим участником» любых отношений, не допускающее ущемления основных прав и свобод иных лиц с целью получения собственной выгоды и стремления исключительно к приросту материальных благ.

Библиографический список

1. Бошно С.В. Принципы права: понятие, классификация // Право и современные государства. – 2019. - № 4. – С. 53-59.
2. Ефимцева Т.В. Хозяйственное право: возвращение к истокам или новое рождение // Современное право. – 2022. - № 11. - С. 11-15.
3. Кузнецова С.А. К вопросу об определении понятия «правовой механизм» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. - № 1 (157). – С. 9-12.
4. Частнов К.С., Калеев Н.В. Понятие «хозяйственная деятельность» // Балтийский гуманитарный журнал. - 2016. - Т. 5. № 3 (16). – С. 282-284.

Рецензент: Томина А.П., заведующий кафедрой гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.03.2010 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 117, части 4 статьи 292, статей 295, 296, 299 и части 2 статьи 310 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Довод» // СЗ РФ. 2010. № 14. Ст. 1733.

Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА
№ 3 (61) / 2024

Подписано в печать 15.10.2024 г. Дата выхода в свет 11.11.2024 г.
Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная. Свободная цена.
Усл. печ. листов 12,5. Тираж 25. Заказ 40.

Адрес издателя: 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50.

Отпечатано в ООО ИПК «Университет».
Адрес: 460007, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6.